РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

2(95)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Революция 1917 г.: Причины. Нерешенные проблемы
The Revolution of 1917: Reasons. Unsolved problems

Средний класс в России и Германии: Сравнение
The Middle Class in Russia and Germany: A Comparison

Борьба с «Исламским государством»
The Fight Against the «Islamic State»

Наследие русской эмиграции: Возвращение на Родину
Heritage of Russian Emigration: The Return to Motherland

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

МОСКВА
2017

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75

ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзеханов – доктор исторических наук, профессор, главный редактор, *В.Н. Бабенко* – доктор исторических наук, профессор, *Л.Н. Верченов* – кандидат философских наук, *В.И. Герасимов* – кандидат филологических наук, член-корреспондент МАИ, зам. главного редактора, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.Н. Шаншиева* – кандидат философских наук

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Ведущий редактор *Д.А. Семенова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*

Р 75 **Россия и современный мир** = Russia and the contemporary world: Научный журнал / РАН. ИНИОН, Институт экономики; Редкол.: В.С. Мирзеханов (гл. ред.) и др. – М., 2017. – ISSN 1726–5223. – № 2 (95). – 234 с.

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009
ISSN 1726–5223
© ИНИОН РАН, 2017

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

М.И. Воейков
Революция 1917 года в России: Социально-экономические проблемы 6

M.I. Voeykov
The Russian Revolution of 1917: The Socio-Economic Problems

В.А. Ковалёв
Нет у революции конца? От политических переворотов к изменению основ цивилизации (Статья 2-я) 23

V.A. Kovalev
The Revolution Never Ends? From Political Coups to Changing the Bases of Civilization (Article 2)

О.И. Киянская
Декабристы в отечественной истории и историографии: Полемические заметки 42

O.I. Kiyanskaya
The Decembrists in Russian History and Historiography: Polemical Notes

М.Е. Баскакова, И.В. Соболева
Малый бизнес: Качество занятости и соблюдение трудовых прав 57

M.E. Baskakova, I.V. Soboleva
Employment Quality and Observance of Labour Rights in the Sphere of Small Business

РОССИЯ И МИР, В XXI ВЕКЕ

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

О.А. Александрова
Средний класс в России и Германии: Природа различий 75

O.A. Aleksandrova
Middle Class in Russia and Germany: The Nature of Differences

М.А. Ядова
Образовательные и профессиональные стратегии постсоветской молодежи 91

M.A. Yadova
The Educational and Professional Strategies of the Post-Soviet Youth

Н.И. Васильева		*N.I. Vasilieva*
Прямые иностранные инвестиции в реальном секторе экономики России: Итоги 2016 года	*105*	*Direct Foreign Investments into Real Sectors of Russian Economy: Results of 2016*
Е.А. Мосакова		*E.A. Mosakova*
Россия в системе современной международной трудовой миграции	*113*	*Russia in the System of Modern International Labour Migration*
Ю.А. Гринева		*Yu.A. Grineva*
Основные тенденции развития миграционных потоков в Литве на рубеже XX–XXI вв.	*122*	*The Main Trends in the Migration Flows Development in Lithuania at the Turn of the 20th–21st Centuries*
А.М. Сереброва		*A.M. Serebrova*
Борьба с «Исламским государством»: Война и политика	*129*	*The Fight Against the «Islamic State»: The War and Politics*
РАЗМЫШЛЕНИЯ. СООБЩЕНИЯ. КОММЕНТАРИИ		**REFLECTIONS. COMMUNICATIONS. COMMENTS**
И.К. Богомолов		*I.K. Bogomolov*
Русские подданные в Австро-Венгрии и Германии в июле–октябре 1914 г.	*143*	*Russian Citizens in Austria-Hungary and Germany in July-October 1914*
З.С. Бочарова		*Z.S. Bocharova*
Правовое положение русских беженцев во Франции в 1920–1930-е годы	*161*	*The Legal Status of Russian Refugees in France in the 1920–1930-ies*
Л.П. Муромцева		*L.P. Muromtseva*
Наследие русской эмиграции: Возвращение на Родину	*177*	*The Heritage of Russian Emigration: Return to Motherland*
А.В. Вараксин		*A.V. Varaksin*
Социальные сети в условиях демократизации современной России	*194*	*Social Network and the Democratization of Modern Russia*

И.В. Лукьянов
Государство в условиях четвертой промышленной революции 201

А.Ю. Лесь
Стратегические союзники России на глобальном медиапространстве 209

А.И. Андреев
Россия в глобальном мире знаний 216

О.А. Алексеенко
Перспективы России в полицентричной системе международных отношений 226

I.V. Lukjanov
The State During the Fourth Industrial Revolution 201

A.Yu. Les
Strategic Allies of Russia on the Global Mediaspace 209

A.I. Andreev
Russia in the Global World of Knowledge 216

O.A. Alekseenko
Perspectives of Russia in Polycentric System of International Relations 226

М.И. Воейков

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы экономической интерпретации Великой Русской революции. Доказывается, что она в целом носила буржуазно-демократический характер, включала два этапа: февраль и октябрь. Никаких объективных оснований для объявления октябрьской революции социалистической не было, ибо капитализм в России к началу XX в. только начал складываться. Дальнейшее развитие страны проходило в рамках буржуазной стадии развития. Тем не менее революция означала переломный момент российской истории, переход от монархического государственного устройства к республиканскому.*

Ключевые слова: *Русская революция, капитализм, аграрный строй, община, товарное производство, рабочий класс, советская власть.*

Воейков Михаил Илларионович – доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором Института экономики РАН.

M.I. Voeykov. The Russian Revolution of 1917: The Socio-Economic Problems

Abstract. *The article deals with the problems of economic interpretation of the Great Russian Revolution. It is proved that generally the Revolution was bourgeois-democratic and consisted of the two phases: February and October. There were no objective grounds to declare the October revolution as the socialist one, because capitalism in Russia had just begun to shape only by the beginning of the 20th century. Then the further growth of the country went on within the framework of the bourgeois stage of development. However, the revolution as a whole is of a great historical significance. The Revolution in Russian history indicated the turning point in transition from a monarchic state system to a republican one.*

Keywords: *The Russian revolution, capitalism, the agrarian system, the community, commodity production, the working class, the Soviet government.*

Voeykov Michail Illarionovitch – Doctor of Economic sciences, Professor, Head of the section of The Institute of Economics, RAS.

100 лет назад царь Николай II отрекся от престола. Это стало кульминационным моментом Русской революции. Великая Российская (или Русская) революция, как бы к ней ни относиться, означала перелом в общественном развитии России. Нас учили, что в феврале 1917 г. произошла буржуазно-демократическая революция, а в октябре того же года – социалистическая, после которой началось и осуществилось строительство социалистического общества в нашей стране.

Более 70 лет в России существовал так называемый «государственный социализм» со всеми его плюсами и минусами. Корни его, несомненно, восходят к 1917 г., к характеру самой Русской революции. Следует оставить вне рассмотрения утверждения того рода, что революция в России была искусственно навязана русскому народу, что это была беда для России, что революция увела страну в сторону от мировой цивилизации. Конечно, ни один серьезный исследователь любого политического толка в любой стране мира так не считает. Вот что, например, пишет на этот счет американский историк Ричард Пайпс, который сам себя аттестует как «октябриста»: «Решения, принятые Николаем в августе 1915 года, сделали революцию практически неотвратимой». И несколько дальше: «К концу 1916 года оппозиционные настроения охватили и высшие военные круги, и высшую бюрократию, и даже великих князей, которые решили, как говорилось, “спасти монархию от монарха”. Россия еще не знала такого единения, а двор – такой изоляции. И революция 1917 года стала неизбежной...» [28, с. 257, 277].

Революции не могут быть кем-то придуманы, не могут быть искусственно вызваны или организованы, даже самыми сильными личностями или партиями. Революции – это спонтанный и закономерный этап естественного процесса исторического развития. Этап, к сожалению, малоприятный, но объективно неизбежный. Князь П.А. Кропоткин как-то сказал о русской революции 1917 г.: «Пережитая нами революция есть итог не усилий отдельных личностей, а явление стихийное – не зависящее от человеческой воли, а такое же природное явление, как тайфун, набегающий на берега Восточной Азии... Все мы – я в том числе – подготовили этот стихийный переворот. Но его же подготовили и все предшествующие революции 1789, 1848, 1871 годов, все писания якобинцев, социалистов, политиканов, все успехи науки, промышленности, искусства и т.д.» [19, с. 196]. Отметим здесь лишь одну тонкость. Революции, как правильно замечает П. Кропоткин, не зависят от человеческой воли, но совершаются через человеческие действия, посредством воли. Эту объективную неизбежность, выражающую себя через субъективную форму, некоторые наблюдатели не замечают, и форма часто принимается ими за содержание. Более проницательные наблюдатели думают иначе. Приведу лишь слова Н.А. Бердяева, который как бы специально отвечает многим сегодняшним недоброжелателям русской революции и русской

общественной мысли: «Мне глубоко антипатична точка зрения слишком многих эмигрантов, согласно которой большевистская революция сделана какими-то злодейскими силами, чуть ли не кучкой преступников, сами же они неизменно пребывают в правде и свете. Ответственны за революцию все, и более всего ответственны реакционные силы старого режима. Я давно считал революцию в России неизбежной и справедливой» [5, с. 226[. С этими словами, сказанными великим русским философом в конце жизни, можно лишь солидаризироваться.

Вместе с тем надо, наверное, ответить на вопрос, который сегодня муссируется среди некоторой части интеллигенции: что было бы с Россией, если бы не произошла или не удалась Русская революция? Думаю, что если бы в России в 1917 г. не совершилась революция и особенно ее октябрьский этап, Россия осталась бы слаборазвитой страной полуколониального типа с некоторым развитием крупной промышленности, с некоторыми элементами утонченной культуры узкого слоя населения, с глубокими корнями народной духовности, но и с малограмотной и нищей массой населения. Английский историк И. Дойчер пишет: «В эпоху последних Романовых великая империя была наполовину колонией. В руках западных держателей акций находилось 90% шахт России, 50% предприятий химической промышленности, свыше 40% металлургических и машиностроительных предприятий и 42% банковского капитала» [14, с. 170]. Примерно эти же цифры приводит и известный советский историк народного хозяйства П.И. Лященко. Иностранный капитал, непосредственно вложенный в отдельные отрасли, составлял к 1916–1917 гг.: горное дело – 91%, металлообработка – 42, текстильная промышленность – 28, химическая – 50, деревообработка – 37% [22, с. 380]. В 1914 г. внешний долг царской России, указывает Б.А. Хейфец, в 2,3 раза превышал внешний долг Индии и в 2,6 раза – Японии. «По размерам внешнего долга Россия была первой в мире» [36, с. 25]. Ясно, что Россия при этих условиях не могла бы и мечтать о месте второй сверхдержавы в мире.

Основной вопрос всей темы Великой российской революции состоит в выяснении того – сколько было революций: одна или две. В советский период утвердилось положение, что в феврале 1917 г. была буржуазно-демократическая революция, а в октябре того же года – пролетарская, социалистическая. Было как бы две революции. Это положение во многом сохранилось и до сего дня. Оно разделяет современное российское общество на две части: одни за буржуазную революцию, другие за социалистическую. Даже те, кто вообще отрицают значение и смысл русской революции, по сути дела принимают ее за социалистическую. Ибо не приемлют «социализм», под названием которого в XX в. сложился особый общественно-экономический строй в России. Но есть основания подвергнуть сомнению эту советскую

догму. Указанные этапы можно различать хронологически и исторически, но политэкономически они сливаются в один процесс.

Это была одна Великая Российская революция с двумя этапами 1917 г., а заключительный ее этап приходится на 1920 г. – год окончания гражданской войны. Разделение революции на две с противоположными характеристиками не выдерживает критики ни с теоретической, ни с эмпирической стороны. Теоретически совершенно ясно, что за восемь месяцев между февралем и октябрем капитализм в России не мог развиться так, чтобы создать необходимые экономические предпосылки для социализма. Изучая же революцию эмпирически, понятно, что это была одна революция, но с двумя этапами. Сами участники и свидетели революции не превращали эти два этапа в принципиально различные революции. «Вся суть в том, – писал Л. Троцкий, – что Февральская революция была только оболочкой, в которой скрывалось ядро Октябрьской революции» [33, с. 24]. Это очень любопытная оговорка одного из ведущих деятелей большевистского руководства. Если Октябрьскую революцию трактовать как социалистическую, значит и Февральская, если она только оболочка, в существе своем была социалистической революцией. Но тогда – где и когда была буржуазная революция? Ведь не может же феодальное общество с фундаментом «первобытно-коммунистического характера» (по словам Ф. Энгельса) сразу перескочить к социалистической революции, пропустив буржуазную стадию развития.

Отказ от деления Русской революции 1917 г. на февральскую и октябрьскую как на две самостоятельные революции ведет к необходимости переосмысления утвердившихся представлений об их характере. Если мы имеем одну революцию, то, стало быть, сущность ее также едина. Возникает и другой вопрос. Если февральская революция была буржуазной, а с этим почти все согласны, то произошла она по общему правилу в начале становления капитализма, а не в конце. Значит, появляется проблема становления капитализма в России: был ли он и когда?

Известно, что формации за один год не образуются, это длительный процесс, занимающий столетия. Более того, капитализм после крестьянской реформы 1861 г. далеко не занял господствующего положения даже в промышленном секторе страны. Можно вполне утверждать, что всю вторую половину XIX в. экономические отношения даже в промышленности характеризовались полукрепостническим состоянием. Значит, период после Великой реформы 1861 г. ушел на то, чтобы сделать рабочих из крепостных действительными рабочими, продающими свою рабочую силу на свободном рынке труда.

Некоторые советские историки показали, что даже на промышленных предприятиях Урала к началу XX в. сохранялись некапиталистические уклады. Так, В.В. Адамов утверждал, что в этот период вся российская промыш-

ленность была многоукладна, что лишь в конце XIX – начале XX в. в прессе и литературе был поднят вопрос «о путях и средствах ликвидации крепостнических порядков и реорганизации промышленности Урала на капиталистических началах» [2, с. 252]. Надо сказать, что в начале XX в. на Урале концентрировалась существенная доля национального промышленного производства. Так, в 1910 г. из 173 действующих железоделательных предприятий страны 94 (или 54%) размещались на Урале. То есть более половины промышленных предприятий основного индустриального ядра (металлургия) даже в начале XX в. не были охвачены капиталистическими отношениями в точном и полном смысле этого слова.

У некоторых отечественных историков также можно обнаружить аналогичную позицию, но, что называется, читая между строк. Так, М.Я. Гефтер, анализируя дискуссию 1929 г. о финансовом капитале в России, отмечал, что в той дискуссии выяснялась внутренняя почва для появления «перезрелого капитализма» в стране, где, как пишет Гефтер, «еще не сложились окончательно или даже отсутствовали многие из основных условий для капитализма свободной конкуренции» [11, с. 85]. Однако такая позиция была редким исключением, к тому же глубоко замаскированным общепринятыми положениями и стандартными фразами. Известный французский историк Н. Верт по этому вопросу пишет: «Часто, вопреки собственным исследованиям, советские историки настойчиво утверждают, что отмена крепостного права, которую они называют “буржуазной реформой”, вызвала ускоренное развитие капитализма в деревне. Тем самым они лишь повторяют тезис Ленина, выдвинутый им в 1900 г. в работе “Развитие капитализма в России”. В действительности же, если принять во внимание те условия, при которых было уничтожено крепостное право, его отмена вовсе не способствовала развитию капитализма, а скорее укрепляла архаичные, можно сказать феодальные экономические структуры» [9, с. 13]. Думается, последнее утверждение французского историка малообоснованно. Все-таки, она их расшатывала. Но суть дела автор уловил верно: 1861 год еще не дал и не мог дать капитализма как господствующую форму производства в стране, хотя и открыл некоторую возможность такого развития.

Заметим, что нельзя говорить о господстве (не развитии, а именно господстве) капиталистического строя в России конца XIX в., не объяснив – куда девалась община. Ведь более 80% населения страны в начале XX в. составляло сельское население, и все или почти все это население было охвачено общинными и натуральными производственными отношениями. По имеющимся данным историков, 83,2% крестьянской земли в Европейской России в 1905 г. было в общинном пользовании. В этих условиях не было свободного товарного оборота земли и не было свободного рынка труда. Более того, как отмечают специалисты по аграрному вопросу России конца

XIX в., несмотря на ускорение замены отработочной ренты на денежную, что могло бы свидетельствовать о проникновении товарных отношений в сельскохозяйственное производство, замена эта была лишь номинальной.

Столыпинские реформы начали процесс капитализации деревни, но и он не был ни последователен, ни закончен. По общему мнению специалистов, эти реформы потерпели поражение. А. Анфимов на основе тщательного анализа делает такой вывод: «Официальные государственные акты позволяют высказать утверждение, что столыпинский вариант земельной реформы в России потерпел крушение еще при жизни Столыпина» [3, с. 133]. Другой крупный отечественный историк И.Д. Ковальченко, который, заметим, по вопросу капитализации аграрной сферы придерживался противоположной позиции, тем не менее, проанализировав все современные «мифы и реальности» столыпинской реформы, приходит к тому же самому выводу: «Проведенный анализ показывает, что столыпинская аграрная реформа по сути провалилась еще до Первой мировой войны» [17, с. 485]. В связи с этим следует признать ничем не обоснованным и устаревшим мнение некоторых историков (как старых, так и новых), что «на основе столыпинской реформы ликвидируется поземельная община», высказанное еще в 1951 г. академиком Н.М. Дружининым. Это искусственное утверждение, как и многие другие такого же рода, высказывалось лишь с одной целью – показать или провозгласить (ибо доказать это было невозможно) высокую степень развития капиталистических отношений в России в начале XX в.

Итак, основное население страны жило в деревне и занималось сельским хозяйством, несмотря на бурное развитие промышленности. Некоторые историки упорно настаивают на утверждении, что и в аграрной сфере происходило интенсивное развитие капиталистических отношений. Действительно, такое развитие имело место. Однако показатели товарности крестьянского хозяйства свидетельствуют о преобладании натуральной формы производства. Так, известные историки-экономисты Н.Д. Кондратьев и П.И. Лященко дают примерно равный процент товарности сельскохозяйственной продукции в первом десятилетии XX в.: 33,3% [18, с. 101] и 26,0% [22, с. 279]. Причем последний автор отмечает, что середняки и бедняки, производя половину всего хлеба, давали лишь 14,7% его товарности. Иными словами, более 85% производства подавляющего большинства населения страны оказывалось натуральным. Анализ итогов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. позволил Л.Н. Литошенко сделать вывод, что «в Европейской России капиталистически организованные хозяйства занимали не более 10% общей посевной площади» [21, с. 102]. Это резко контрастирует с бездоказательными утверждениями историков советской поры, что к середине XIX в. у нас существовало крестьянское хозяйство, «которое уже в значительной мере втянулось в товарное производство». Дореволюционная русская деревня,

объединяющая абсолютное большинство населения страны и тем самым доминирующая во всех сферах русской жизни, была опутана не капиталистическими, а феодальными отношениями. И сегодня совершенно справедлив вывод П.И. Лященко, сделанный им еще более полувека назад: «Гвоздем аграрных отношений и через 40 лет после реформы, так же как и в 1861 г., оставалась борьба крестьянства против помещичьих латифундий» [22, с. 88].

Таким образом, говорить о глубоком проникновении капитализма в аграрный сектор дореволюционной России просто не приходится. Главная проблема в аграрной сфере состояла в малоземелье подавляющего числа крестьянских семей. То количество земли, которым владели крестьяне, не могло обеспечить их выживаемость. По имеющимся данным, в центральных губерниях России на крестьянский двор приходилось в среднем 7–8 десятин земли (1 десятина = 1,09 га). Тогда как для нормального воспроизводства крестьянского хозяйства нужно было в 2 раза больше, т.е. 14–15 десятин. Необходимость перераспределения земли, в первую очередь помещичьей, и составляла основную материальную предпосылку русской революции.

Если исходить из формулы, что капитализм в стране к началу XX в. был достаточно развит, то, видимо, преобладающим классом следует признать пролетариат. Между тем в России к 1917 г. преобладало крестьянство. Этот факт никто не подвергает сомнению. Реальную структуру трудящегося населения России в предреволюционную пору дает А.Г. Рашин [31, с. 171]. По его данным, в 1913 г. численность промышленных рабочих и служащих составляла 7 850 тыс., численность занятых на транспорте и связи – 1 400 тыс., сельскохозяйственных рабочих – 4 500 тыс., чернорабочих и поденщиков – 1 100 тыс., рабочих, учеников и служащих в торговле, гостиницах, ресторанах – 865 тыс., численность разнообразной «прислуги» – 2 100 тыс. В целом получается 17 815 тыс. человек или, если принять все население России в 1913 г. за 159,2 млн, то все трудящиеся массы (кроме предпринимателей, хозяев и крестьян в том числе) составят немногим более 11% населения страны.

В этих исчислениях А. Рашина, которые, можно сказать, стали классическими и широко воспроизводятся многими исследователями, есть тем не менее серьезные изъяны. Так, А. Рашин указывает, что только рабочих промышленных предприятий в 1913 г. насчитывалось 2 120,8 тыс. человек, что составляло примерно 1,3% общей численности населения страны. Но это, по Рашину, касается только численности рабочих промышленности. Весьма сомнительно относить к пролетариату разнообразную прислугу в количестве 2 100 тыс., как и сельскохозяйственных рабочих (4 500 тыс.). В российских условиях это по сути дела те же крестьяне, которые в силу разных причин временно вынуждены работать по найму. Однако и у них есть свой крестьянский дом, свое хозяйство, крестьянская (в целом мелкобуржуазная), а не пролетарская идеология и психология. Таким образом, если даже очень грубо

очистить данные Рашина от явных натяжек (т.е. вычесть прислугу, учеников и служащих в торговле, гостиницах, ресторанах, сельскохозяйственных рабочих), но оставить в его перечне «служащих» во всех остальных разрядах, ибо не представляется возможным их статистически вычленить, то получаем общий итог в 10 350 тыс. человек, или 6,5% от всего населения. Таким образом, если брать только пролетариат в узком его значении, которое является и наиболее точным, т.е. рабочих фабрично-заводской промышленности, то на 1917 г. мы должны остановиться на цифре примерно в 3–4 млн человек.

Другими словами, пролетариата в точном смысле этого слова перед революцией 1917 г. в России было примерно 2–3% от всего населения страны. Здесь, правда, можно возразить, что в данном подсчете не учитываются члены семьи, что увеличило бы приводимую цифру как минимум в 2–3 раза. Однако нам представляется, что членов семьи, иждивенцев нельзя включать в общее число пролетариата (или шире – рабочего класса), ибо домашняя хозяйка и тем более дети и старики не являются носителями конституирующих признаков данного класса. Но даже если увеличить численность рабочих за счет взрослых членов семьи, то общий процент этого класса в любом случае не превысит 5–6% от всего населения страны.

К этому следует добавить, что даже этот ничтожный процент в большинстве своем охватывал рабочих, которые имели давние корни в деревне, не прервали своих связей с сельскохозяйственным производством, психологически были близки к мелкобуржуазной стратегии поведения, в целом разделяя буржуазные (точнее, мелкобуржуазные) идеологические стереотипы. В старой статистической, а также в новейшей исторической литературе этот вопрос, думается, уже основательно прояснен.

Таким образом, можно сделать вывод, что почти половина рабочих России в первой четверти XX в. стали таковыми лишь в первом поколении. Да и среди всех рабочих от 12 до 30% и более держали землю в целях сельскохозяйственного производства. Здесь уместно привести мнение отечественного историка Л.В. Милова о силе инерции крестьянского хозяйства в среде промышленных рабочих: «Если участие в промышленном труде позволяет непосредственному производителю не отрываться от ведения крестьянского хозяйства, то он остается владельцем жизненных средств в их изначальной форме и отрабатывает в форме промышленного труда лишь свои феодальные повинности. Это классическая форма крепостного промышленного труда…» [23, с. 570]. Иными словами, до 30% промышленных рабочих в начале XX в. все еще не могли выбраться из пут феодальных отношений.

Современные исторические работы в целом подтверждают эти положения. Многие фабрично-заводские рабочие разных губерний в начале XX в. уходили на летние работы в село. И, согласно данным статистики, большинство рабочих все еще принадлежали к крестьянству «по социальному положе-

нию». Даже Р. Пайпс, в своей обычной манере перехлестов, пишет: «В начале XX века промышленные рабочие в России представляли собой, за небольшим исключением, не столько определенно выраженную социальную группу, сколько разновидность крестьянства» [28, с. 120]. Это, конечно, лишь частичная истина, но весьма характерная. Таким образом, в России к 1917 г. численность пролетариата была незначительной, и в существенной своей части он был или вчерашним крестьянином или имел тесные связи с аграрным сектором экономики.

Рассмотрим теперь еще одну мифологему советского времени, которая почему-то стала популярна сегодня среди некоторых писателей. В советский период нужно было идеологически оправдать социалистический характер Октябрьской революции и дальнейшее строительство социализма в экономически и культурно отсталой стране. Ведь с научной точки зрения делать социалистическую революцию, по сути, в феодальной стране, толком не прошедшей этап капиталистического развития, было бы невозможно. Вопрос таким образом сводился к определению степени развитости капитализма в России к 1917 г.

Оставим в стороне фантастический взгляд, что Россия в начале XX в. представляла собой мощно развивающуюся экономическую систему, которая входила в число пяти-семи ведущих стран капиталистического мира – взгляд, который активно развивался в начале 1990-х годов в основном в публицистике, но к науке никакого отношения не имеет. Этот взгляд был инспирирован конъюнктурным желанием ангажированных авторов того смутного времени привести хоть какое-нибудь серьезное обоснование в защиту идеологической позиции о ненужности, искусственности революции 1917 г. Мол, Россия и так прекрасно развивалась. Но этот взгляд полностью игнорирует все результаты социальных наук, полученные серьезными исследователями независимо от их политической ориентации.

Развитие экономики России в рассматриваемый период действительно было значительным, но еще не выводило страну в ряд высокоразвитых капиталистических стран. По среднедушевому доходу страна оставалась в разряде отсталых стран мира. Так, по данным известного американского исследователя П. Грегори, Россия в 1913 г. имела доход на душу населения, равнявшийся 50% немецкого и французского, 20 – английского и 15% американского. К 1913 г., продолжает П. Грегори, относительная позиция Российской империи ухудшилась из-за быстрого роста населения и сравнительно низких темпов роста объема производства между 1861 г. и 1880-ми годами. Он заключает: «Относительная отсталость экономики России очевидна» [13, с. 21]. Есть и более обобщенные данные. А.Г. Вишневский приводит темпы прироста валового национального продукта на душу населения за 1870–1913 гг. по основным странам. Так, среднегодовые темпы прироста были (в процентах):

Россия – 1,0; США – 2,2; Великобритания – 1,1; Германия – 1,6; Франция – 1,4; Италия – 0,7; Япония – 1,7. Россия, хотя и развивалась почти как западные страны, но по темпам прироста опережала только Италию. Поэтому вывод А.Г. Вишневского о том, что «в целом, несмотря на ускоренное промышленное развитие, преодолеть отрыв от западных стран не удавалось, возможно, он даже увеличивался» [10, с. 13], следует признать вполне убедительным. И в финансовом отношении, несмотря на знаменитую реформу С.Ю. Витте, Россия ничем похвастаться не могла. Утверждения некоторых авторов, что реформа С.Ю. Витте стала локомотивом «русского экономического чуда», несостоятельны. Реформа С.Ю. Витте не стала и не могла стать «локомотивом», ибо никакого чуда в действительности не было. При интенсивном экономическом развитии Россия была так же далека от передовых индустриальных стран Европы, как и в 1861 г. В стране не было собственного капитала для проведения индустриализации. В этом состояла основная проблема модернизации России и превращения ее в развитое капиталистическое (буржуазное) общество. «Российский капитализм» не смог преодолеть «наследие крепостничества и азиатчины», провести индустриализацию, создать крупное машинное производство и вывести страну из экономической отсталости. Россия в начале XX в. оставалась в ряду самых отсталых европейских стран. Значит, господствовали не капиталистические отношения, хотя они развивались, а отношения «крепостничества и азиатчины». Кстати говоря, эти отношения на российской почве оказались весьма устойчивыми и следы их удивительным образом сохранились до сего дня.

Однако главное – нельзя путать экономический рост и социальную форму этого роста, т.е. развитие производительных сил и развитие производственных отношений. Конечно, одно должно соответствовать другому и история это подтверждает. Но это соответствие не происходит автоматически с каждым шагом развития техники и технологии производства. Естественным образом производственные отношения более или менее отстают от своего материального базиса и соответствуют ему лишь в конечном счете. Поэтому следует признать грубой методологической ошибкой, когда показателем промышленного производства на душу населения определяют степень развитости капитализма.

При этом необходимо иметь в виду, что значительную долю национального дохода России в начале XX в. давало именно сельское хозяйство (не менее 50%), а на промышленность, строительство и транспорт – приходилось 35–36%. Иными словами, индустриальный сектор отнюдь не доминировал в дореволюционной России, и темпы его развития, временами значительные, не создавали в стране даже «среднеразвитого» капитализма. Экономика России была слабой, основная масса населения, занимаясь земледелием, жила впроголодь. И в этой связи уместно привести слова В.И. Ленина: «На этой

экономической основе революция в России неизбежно является, разумеется, буржуазной революцией. Это положение марксизма совершенно непреоборимо. Его никогда нельзя забывать» [20, т. 3, с. 14]. Это было написано Лениным в 1907 г., а через десять лет это положение большевики поспешили забыть, в том числе и сам Ленин.

В России революция произошла только в начале становления капитализма, слабая российская буржуазия была не в силах возглавить революцию. В результате революции власть оказалась в руках пролетарской, марксистской партии, которая и встала перед проблемой строительства социализма в экономически и культурно отсталой стране. Как это можно было объяснить, не порывая с марксизмом? Ведь, согласно марксистской концепции, новый общественный строй может появиться лишь тогда, когда для него созреют необходимые материальные предпосылки. Это положение было постулатом всей социал-демократии, меньшевики постоянно подчеркивали его в дискуссиях с большевиками. На это противоречие как основное в понимании всей революции обратил внимание еще в 1920 г. П.Н. Милюков. В своей «Истории второй русской революции» он писал, что это противоречие по существу было противоречием «между научным и утопическим социализмом». «Умеренные течения социализма были убеждены в невозможности социалистического переворота и безусловно признавали необходимость идти вместе с “буржуазией”, но в то же время они не могли разорвать нитей, связывающих их в общий социалистический блок со сторонниками борьбы за немедленный социалистический переворот. Это внутреннее противоречие и вытекающая из него неустойчивость тактики и погубили социалистический блок» [24, с. 207]. Эта основная проблема русской революции сказывалась не только в тактике революционных партий 1917 г., но и после победы большевиков. Отсюда – многие трудности в научной интерпретации революции, в частности в определении ее характера. В наших головах прочно засела формула о социалистическом характере Русской революции, сформулированная еще первыми большевиками. Рассмотрим позицию В.И. Ленина по этому вопросу. Будучи ортодоксальным марксистом, он до самого Октября 1917 г. не говорил о социалистическом характере предстоящей революции. Если внимательно проанализировать знаменитые апрельские (1917) тезисы Ленина, то и здесь мы не найдем формулы социалистической революции. Более того, пункт 8 этих тезисов гласит: «Не “введение” социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь *к контролю* со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов». В наброске статьи в защиту апрельских тезисов Ленин еще раз специально подчеркивает: «Революция буржуазная в данной стадии. Поэтому не надо “социалистического эксперимента”». В «Письме о тактике», которое также входит в блок апрельских работ Ленина, он еще раз отмечает: «Я не только не “рассчитываю” на

“немедленное перерождение” нашей революции в *социалистическую*, а прямо предостерегаю против этого». И наконец, в докладе на апрельской Всероссийской конференции РСДРП(б) Ленин еще и еще раз подчеркивает: «Мы не можем стоять за то, чтобы социализм “вводить”, – это было бы величайшей нелепостью. Мы должны социализм проповедовать. Большинство населения в России – крестьяне, мелкие хозяева, которые о социализме не могут и думать» [20, т. 31, с. 91–92, 116, 123, 142, 357]. Таким образом, внимательное чтение апрельских работ Ленина 1917 г. и прежде всего «Тезисов» убеждает в неправильности утверждений «сталинской школы фальсификаций» о том, что Апрельские тезисы ориентировали партию на социалистическую революцию. Читаем Ленина дальше. В марте 1922 г. в речи на XI съезде партии он вдруг заявляет: «Наша задача – буржуазную революцию довести до конца» [20, т. 45, с. 107]. Эта речь на XI съезде очень характерна для уже, видимо, больного Ленина. Но эта же речь – одно из его последних принципиальных публичных выступлений. И оказывается, что через пять лет после революции буржуазная революция так и не закончена. Когда же была социалистическая?

Большевики в 1917 г. предложили обществу политическую тактику, которая была ближе всех остальных к потребностям того момента. Но стратегически политика «военного коммунизма», которая во многом была вызвана условиями хозяйственной разрухи и гражданской войны и в какой-то мере – идеологическими чаяниями большевиков, оказалась неприемлемой. От этой политики после окончания гражданской войны пришлось отказаться. Большевики очень не хотели переходить к НЭПу, для многих из них это был серьезный кризис. Известно, что Троцкий еще в 1920 г. предложил некоторые меры в духе НЭПа, но Ленин и другие целый год не могли решиться на этот переход. Однако объективные потребности экономического развития сделали НЭП неизбежным, даже вопреки идеологическим установкам большевиков. Поэтому Ленин говорил о НЭПе как отступлении, самотермидоризации. Теоретически неизбежность именно буржуазного развития, пусть и в своеобразной форме, была ясна, но большевики долго противились этому, хотя история принуждала их и последующих советских руководителей развивать рыночные и буржуазные отношения. Однако последовательно такая политика не проводилась – господствовала двойственность.

Еще в начале 1920-х годов это было отмечено в своеобразной концепции национал-большевизма. Н.В. Устрялов писал в 1922 г., что советская власть идет на уступки, компромисс с жизнью: «Сохраняя старые цели, внешне не отступаясь от “лозунгов социалистической революции”, твердо удерживая за собой политическую диктатуру, она начинает принимать меры, необходимые для хозяйственного возрождения страны, не считаясь с тем, что эти меры – “буржуазной” природы». Революционная Россия, писал Устрялов, «превра-

щается по своему социальному существу в “буржуазную”, собственническую страну» [21, с. 139, 232]. Национал-большевизм никогда не был объявленной официальной идеологией в СССР, но был идеологией теневой. Ибо она была руководством (плохо осознанным или вовсе неосознанным) к практическим действиям, которые с большей или меньшей последовательностью осуществлялись весь советский период.

По многим характерным чертам общество, возникшее после революции, больше напоминало буржуазное, чем социалистическое. Многие, если не все экономические мероприятия советской власти были по своему характеру буржуазными. Под буржуазностью в данном случае понимается стремление человека (или группы людей, слоя, класса) в своей повседневной и хозяйственной деятельности следовать принципам рационального экономического поведения. Буржуазность – это скрупулезное соизмерение затрат и результатов труда, бережливость, экономичность, говоря по-старому – хозрасчет, доведенный до каждого человека. Но буржуазность – это не просто экономическая рациональность и эффективность, а рациональность возведенная в высший принцип существования, в религию. В условиях советского периода буржуазность не проявлялась, так сказать, в ее чистых формах. Она содержала много своеобразия, источником которого был, во-первых, неизбежный феодализм; индивидуализм не играл решающей роли. Во-вторых, советская идеология и социалистическая фразеология, которые официально осуждали и тормозили буржуазные, мещанские интенции. В реальной жизни эти последние, конечно же, доминировали.

Итак, буржуазные отношения начали формироваться еще в старой России и продолжились в советской. Это проявлялось в индустриализации, развитии хозрасчета, материальном стимулировании труда и т.д. Развитие экономики, повышение эффективности производства, стремление к рентабельности, всемерной экономии и рачительности в хозяйстве – все это есть проявление буржуазности данного способа производства. Ничего социалистического здесь нет. Индустриализация, например, есть необходимый элемент формирования и развития капиталистического способа производства, а не элемент посткапиталистического развития. В России же индустриализация происходила в 1930-е годы и только в результате ее страна перестала быть аграрной. Лишь в середине 1950-х годов городское население СССР превысило сельское, т.е. всего 60 лет назад страна стала урбанизированной. Именно в ходе и вследствие индустриализации получали развитие такие сугубо буржуазные отношения, как хозяйственный расчет, материальное стимулирование труда, премиальные системы, тарификация труда, ударничество, стахановское движение и т.п.

Это, конечно, еще не капитализм в его классической форме, но это господство своеобразных буржуазных отношений. Сложность состоит в том, что

правящая элита советского периода все это называла социализмом и это стало привычной формулой для многих. Поэтому практика постоянно сталкивалась с множеством противоречий: между материальным стимулированием труда и стремлением к равенству, между необходимостью прибыльного ведения хозяйства и решением социальных проблем, между социалистическими лозунгами и буржуазной действительностью. Но при сохранении буржуазного способа производства распределения по капиталу в СССР все-таки не было. Распределение осуществлялось частично по труду (буржуазность), частично по социальному статусу в бюрократической иерархии (феодальность). Поэтому отношения советского периода характеризовались двойственностью: с одной стороны, навязываемыми социалистическими ценностями и соответствующей ориентацией развития трудящихся. Отсюда высокий уровень образования и престиж интеллектуальных профессий. С другой стороны, в реальности люди все больше усваивали буржуазные отношения и ценности. Особенно ярко это стало проявляться в брежневские времена «застоя». Многие исследователи прямо пишут, как это делал, например, Л.И. Абалкин, что «социализма мы не построили и в условиях социалистического общества не жили» [1, с. 22]. Итак, Россия и в советский период не была полностью буржуазным обществом. Господствовала смесь буржуазной объективности, феодальных пережитков, социалистической фразеологии и интенций социального государства.

Все это не опровергает господства буржуазных экономических отношений. Никакая диктатура класса, партии или одного лица не в силах переломить ход истории. 100 лет развития своеобразного капитализма в России делают невозможным сегодня переход к классическому капитализму эпохи первоначального накопления капитала. Нельзя вернуться к тому, что пройдено историей. Требуется новое осмысление путей возможного развития страны.

Таким образом, Великая российская революция в целом носила буржуазно-демократический характер, включала несколько этапов, в том числе октябрьский. Она открыла дорогу для создания в России особого общественно-экономического строя, который с научной точки зрения социализмом назвать невозможно. Но именно этот строй превратил страну в мощную индустриальную державу, обеспечив победу над фашистской Германией и создав достаточно развитое социальное государство.

Библиография

1. Абалкин Л.И. Социализма мы не построили // Социализм после социализма. Новый интеллектуальный вектор / Под ред. М.И. Воейкова. СПб.: Алетейя, 2011.

2. Адамов В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск: Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького, 1972.

3. Анфимов А.М. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. // «Исторические записки», Т. 65. М., 1959.

4. Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. М.: Институт российской истории РАН, 2002.

5. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Книга, 1991.

6. Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2001.

7. Бухараев В.М., Люкшин Д.И. Крестьяне России в 1917 году. Пиррова победа «общинной революции» // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: От новых источников к новому осмыслению. М.: Институт российской истории РАН, 1998.

8. Вайнштейн А.Л. Народный доход России и СССР. История, методология исчисления, динамика. М.: Наука, 1969.

9. Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М.: Прогресс, 1992.

10. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.

11. Гефтер М.Я. Многоукладность – характеристика целого // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск: Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького, 1972.

12. Гиндин И.Ф. В.И. Ленин об общественно-экономической структуре и политическом строе капиталистической России // В.И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М.: Наука, 1970.

13. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003.

14. Дойчер И. Незавершенная революция. М.: Интер-Версо, 1991.

15. История социалистической экономики СССР. Т. 1. Советская экономика в 1917–1920 гг. М.: Наука, 1976.

16. Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация в России XX в. // Кооперация. Страницы истории. Вып. 6. М.: ИЭ РАН, 1997.

17. Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М.: РОССПЭН, 2004.

18. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991.

19. Кропоткин П.А. Что же делать? // Труды комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. Вып. 1. М.: ИЭ РАН, 1992.

20. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1–55. М.: Госполитиздат, 1960–1966.

21. Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001.

22. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М.: Госполитиздат, 1956.

23. Милов Л.В. По следам ушедших эпох. Статьи и заметки. М.: Наука, 2006.

24. Милюков П.Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001.

25. Минц Л.Е. Трудовые ресурсы СССР. М.: Наука, 1975.

26. Октябрь 1917: Величайшее событие века или социальная катастрофа? М.: Политиздат, 1991.

27. Пажитнов К.А. К вопросу о роли крепостного труда в дореформенной промышленности // «Исторические записки». 1940. Вып. 7.

28. Пайпс Р. Русская революция. Часть 1. М.: РОССПЭН, 1994.

29. Пантин И.К. Русская революция. Идеи, идеология, политическая практика. М.: Летний сад, 2015.

30. Плимак Е.Г., Пантин И.К. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). М.: Весь Мир, 2000.

31. Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. М.: Соцэкгиз, 1958.

32. Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М.: Наука, 1996.

33. Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 1–2. М.: ТЕРРА; Республика, 1997.

34. Туган-Барановский М.И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1997.

35. Устрялов Н.В. Национал-большевизм. М.: Эксмо, 2003.

36. Хейфец Б.А. Кредитная история России. Характеристика суверенного заемщика. М.: Экономика, 2003.

37. Хромов П.А. Экономическая история СССР. Период промышленного и монополистического капитализма в России. М.: Высшая школа, 1982.

References

Abalkin L.I. Socializma my ne postroili // Socializm posle socializma. Novyj intellektual'nyj vektor. Pod red. M.I. Voejkova. SPb.: Aletejja, 2011.

Adamov V.V. Ob original'nom stroe i nekotoryh osobennostjah razvitija gornozavodskoj promyshlennosti Urala // Voprosy istorii kapitalisticheskoj Rossii. Problema mnogoukladnosti. Sverdlovsk: Ural'skij gos. un-t im. A.M. Gor'kogo, 1972.

Anfimov A.M. K voprosu o haraktere agrarnogo stroja Evropejskoj Rossii v nachale XX v. // «Istoricheskie zapiski», T. 65. M., 1959.

Anfimov A.M. P.A. Stolypin i rossijskoe krest'janstvo. M.: Institut rossijskoj istorii RAN, 2002.

Berdjaev N.A. Samopoznanie. M.: Kniga, 1991.

Bovykin V.I. Finansovyj kapital v Rossii nakanune pervoj mirovoj vojny. M.: ROSSPJeN, 2001.

Buharaev V.M., Ljukshin D.I. Krest'jane Rossii v 1917 godu. Pirrova pobeda «obshhinnoj revoljucii» // 1917 god v sud'bah Rossii i mira. Oktjabr'skaja revoljucija: Ot novyh istochnikov k novomu osmysleniju. M.: Institut rossijskoj istorii RAN, 1998.

Vajnshtejn A.L. Narodnyj dohod Rossii i SSSR. Istorija, metodologija ischislenija, dinamika. M.: Nauka, 1969.

Vert N. Istorija sovetskogo gosudarstva. 1900–1991. M.: Progress, 1992.

Vishnevskij A.G. Serp i rubl'. Konservativnaja modernizacija v SSSR. M.: OGI, 1998.

Gefter M.Ja. Mnogoukladnost' – harakteristika celogo // Voprosy istorii kapitalisticheskoj Rossii. Problema mnogoukladnosti. Sverdlovsk: Ural'skij gos. un-t im. A.M. Gor'kogo, 1972.

Gindin I.F. V.I. Lenin ob obshhestvenno-jekonomicheskoj strukture i politicheskom stroe kapitalisticheskoj Rossii // V.I. Lenin o social'noj strukture i politicheskom stroe kapitalisticheskoj Rossii. M.: Nauka, 1970.

Gregori P. Jekonomicheskij rost Rossijskoj imperii (konec XIX – nachalo XX v.). Novye podschety i ocenki. M.: ROSSPJeN, 2003.

Dojcher I. Nezavershennaja revoljucija. M.: Inter-Verso, 1991.

Istorija socialisticheskoj jekonomiki SSSR. T. 1. Sovetskaja jekonomika v 1917–1920 gg. M.: Nauka, 1976.

Kabanov V.V. Krest'janskaja obshhina i kooperacija v Rossii XX v. // Kooperacija. Stranicy istorii. Vyp. 6. M.: IJe RAN, 1997.

Koval'chenko I.D. Agrarnyj stroj Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. M.: ROSSPJeN, 2004.

Kondrat'ev N.D. Rynok hlebov i ego regulirovanie vo vremja vojny i revoljucii. M.: Nauka, 1991.

Kropotkin P.A. Chto zhe delat'? // Trudy komissii po nauchnomu naslediju P.A. Kropotkina. Vyp. 1. M.: IJe RAN, 1992.

Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 1–55. M.: Gospolitizdat, 1960–1966.

Litoshenko L.N. Socializacija zemli v Rossii. Novosibirsk, 2001.

Ljashhenko P.I. Istorija narodnogo hozjajstva SSSR. T. II. M.: Gospolitizdat, 1956.

Milov L.V. Po sledam ushedshih jepoh. Stat'i i zametki. M.: Nauka, 2006.

Miljukov P.N. Istorija vtoroj russkoj revoljucii. M.: ROSSPJeN, 2001.

Minc L.E. Trudovye resursy SSSR. M.: Nauka, 1975.

Oktjabr' 1917: Velichajshee sobytie veka ili social'naja katastrofa? M.: Politizdat, 1991.

Pazhitnov K.A. K voprosu o roli krepostnogo truda v doreformennoj promyshlennosti. «Istoricheskie zapiski». 1940. Vyp. 7.

Pajps R. Russkaja revoljucija. Chast' 1. M.: ROSSPJeN, 1994.

Pantin I.K. Russkaja revoljucija. Idei, ideologija, politicheskaja praktika. M.: Letnij sad, 2015.

Plimak E.G., Pantin I.K. Drama rossijskih reform i revoljucij (sravnitel'no-politicheskij analiz). M.: Ves' Mir, 2000.

Rashin A.G. Formirovanie rabochego klassa Rossii. Istoriko-jekonomicheskie ocherki. M.: Socjekgiz, 1958.

Rossija XIX–XX vv. Vzgljad zarubezhnyh istorikov. M.: Nauka, 1996.

Trockij L.D. Istorija russkoj revoljucii. T. 1–2. M.: TERRA; Respublika, 1997.

Tugan-Baranovskij M.I. Izbrannoe. Russkaja fabrika v proshlom i nastojashhem. M.: Nauka, 1997.

Ustrjalov N.V. Nacional-bol'shevizm. M.: Jeksmo, 2003.

Hejfec B.A. Kreditnaja istorija Rossii. Harakteristika suverennogo zaemshhika. M.: Jekonomika, 2003.

Hromov P.A. Jekonomicheskaja istorija SSSR. Period promyshlennogo i monopolisticheskogo kapitalizma v Rossii. – M.: Vysshaja shkola, 1982.

В.А. Ковалёв

НЕТ У РЕВОЛЮЦИИ КОНЦА? ОТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОРОТОВ К ИЗМЕНЕНИЮ ОСНОВ ЦИВИЛИЗАЦИИ (Статья 2-я)*

Аннотация. *Революция рассматривается как разрушение прежнего государства (аппарата управления и легитимного насилия), произведенного внутренними силами. Политический переворот ведет к трансформации политического режима. Случай России анализируется как пример «несостоявшейся» революции, возможности нового распада государства в процессе глобальных технологических и социальных трансформаций.*

Ключевые слова: *Русская революция, политический режим, кризис, «несостоявшаяся» революция, национализм, информационная революция, роботы, социальная поляризация, безусловный базовый доход.*

Ковалёв Виктор Антонович – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Сыктывкарского госуниверситета им. Питирима Сорокина.

V.A. Kovalev. The Revolution Never Ends? From Political Coups to Changing the Bases of Civilization (Article 2)

Abstract. *The revolution is regarded as the destruction of the former state (administrative apparatus and legitimate violence) created by internal forces. A political coup leads to the transformation of political regime. The revolution in Russia is presented as an example of a «failed» revolution, the possibility of the new state collapse during the process of global technological and social transformations.*

Keywords: *The Russian revolution, political regime, the crisis, «failed» revolution, nationalism, information revolution, robots, social polarization, total basic income.*

Kovalev Viktor Antonovich – Doctor of Political sciences, Professor of the Department of Political sciences and International Relations of Peterim Sorokin Syktyvkar State University.

* *См.: Ковалёв В.А. Есть у революции начало? // Россия и современный мир. – М., 2017. – № 1. – С. 21–34.*

Расширение революции

Обсуждение революционной тематики в нашей стране в год 100-летия «Октября» будет муссироваться с особой силой. Однако еще недавно тема революции в качестве предмета исследования и преподавания не была популярна. Так, в ряде учебников по политологии, написанных в два предыдущих десятилетия в русле «парадигмы освоения» (западных знаний) разделы, главы и параграфы, посвященные революции вообще отсутствовали. Отторжение советского опыта восхваления «Великой октябрьской» было весьма сильным. К тому же изучение такой темы отчасти табуировалось: угрозы революции как будто подвергались магическому «заговору».

О революции (нашей) и революциях как общей проблеме несравненно больше пишут историки. Что же касается макросоциологических штудий, особенно по перспективам революций, то сейчас они в России не слишком популярны. «Несмотря на переводы классических макросоциологических трудов П. Сорокина, Н. Элиаса, Н. Лумана, К. Поланьи, Й. Шумпетера, новых превосходных книг В. Макнила, Ч. Тилли, И. Валлерстайна, Р. Коллинза, Дж. Арриги, Д. Норта и др., отечественные социологи за редчайшим исключением остаются равнодушными к анализу крупных социальных процессов, даже не считают такие исследования “подлинно научной социологией”», – пишет в послесловии к переводу трудов современного американского автора Николай Розов [16, с. 441].

В постсоветский период наблюдалось и наблюдается (на волне отторжения от «научного коммунизма» и «исторического материализма») известное пренебрежение к научным исследованиям макрополитических проблем, что сопровождалось махровым цветением всякого рода «конспиралогической геополитики» и глобальными обобщениями доморощенных гуру – специалистов во всех областях, выполняющих пропагандистские заказы власти.

Кроме того, общество испытывало (и продолжает испытывать) серьезный шок от распада СССР и изменения во всех сферах жизни. «Перестройку» и ее последствия тоже стали оценивать как революцию или «смутокризис», чреватый новыми хаотичными продолжениями. Как пишет В. Булдаков: «Современному человеку сложно жить с сознанием зыбкости своего существования – отсюда своего рода эсхатологическая паника, периодически охватывающая даже просвещенных людей, а равно и желание исследователей уклониться от бесстрастного проникновения в природу катастрофических явлений... Тематика революции стала малоприятным свидетельством когнитивной уязвимости всего современного обществоведения» [1, с. 19].

Часто более полному и глубокому пониманию проблемы мешают цеховые разграничения между исследователями. Р. Коллинз пишет об «академической балканизации»: «Странный эффект академической “балканизации” –

расхождения между исследовательской работой в политической науке и исторической социологии. Эти дисциплинарные лагери действуют на одной и той же территории, но с различными концептуальными орудиями и различными интересами» [16, с. 33]. Затруднения в понимании феномена революций отчасти связаны именно с междисциплинарными подходами, когда историки, исторические социологи или политологи по-разному определяют эту проблематику. Так, многие современные революции можно описывать, скажем, в рамках «транзитологии», т.е. перехода от авторитарных к демократическим режимам [31]. Политологи, изучая опыт разнообразных трансформаций, могут выделять революцию лишь как одну из моделей переходов, наряду с консервативной реформой, пактом, реформой снизу и навязанным переходом. При этом революция (социальная революция) будет характеризоваться как «смена режима при использовании силовых стратегий правящей элитой прежнего режима и контрэлитой (конфронтация) в условиях мобилизации масс» [24, с. 39].

Работ, посвященных революционной тематике, довольно много. Жаль только, что зачастую они написаны преимущественно в русле стерильных академических штудий, и собственный интерес эпохи (нашей!) присутствует в них в минимальном объеме. Между академическими интересами и актуальной общественно-политической повесткой дня тогда наблюдается серьезный разрыв. В научных журналах пишется о сложностях и противоречиях изучения революции, исследователи констатируют слабости и противоречия в изучении революционного феномена [22]. При этом и в определении, и в подходах к революции единства среди исследователей нет и быть не может. Сразу отметим, что в зависимости от целей исследования всячески поддерживаем методологический плюрализм, признаем методологический плюрализм, но когда речь идет о политической революции, выбираем дефиницию Джека Голдстоуна: «Революция – это насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации (военной, гражданской или той и другой вместе взятых) во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов» [6, с. 15]. Добавлю также, что *понимаю революцию как разрушение прежнего государства (как аппарата управления и легитимного насилия), произведенного внутренними силами*. То есть политический порядок рушится и распадается не в итоге, скажем, внешней интервенции, а под влиянием, прежде всего, внутренних противоречий, хотя граница здесь подвижна, и иностранное вмешательство во внутренний суверенитет – это, скорее, правило, чем исключение. Такой политический переворот может вести к трансформации политического режима (например, к демократизации), сопровождаться глубокими социально-экономическими преобразованиями («революционными реформами») или являться выражением более глубинных, фундаментальных изменений (например, в процессе пере-

хода от аграрного, традиционного к индустриальному обществу модерна). Разнобой в понимании революции связан как раз с тем, что речь идет о различной *«глубине»* этих революционных преобразований как следствии глубины кризиса, им предшествующего.

Но если бы вопрос стоял только в теоретической плоскости, то это еще полбеды. Ведь опасность новой революции в нашей стране ощущается многими и как актуальная угроза.

При этом в массовом сознании царит дикий разнобой по отношению к революции, с самыми полярными оценками. В нынешней России наблюдается стремление вытеснить актуальную проблематику (революция – это только один пример) и не «грузиться». Тактика «вытеснения» хорошо работает до поры до времени для сохранения спокойствия индивидов и целых поколений, но потом снова «клюет жареный петух» и начинаются стенания о новом «неожиданном» кризисе, сопровождающем очередную «геополитическую катастрофу». Популярные авторы из политических или публицистических соображений задаются, например, вопросом о неизбежности *«оранжево-зеленой»* революции в РФ [7]. Шаткость этих и подобных прогнозов то, что они не сбываются, не мешает вновь и вновь повторять нечто подобное [25].

Травмирующий опыт неудачных революций

Часто создается впечатление, будто современная Россия забыла о своем настоящем и будущем и постоянно смотрит назад – в свое драматическое прошлое. Если это и преувеличение, то не слишком сильное: и люди, и общества «живут прошлым», если оставили там нечто очень важное и / или не решили в свое время какую-то чрезвычайно значимую для них проблему. Проблематика революции, на наш взгляд, имеет здесь огромное значение.

Революции начала и конца XX столетия кардинально перевернули историю нашей страны, но в смысле планируемых и ожидаемых результатов – обманули ожидания большинства. Общество и страна, неоднократно «обжигаясь» на революциях и перестройках, которые, в силу тех или иных обстоятельств, превращались в Смуты, просто боится решительных шагов, полагая по печальному опыту прошлого, что после них будет только хуже. Сила «контрреволюции» в сегодняшней России – в негативном опыте как историческом – сведения о жертвах и последствиях «Октября», мучениях людей в стране-концлагере, так и непосредственном вовлечения масс в процесс – во времена смутокризиса «катастройки», которые потом за это жестоко расплачиваются. Население России, так и не сложившаяся «политическая нация», до сих пор фактически лишенное возможности влияния на политический курс, и даже практически не стремится к этому (яркий сегодняшний пример – вялая реакция на вмешательство в войну в Сирии).

Российская революция не просто не удалась, но даже и «не состоялась», если говорить о появлении в России «нации-государства» с «буржуазной демократией». Применительно к отечественной истории можно говорить о травмирующем опыте этих постоянных неудач, и здесь исторические сравнения с другими странами не прибавляют оптимизма, а служат, скорее, причиной деморализации. «Под конец Первой мировой войны, – пишет американский политолог, – все государства в Европе свергли абсолютные монархии, и все, кроме России, превратились в парламентские конституционные режимы» [6, с. 101]. Голдстоуна можно упрекнуть в неточности, да и на практике в ряде стран парламентаризм быстро сменился диктатурой, но судьба российской буржуазно-демократической революции действительно была наиболее печальной. Несколько попыток так и не привели к достижениям в политико-правовой плоскости. Макс Вебер писал о *псевдоконституционализме* в России, и в 1917 г. он же увидел в февральском режиме *«псевдодемократию»* [5]. Наверное, знаменитый социолог и век спустя мог бы написать о России нечто подобное. Результат русской Смуты («катастройки») конца прошлого века известен, так же как и революционные итоги событий начала века. Октябрь 1917 г. был одновременно и государственным переворотом, и социальной революцией. Содержание этих событий было ультрареволюционным: «Большевики отняли власть не только у буржуазии, но у общества как такового» [20, с. 316]. И до сих пор обществу вернуть себе власть не удается.

С точки зрения итогов революционных движений трудно провести, казалось бы, очевидные параллели между Великой русской и Великой французской революциями, несмотря на их очевидное сходство. Как пишет академик Ю.С. Пивоваров: «Между Наполеоном и Сталиным тоже ничего общего… Там революция позволила утвердиться новому порядку, формировавшемуся в недрах старого. У нас революция раздавила этот новый порядок и ревитализировала многое из того, что, вроде бы, уже уходило. Маркс назвал революции локомотивами истории. Для Европы это, может быть, и верно. Они тащили это самое новое в настоящее и будущее. А вот для нас и нашей революции звучит двусмысленно. Ведь если и она локомотив истории, то, побивая современное, новое, она влетала в прошлое, традицию и беспощадно давила их своими колесами. Этот “локомотив” лишал нас не только настоящего, но и прошлого» [23, с. 73].

Все эти вопросы являются предметом масштабных исследований и бесконечных споров. На наш взгляд, важным здесь является то, что если исходить из представлений об историческом развитии, то «великие революции», скорее всего, попадают *мимо цели*, причем с огромным «перелётом». Довлеющая до сих пор над отечественным обществоведением истматовская схема «общественно-экономических формаций» продолжает серьезно

вводить в заблуждение. Никакого «перехода к социализму», как более прогрессивному строю, в истории не наблюдалось и не наблюдается. Сталинизм и маоизм – это разновидности тоталитаризма. «Коммунистическая формация» – это исторический тупик, в который иногда приходится бросаться отсталым и (полу)периферийным странам, в надежде на быстрый прогресс.

В революциях, которые происходили в этих странах, главной социальной силой был отнюдь не пролетариат (по марксистской догме), а крестьянство. В исторической социологии для более адекватного представления о великих революциях в Китае и России марксистская теория революции подверглась значительной ревизии. Главная заслуга в этом принадлежит Теде Скокпол. Основательница структурного подхода Т. Скокпол, ученица С. Липсета, многое позаимствовала из марксистской теории, пересмотрев ее по ключевым вопросам понимания государства и оценки роли крестьянского фактора в революции [22, с. 98]. На роль крестьянского фактора обращал внимание в своем классическом труде и другой учитель Теды Скокпол Баррингтон Мур [21].

Глубокие исторические корни питают успех нынешней пропаганды опасности «цветных» переворотов и массовое нежелание повторить опыт «демократизирующей революции» в РФ. Ведь если на смену одному диктатору приходит другой, одну криминальную «элитку» теснит другая, а социальные отношения и структуры трансформируются разве что в сторону дальнейшей архаизации, то можно ли это считать «революцией»?

Даже кардинальная смена политических элит, если она не сопровождается возникновением и развитием в стране политической нации, в долговременной перспективе не приводит это государство к прочному стратегическому успеху, а заставляет обслуживать цели и потребности других стран, где национальный интерес вполне осознан и элиты способны его реализовать. В современном мире государство без сложившейся политической нации, даже при видимой мощи и некоторых успехах, обречено на долгий путь без цели.

«Несостоявшаяся революция» в России и распад государства

Несколько лет назад в РФ вышла книга Валерия и Татьяны Соловей «Несостоявшаяся революция» [26]. Речь в ней шла о том, что русскому этносу так и не удалось совершить свою Национальную революцию, а русскому национализму превратить Россию в современное национальное государство. Такой подход вызвал сильнейшее неприятие, хотя частично и получил одобрение [10]. Здесь не место возвращаться к проблемам русского национализма, отошлем читателя к очерку о невыполненной задаче создания русского

национального государства и неудавшемся опыте русского нациестроительства [12, с. 120–163].

Определение «несостоявшаяся революция» удачно говорит о нынешнем российском положении, когда травмирующий опыт прошлого закрывает дорогу к будущему. Естественно ожидать, что в ряде случаев острая общественная необходимость освобождения от элит, ведущих страну в пропасть, реализуется в революционной форме. Ну, а если не реализуется, и революция не происходит (не в силу отсутствия объективных предпосылок, а по субъективным причинам), то тогда социум скорее всего ждет гниение и (само)распад. Тогда, по словам Д. Голдстоуна, «повальная коррупция продолжает ослаблять экономику и подрывает легитимность власти» [6, с. 160–161].

Вследствие несостоявшейся революции не везет выжившим потомкам. Вековое пребывание в ненормальных, страшных и абсурдных – «перевернутых» обстоятельствах жизни не может и не могло пройти бесследно. Наследники, спасшихся в череде революционных, военных и последующих катастроф, настолько адаптируются к «постреволюционным» обстоятельствам, что в большинстве не хотят их менять. Они боятся любых серьезных изменений (научены горьким опытом!) и просто существуют, не видя реалий настоящего, закрывшись от будущего и спрятавшись от прошлого. По-видимому, до той поры, пока «неожиданно» не налетит новая Смута.

В этом отношении актуальным выглядит опыт «перестройки», закончившейся распадом СССР и дальнейшими смутными временами, которые, в зависимости от вкусов и целей, можно определить и как «революцию», и как неудавшуюся попытку демократизации или как-либо еще. Здесь хотелось бы обратить внимание на существующую версию распада СССР как следствие геополитики. Р. Коллинз полагал, что «государственный распад и ускоряющийся кризис легитимности развертывались в соответствии с геополитической теорией» [15, с. 255].

Уроки этого сбывшегося прогноза достойны самого тщательного изучения (увы, среди обществоведов в РФ, даже специально пишущих о событии, которое руководителем страны было определено как «геополитическая катастрофа», этого пока не слишком заметно). СССР надорвался от чрезмерного расширения и геополитического перенапряжения. Но в Советском Союзе любой трезвомыслящий и ответственный председатель колхоза предпочел бы заасфальтированную дорогу к его деревне, чтобы она не превратилась в «неперспективную» деревню, а не «политику партии» с разбрасыванием миллиардов на Кубе, в Индокитае, Египте, Анголе, Афганистане и пр. Однако вожди СССР, эти коммунистические милитократы, решали по-другому и ввязывались в одну внешнеполитическую авантюру за другой. Великий

гражданин Александр Солженицын неоднократно призывал к сбережению народа и отказу от вмешательства в чужие дела, но тоже не был услышан.

Весьма вероятно, что геополитическое напряжение как фактор революции достигается очень быстро в силу особенностей (псевдо)имперского курса, когда «политика просто подменяется геополитикой... И здесь помогают вездесущие “враги”. Так или иначе, империя создает внутреннее психическое напряжение или просто вырабатывает у своих подданных ощущение перманентного покушения на свое “величие”. Без этого она, в сущности, не может существовать» [1, с. 30].

Неоимперские соблазны, подчас в откровенно карикатурном виде, создает именно «несостоявшаяся революция», когда «народ», так и не ставший политической нацией, падок на геополитическую пропаганду и готов в любой глупости видеть «величие».

Препятствием для этой «беспомощной глупости» мог бы явиться «нормальный национализм» [11], но национальная революция (как неотъемлемая часть «буржуазно-демократической») в России также не состоялась.

О необходимости национализма писал, например, Питирим Сорокин: «Вместо интернационализма, превратившего нашу страну в место охоты для искателей приключений из всех стран, возрождается и будет культивироваться будущим поколением национализм, понимаемый не как враждебность к другим странам, а как стремление принести благо своему отечеству» [27, с. 212]. На появление этих *ценных признаний*, до которых дошел в начале 1920-х годов русский интеллигент, несомненно, повлияли события той поры и торжество «Интернационала» в «красном Петрограде»: «В течение трех дней интернациональные отряды – латыши, башкиры, венгры, татары, русские и евреи, – служившие в частях особого назначения, обезумевшие и распоясавшиеся от крови, похоти и алкоголя, убивали и насиловали жителей города. Мужчины, женщины, дети, молодые и старики, сильные и слабые – все они в равной степени испытывали чудовищные муки, прежде чем смерть избавила их от них» [27, с. 209]. Социолог и эмигрант Сорокин в своих описаниях этих событий просто фиксировал факты – очевидные и вопиющие[1].

«Злосчастность» российской истории, о которой писал Р. Коллинз [16, с. 99], к сожалению, имеет много шансов на продолжение. К числу наиболее актуальных и возможных опасностей можно отнести продолжение распада единого государственного пространства (утрата монополии на легитимное насилие на территории государства, что уже происходит де-факто на Север-

1. О теории революции П. Сорокина подробнее в статье, опубликованной в 2009 г. [9].

ном Кавказе и / или реализуется в форме «дани» из федерального бюджета в обмен на сдерживание террористических вылазок).

По мере нарастания видимого политического и экономического неуспеха центральной власти всё сильнее растет окраинный этнонационализм. Когда Империя сильна, большинство хочет быть «римлянами». Но стоит «Риму» ослабеть и начать терять свои позиции, как процесс распада тут же получает ускорение. Бывшие сателлиты и союзники предают, «братья» забывают о родстве и начинают искать свои родовые корни, выдумываются и конструируются местные истории, реконструируются наречия и языки, выстраивается мифология, для оправдания сепаратизма и этнических чисток бывших «старших братьев» начинают обвинять во всех бедах. Этот процесс выглядит совершенно закономерным и никакому Риму – даже Четвертому – его не избежать.

Уроки (меж)этнического хаоса в ходе революции 1917 г. и начавшейся гражданской войны [2, с. 99], а также роль этнических конфликтов в ходе советского коллапса это ясно показывают: «Внутри самого Советского Союза движения, которые вели к формальному распаду, мобилизовались еще легче, потому что союзные республики были уже организованы как номинально суверенные этнические группы» [15, с. 255]. Привет от «ленинской национальной политики», оставившей эти мины на территории государства.

В отсутствии единой «нации-государства» и подавлении национальных чувств большинства населения страны решение задачи «национализации элит» фактически невозможно. Вспомним ехидный вопрос З. Бжезинского: «Чьи это элиты»? Если миллиардеры из списка «Форбс» нажили свое состояние на успешном грабеже разоренных предприятий, нефтепромыслов и рудников в пользу зарубежных компаний, то это лишает смысла «антибуржуазную революцию» в рамках одной страны. Здесь наблюдается многопорядковое неравенство сил между глобальным капиталом и транснациональными корпорациями, с одной стороны, и местным движением протеста «униженных и оскорбленных» – с другой. Поэтому, безусловно, правы сторонники мир-системного анализа, которые рассматривают капитализм именно как мировую систему. Ирония в том, что аргументы против нового издания «социалистической революции» можно найти именно в мир-системной теории марксистствующего макросоциолога И. Валлерстайна [3]. В «ядре» концентрируются сила, богатство и интеллект, т.е. основные источники Власти, что не оставляет периферии никаких шансов.

Технологии и выход за пределы политики: Великие революционные изменения на подходе

Итак, революционные политические изменения представляются в обозримой перспективе малореальными или даже вовсе нежелательными. Негативный опыт прошлого находит выражение в распространенной фразе «лимит революции мы исчерпали». Однако поиск альтернатив этим не исчерпывается. То, что не состоялось в истории, может определить будущее. Эрик Лахман пишет о нереализованных возможностях прошлого как способе посмотреть на будущее: «Контрфактический анализ может быть использован для взвешенных предсказаний о будущем изменении и для конкретизации того, как возможные в будущем события (такие как увеличение численности населения, глобальное потепление, *технологические инновации* (курсив мой. – *В. К.*) или перемены глобальной власти) *скажутся на государствах*, социальных движениях, культуре, семье и гендере. Другими словами, историко-социологический анализ может быть обращен к изучению будущего… Как бы то ни было, неустранимой частью ремесла историка (и исторического социолога) является мышление о нереализованных возможностях» [19, с. 200].

Пока же, говоря о шансах революций, нельзя, конечно, игнорировать и социальные силы контрреволюции. А они состоят не только в единстве элитных группировок и готовности «держиморд» разгонять протесты, но и в господствующем общественном настрое. Напомним снова о различной «глубине» революционных преобразований. Т. Скокпол обоснованно проводит различия между «социальными революциями», в которых наблюдаются «совпадение структурных изменений общества с классовыми волнениями и совпадение политической трансформации с социальной и политическими революциями», в которых трансформируются государственные, но не социальные структуры. Есть также восстания, в которых подчиненные классы бунтуют, но которые даже в случае успеха не приводят к структурным изменениям [32, с. 4].

Смысл марксистской схемы в том, что революции экономически «вызревают», а за политической революцией должны идти какие-то важные структурные изменения и возможность их осуществить (истматовское «противоречие между производительными силами и производственными отношениями» и т.п.). Но вряд ли революции нового поколения в наше время готовятся в стремлении к «освобождению труда», «борьбы трудящихся за свои права» и т.п. Наоборот, ныне это скрытое противоречие «между производительными силами и производственными отношениями» связано, на наш взгляд, с тем, что большинство занятых, особенно в периферийных и зависимых экономиках, объективно НЕ нужны для развития цивилизации. Их ставшие архаичными трудовые функции легко могут быть заменены и автоматизированы уже на нынешнем уровне развития технологий, а завтрашние перспективы

для развитых стран в этом направлении просто потрясают воображение. При этом зависимые общества в отсталых странах весьма бедны, следовательно, их население не представляет особого интереса для мировой экономики и в качестве потребителей. И «лишние люди» это если не понимают, то «чувствуют нутром», отчаянно цепляясь за статус-кво и призрак «стабильности». Естественно, что такое упорство еще больше консервирует отсталость отставших стран, лишает их перспектив, но, как ни парадоксально, до поры до времени укрепляет положение их «элит», которые не смогли решить задачи модернизации. Теперь им и поддерживающим их массам остается только «консерватизм», пропаганда собственного «величия» и демагогия «стабильности», субъективно защищающая от травмирующего столкновения с объективными раскладами в мировой экономической гонке.

Естественно, правители в такой ситуации также форсируют бюрократизацию всех сторон жизни, чтобы значительно увеличить численность чиновников, потратить как можно больше «рабочего времени» на исполнение ненужных бюрократических придумок – занять людей хоть чем-нибудь! Но за эти занятия люди получают под видом «заработной платы» некое мизерное содержание, опасаясь, что в противном случае не будет и этого. Так что и авторитарные «верхи», и «низы», так любящие «старые песни о главном», едины в своем «контрреволюционном» настрое – ни те, ни другие решительно не желают ничего менять, а тем более рисковать в ситуации революционной непредсказуемости. Консервации такого положения способствует и интенсивное увеличение «силовиков» как в государственном, так и в (квази)частном секторе, что маскирует стремление дать миллионам мужчин хоть какую-то «важную работу», и это еще больше усиливает нагрузку на слабую экономику, ведь люди в униформе ничего не производят. Излишне говорить, что даже при необходимости электронная охранная система при входе в офисное здание гораздо надежнее «занятого делом мордоворота», сутками изнывающего от такой «работы / безделья». Но такая искусственная «занятость» для волюнтаристическим способом увеличившейся бюрократии (которая работает уже на себя, а не на какие-то полезные обществу функции) весьма выгодна, так как ей добавляются миллионы союзников, обладающих значительным ресурсом принуждения[2].

2. Не доверяя официальным данным, любопытные блогеры еще в начале десятилетия выяснили, что общая численность силовиков в России составляет 4,6–4,65 млн человек. Много это или мало? Общая численность трудоспособного населения России составляет 87 млн человек, из них около 42 млн – мужчины. За вычетом инвалидов, лиц, находящихся в местах заключения, – около 38 млн человек. Таким образом, силовиков в стране – около 12%, или каждый восьмой мужчина [24a]. С тех пор ситуация с «силовым паразитизмом» еще более ухудшилась, как и попытки бюрократически контролировать всё и вся.

Но такая система «неозастоя» работает до тех пор, пока есть источник насыщения всей этой оравы ненасытных паразитов (как правило, в виде сырьевой ренты), но чем это форсирование квазизанятости, направленной против интересов общества, обернется при истощении государственных доходов – это вопрос социологически очень интересный.

Естественно, что в такой системе «рационализаторам и новаторам» (революционерам и нонконформистам) места нет, их выживают и давят; «верхи и низы» едины в стремлении к проведению своего рода «геноцида интеллектуалов», который, к счастью, осуществляется пока не физически, а в форме реализации опции «выход» Хиршмана [31], чаще всего как эмиграция. Но «консерватизм» по мере исчерпания ресурсов для экономически неоправданного перераспределения вполне может смениться «фундаментализмом». Ситуация, таким образом, кардинально отличается от положения в начале прошлого века, когда страна стремительно развивалась, люди мечтали о «светлом будущем» и массово бросались «в революцию», которая, впрочем, так и не дала им того, что они ожидали.

Однако возвратимся к нарастающему как снежный ком кризису занятости. Вопрос этот стоит во всем мире и начинает осознаваться уже и как глобальное противоречие, и как проблема, стоящая перед отдельными странами, даже самыми развитыми. Степень осознания этой проблемы, к сожалению, пока явно недостаточна.

Между тем история сегодня делает новый поворот – похоже, на самом деле наступает эпоха «роботов». Да, пока «идея о том, что однажды технологии могут привести к фундаментальной перестройке рынка труда и в конечном счете заставить нас полностью пересмотреть принципы работы нашей экономической системы и условия *общественного договора (*курсив мой. – *В. К.)*, либо полностью игнорируется обществом, либо остается на самой периферии внимания» [28, с. 91].

Однако бесспорно, что производительность, благодаря новым технологиям, растет гораздо быстрее зарплаты (которая реально вообще не растет у большинства!). Это возвращает общество к «пропорции Парето» – 20% на 80%, (или даже к соотношению: «15% и остальные) и, конечно, увеличивает социальное напряжение (вплоть до «революционной» ситуации).

Этот сверхактуальный тренд нельзя упускать из поля внимания уже сейчас. Я обращался к политическим последствиям этих по-настоящему революционных изменений [13, с. 76–87]. Социологи предупреждают: «Сегодня машины приходят на смену людям и в сфере обслуживания, подобно тому, как раньше это было с обрабатывающий промышленностью и сельским хозяйством, создавая возможность мира, где для поддержания текущего или будущего уровня производства *большая часть людских ресурсов уже будет не нужна*» [19, с. 18–19, курсив мой. – *В. К.*].

Погрязнув в гаданиях о цене нефти, у нас практически не обращают внимания на тот рывок, который произошел в технологиях в последние годы, и как это влияет на экономическое развитие. Трехмерные принтеры, беспилотные автомобили и летательные аппараты, широкое применение роботов в промышленности и сельском хозяйстве, внедрение информационных технологий во все новых областях – это ведет к резкой поляризации, ведь «среднего более не дано» [18]. Поляризация касается как отдельных людей, так и целых стран.

Во-первых, неразвитые и недифференцированные экономики окончательно утратят конкурентоспособность с развитыми странами, когда те в силу резкого рывка в технологиях еще больше увеличат свою производительность и эффективность. Во-вторых, у стран периферии и бывшей полупериферии нет и не будет ресурсов для сглаживания последствий научно-технологической революции, которые распространятся в глобальном масштабе. (Особую тревогу вызывает в связи с этим также экологическая проблематика, но в данной работе она вынесена за скобки.) Развитие информационных технологий также вполне возможно приведет к появлению нового тоталитаризма, когда с помощью суперкомпьютеров и всепроникающих систем контроля и принуждения общественная жизнь будет организована по принципу муравейника или «глобального человейника» (Александр Зиновьев).

Технологии ведут к резкой поляризации общества. Здесь нет никакой фантастики. Речь не идет о запредельных возможностях типа достижения бессмертия, всеобщего изобилия или появления искусственного разума, который превзойдет человека. Как замечает М. Форд: «Компьютеру вовсе не нужно воспроизводить весь спектр ваших интеллектуальных способностей, чтобы лишить вас работы; ему достаточно уметь делать те конкретные вещи, за которые вам платят деньги» [28, с. 306]. Очевидно, что уже в недалеком будущем работать и «думать» будут в основном роботы и компьютеры. Люди тоже будут нужны, но только с развитыми способностями к мышлению и воображению. Те же, у кого «ни ума, ни фантазии», будут обречены убивать время своей жизни на виртуальные игры, тратить его на просмотр дебильных шоу и сериалов, наподобие тех, что демонстрируются по российским телеканалам. Вопрос: кто и за что будет им платить?!

Огромные возможности по вытеснению хомо сапиенсов из сферы труда (большинство работ – это рутина, вполне поддающаяся компьютеризации и роботизации) будут также иметь социально-политические последствия, и среди них возможны новые революции.

Массовая безработица, бедность, схлопывание целых отраслей могут спровоцировать кризис ничуть не хуже, чем участие в военном конфликте. Люди, массово теряющие работу и перемещающиеся из среднего класса в ряды бедняков, могут активно с этим не согласиться. Сегодня, конечно,

знать, как это будет, невозможно, конфигурации могут быть различны (некоторые аналогии можно увидеть в истории перехода к промышленному капитализму) [21], но возможности революций кажутся вполне логичными. Рискуя впасть в преувеличение, все же продолжим утверждать, что мало какая проблема может сравниться по актуальности с возникновением ситуации, когда в условиях развития экономики и новых технологий миллиарды людей на планете оказываются объективно лишними. Сегодня это уже является основой для многих кризисных экономических процессов (безработица) и войн (пока локальных, но со стремительным расширением ареала) и может привести к новым революционным сдвигам, поистине тектонического характера.

Еще по итогам кризиса 2008 г. Р. Коллинз серьезно обеспокоился проблемой тупиков и выходов из нынешних демографических и социально-технологических противоречий и пришел к выводу о возможности грядущей революции [17, с. 35–50].

В принципе сегодня нельзя исключить, что будут снова опробованы эксперименты с социализмом и социалистической революцией. Некоторые ведущие ученые всерьез рассматривают такую возможность [4].

Переломный характер современной эпохи порождает впрочем и другие возможности.

Подлинные великие революции затрагивают не только политику, они меняют основы жизни земной цивилизации. В истории уже совершились три таких революции: аграрная, промышленная и информационная, сейчас на подходе четвертая. Эрик Дрекслер, предсказавший нанотехнологии, один из самых революционных умов нашей эпохи, пишет по этому поводу в связи с совершенствованием атомарно-точного производства (АТП), материальных продуктов: «Аграрная революция неолитической эпохи знаменовала собой переход к образу жизни, основывающемуся на относительно высокой плотности оседло живущего населения, способного получать продукты питания, что открывало путь к развитию цивилизации. Промышленная революция привела к возникновению огромной волны новых для всего мира материальных продуктов. Продолжающаяся в наши дни Информационная революция соткала новую ткань бытия, состоящую из знаний, коммерции и общества, подготовила почву для формирования будущего, которое пока находится вне пределов нашего понимания. Результатом приближающихся АТП-преобразований будет появление движущей силы четвертой революции, которая, как и все предшествующие, приведет к трансформации повседневной жизни труда и структуры общества на всей Земле» [8, с. 75].

Грядут и уже видны преобразования, изменяющие производственно-материальные и культурно-информационные основы нашей цивилизации. Однако о социально-политических аспектах этих преобразований также нельзя забывать. Сможет ли утопия «всеобщего изобилия» сохранить средний

класс и достигнутый уровень благосостояния хотя бы более или менее на близком к сегодняшнему уровню, или же, наоборот, впереди новая непреодолимая поляризация между людьми. Сохранение технологической отсталости в целях защиты занятости, скорее всего, окажется деморализующим и политически безжизненным жестом [16, с. 44].

Страна со слабой и не суверенной экономикой и политикой не сможет контролировать демографические процессы на своей территории и проводить более-менее эффективную социальную политику. У богатых и развитых государств, с укоренившимися институтами демократии, даже в случае резкого изменения экономической структуры и системы социальной стратификации (размывания среднего класса в силу роста безработицы из-за широкого внедрения роботов и компьютеров), все же останутся возможности для поддержания новых бедных. Например, это выплата им минимальных пособий или перераспределение доходов от высокотехнологичных отраслей в имитацию занятости как форму досуга. Теоретически, к примеру, могут быть продолжены опыты с введением безусловно базового дохода (ББД). Швейцарский референдум по этому поводу провалился, но продолжают эксперимент финны. Судя по всему, идея введения ББД – это хороший выход в условиях, когда рынку работа большинства все равно не нужна, а потребительский спрос, считает М. Форд, надо поддерживать [28, с. 242–347]. При этом М. Форд ссылается на Ф. фон Хайека, который полагал такую меру совместимой с рыночной экономикой [29, с. 378]. Фактическим препятствием для введения ББД могут стать не предубеждения против него, а неконтролируемые миграционные потоки, если от них не защититься. Пока же не видно удовлетворительного решения, как справиться с новым «великим переселением народов».

Всё это проблемы «первого мира», а бедные страны, лишившиеся, например, доходов от сырьевого экспорта и не имеющие ни технологий, ни людей, способных их создавать и внедрять (последствия «ухода» интеллектуалов и квалифицированных специалистов «по Хиршману»), не обладающие ни развитыми политическими институтами и структурами гражданского общества, ни механизмами формирования ответственного правительства – обречены рухнуть в пропасть нищеты и деградации. И не так уж важно, будет ли это происходить в виде медленного, тихого, но достаточно быстрого, угасания или же будет сопровождаться акциями отчаяния, войнами, бунтами и даже подобием революций.

Революционное движение умов, технологий и социальных изменений – бесконечно до тех пор, пока существует человеческая цивилизация. Увы, отдельным частям этой цивилизации (странам и народам) рано или поздно приходит конец.

Библиография

1. Булдаков В.П. Кризисный ритм российской истории: К культурно-антропологическому переосмыслению // Политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2015. № 2. С. 18–52.

2. Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М.: Новый хронограф, Институт российской истории РАН, 2010. 1092 с.

3. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина; под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. 415 с.

4. Валлерстайн И. и др. Есть ли будущее у капитализма? М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 320 с.

5. Вебер М. Переход России к псевдодемократии (1917 г.). Режим доступа: http://polit.ru/article/2005/12/02/veber/

6. Голдстоун Д. Революции. Очень краткое введение / Пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 192 с.

7. Делягин М. Россия после Путина. Неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция? М.: Вече, 2005. 416 с.

8. Дрекслер Э. Всеобщее благоденствие. Как нанотехнологическая революция изменит цивилизацию / Пер. с англ. Ю. Каптуревского. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 504 с.

9. Ковалёв В.А. Теория революции П.А. Сорокина и российский политический процесс // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. СПб., 2009. № 2. Режим доступа: http://www.politex.info/content/view/571/30/

10. Ковалёв В.А. Рецензия на книгу: Соловей Т.Д., Соловей В.Д. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. СПб., 2009. № 3. Режим доступа: http://www.politex.info/content/view/612/30/

11. Ковалёв В.А. Нормальный русский национализм. (К вопросу об идеологии демократического государства в России) // Россия и современный мир. М., 2011. № 3. С. 27–45.

12. Ковалёв В.А. Опыты российской политики. Перспективы и тупики постсоветского периода: Политологические очерки. Сыктывкар, СыктГУ, 2015. 226 с.

13. Ковалёв В.А. «Лишние» люди – новые «расколы: Основа конфликтов в современном мире // Россия и современный мир. М., 2016. № 3. С. 76–87.

14. Ковалёв В.А. Есть у революции начало? (Статья 1-я) // Россия и современный мир. М., 2017. № 1. С. 21–34.

15. Коллинз Р. Предсказания в макросоциологии: Случай советского коллапса // Время мира. Альманах. Вып. 1. Новосибирск, 2000. С. 234–278.

16. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. Пер. с англ. / Послесл. Н.С. Розова. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. 504 с.

17. Коллинз Р. Технологическое замещение и кризисы капитализма: Выходы и тупики // Политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2010. № 1. С. 35–50.

18. Коуэн Т. Среднего более не дано. Как выйти из эпохи великой стагнации. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 320 с.

19. Лахман Э. Что такое историческая социология? / Пер. с англ. М.Н. Дондуковского; под науч. ред. А.А. Смирнова. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2016. – 240 с.

20. Малиа М. Локомотивы истории: Революции и становление современного мира. М.: РОССПЭН, 2015. 405 с.

21. Мур-младший Б. Социальные истоки диктатуры и демократии. Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М.: ИД ГУ–ВШЭ, 2016. 780 с.

22. Никифоров А.А. Революция как объект теоретического осмысления: Достижения и дилеммы субдисциплины // Полис. 2007. № 5. С. 92–104.

23. Пивоваров Ю.С. О «советском» и путях его преодоления // Политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2015. № 2. С. 53–96.

24. Россия регионов: Трансформация политических режимов / Общ. ред.: В. Гельман, С. Рыженков, М. Бри. М.: Весь мир, 2000. 376 с.

24а. Сколько в России силовиков // Толкователь. Толкучка мыслей, фактов и суждений. 2011. 9 июля. URL: http://ttolk.ru/2011/07/09/%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BB% D1%8C%D0%BA%D0%BE-%D0%B2-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8-%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2/ (Дата обращения: 14.12.2016.)

25. Соловей В. Революtion! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М.: Эксмо, 2016. 250 с.

26. Соловей В., Соловей Т. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М.: Феория, 2009. 440 с.

27. Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. 848 с. (Питирим Сорокин. Собрание сочинений.)

28. Форд М. Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы / Пер. с англ. С. Чернина. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 430 с.

29. Хайек Ф. фон. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2006. 648 с.

30. Хантингтон С. Третья волна. Демократия в конце XX века / Пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.

31. Хиршман А.О. Выход, голос и верность. Как люди могут реагировать на то, что им не нравится, и почему это важно для экономистов. М.: Новое издательство. 156 с.

32. Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge University Press, 1979. 407 p.

References

Buldakov V.P. Krizisnyj ritm rossijskoj istorii: K kul'turno-antropologicheskomu pereosmysleniju // Politicheskaja konceptologija. Rostov-na-Donu, 2015. N 2. P. 18–52.

Buldakov V.P. Haos i jetnos. Jetnicheskie konflikty v Rossii, 1917–1918 gg. Uslovija vozniknovenija, hronika, kommentarij, analiz. Moscow: Novyj hronograf, Institut rossijskoj istorii RAN, 2010. 1092 p.

Deljagin M. Rossija posle Putina. Neizbezhna li v Rossii «oranzhevo-zelenaja» revoljucija? Moscow: Veche, 2005. 416 p.

Dreksler Je. Vseobshhee blagodenstvie. Kak nanotehnologicheskaja revoljucija izmenit civilizaciju / Per. s angl. Ju. Kapturevskogo. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara, 2014. 504 p.

Ford M. Roboty nastupajut. Razvitie tehnologij i budushhee bez raboty / Per. s angl. S. Chernina. Moscow: Al'pina non-fikshn, 2016. 430 p.

Goldstoun D. Revoljucii. Ochen' kratkoe vvedenie / Per. s angl. A. Jakovleva. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara, 2015. 192 p.

Hajek F. fon. Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda. Moscow: IRISJeN, Mysl', 2006. 648 p.

Hantington S. Tret'ja volna. Demokratija v konce XX veka / Per. s angl. L.Ju. Pantinoj. M.: ROSSPJeN, 2003. 368 p.

Hirshman A.O. Vyhod, golos i vernost'. Kak ljudi mogut reagirovat' na to, chto im ne nravitsja, i pochemu jeto vazhno dlja jekonomistov. M.: Novoe izdatel'stvo. 156 p.

Kollinz R. Makroistorija: Ocherki sociologii bol'shoj dlitel'nosti. Per. s angl. / Poslesl. H.S. Rozova. Moscow: URSS: LENAND, 2015. 504 p.

Kollinz R. Predskazanija v makrosociologii: Sluchaj sovetskogo kollapsa // Vremja mira. Al'manah. Vyp. 1. Novosibirsk, 2000. P. 234–278.

Kollinz R. Tehnologicheskoe zameshhenie i krizisy kapitalizma: Vyhody i tupiki // Politicheskaja konceptologija. Rostov-na-Donu, 2010. N 1. P. 35–50.

Koujen T. Srednego bolee ne dano. Kak vyjti iz jepohi velikoj stagnacii. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara, 2015. 320 p.

Kovaljov V.A. «Lishnie» ljudi – novye «raskoly: Osnova konfliktov v sovremennom mire // Rossija i sovremennyj mir. Moscow, 2016. N 3. P. 76–87.

Kovaljov V.A. Est' u revoljucii nachalo? (Stat'ja 1) // Rossija i sovremennyj mir. Moscow, 2017. N 1. P. 21–34.

Kovaljov V.A. Normal'nyj russkij nacionalizm. (K voprosu ob ideologii demokraticheskogo gosudarstva v Rossii) // Rossija i sovremennyj mir. Moscow, 2011. N 3. P. 27–45.

Kovaljov V.A. Opyty rossijskoj politiki. Perspektivy i tupiki postsovetskogo perioda: Politologicheskie ocherki. Syktyvkar, SyktGU, 2015. 226 p.

Kovaljov V.A. Recenzija na knigu: Solovej T.D., Solovej V.D. Nesostojavshajasja revoljucija: Istoricheskie smysly russkogo nacionalizma // Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS. Saint-Petersburg, 2009. N 3. Rezhim dostupa: http://www.politex.info/content/view/612/30/

Kovaljov V.A. Teorija revoljucii P.A. Sorokina i rossijskij politicheskij process // Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS. Saint-Petersburg, 2009. N 2. Rezhim dostupa: http://www.politex.info/content/view/571/30/

Lahman Je. Chto takoe istoricheskaja sociologija? / Per. s angl. M.N. Dondukovskogo; pod nauch. red. A.A. Smirnova. Moscow: ID «Delo» RANHiGS, 2016. 240 p.

Malia M. Lokomotivy istorii: Revoljucii i stanovlenie sovremennogo mira. M.: ROSSPJeN, 2015. 405 p.

Mur-mladshij B. Social'nye istoki diktatury i demokratii. Rol' pomeshhika i krest'janina v sozdanii sovremennogo mira. M.: ID GU–VShJe, 2016. 780 p.

Nikiforov A.A. Revoljucija kak ob'ekt teoreticheskogo osmyslenija: Dostizhenija i dilemmy subdiscipliny // Polis. 2007. N 5. P. 92–104.

Pivovarov Ju.S. O «sovetskom» i putjah ego preodolenija // Politicheskaja konceptologija. Rostov-na-Donu, 2015. N 2. P. 53–96.

Rossija regionov: Transformacija politicheskih rezhimov / Obshh. red.: V. Gel'man, S. Ryzhenkov, M. Bri. Moscow: Ves' mir, 2000. 376 p.

Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge University Press, 1979. 407 p.

Skol'ko v Rossii silovikov // Tolkovatel'. Tolkuchka myslej, faktov i suzhdenij. 2011. 9 ijulja // URL: http://ttolk.ru/2011/07/09/%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BE-%D0%B2-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8-%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2/ (Data obrashhenija: 14.12.2016.)

Solovej V. Revoljution! Osnovy revoljucionnoj bor'by v sovremennuju jepohu. Moscow: Jeksmo, 2016. 250 p.

Solovej V., Solovej T. Nesostojavshajasja revoljucija: Istoricheskie smysly russkogo nacionalizma. Moscow: Feorija, 2009. 440 p.

Sorokin P.A. Listki iz russkogo dnevnika. Sociologija revoljucii / Sost., podg. teksta, vstup. st. i komment. V.V. Sapova. Syktyvkar: OOO «Anbur», 2015. 848 p. (Pitirim Sorokin. Sobranie sochinenij.)

Vallerstajn I. Analiz mirovyh sistem i situacija v sovremennom mire / Per. s angl. P.M. Kudjukina; pod red. B.Ju. Kagarlickogo. Saint-Petersburg: Universitetskaja kniga, 2001. 415 p.

Vallerstajn I. i dr. Est' li budushhee u kapitalizma? Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara, 2015. 320 p.

Veber M. Perehod Rossii k psevdodemokratii (1917 g.). Rezhim dostupa: http://polit.ru/article/2005/12/02/veber/

О.И. Киянская

ДЕКАБРИСТЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ: ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Аннотация. *В статье речь идет о движении декабристов в истории России и, в частности, в истории отечественного революционного движения. Феномен декабризма рассматривается и как совокупность исторических фактов, и как миф, сложившийся в сознании оппонировавшей власти отечественной интеллигенции. Предпринимается попытка дать ответ на вопрос, насколько значительным был вклад декабристов в историческое развитие России, или речь идет в данном случае о прочно укоренившейся его мифической составляющей.*

Ключевые слова: *движение декабристов, российская история, историография, А.Н. Пыпин, М.В. Нечкина, Ю.М. Лотман, П.И. Пестель, Д.Н. Блудов, В.И. Ленин.*

Киянская Оксана Ивановна – доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ); ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва. E-mail: kianoks@inbox.ru

O.I. Kiyanskaya. The Decembrists in Russian History and Historiography: Polemical Notes

Abstract. *This article is about the place of the Decembrists movement in Russian history and in particular in history of Russian revolutionary movement. The phenomenon of the Decembrists is examined not only as the historical fact, but as the myth formed in minds of Russian intellectuals opposite to authority. The article states that the role of the Decembrists in the historical development of Russia was rather insufficient. Though the myth of the Decembrists will live long.*

Keywords: *movement of the Decembrists, the history of Russia, historiography, A.N. Pypin, M.V. Neshkina, Yu.M. Lotman, P.I. Pestel, D.N. Bludov, V.I. Lenin.*

Kiyanskaya Oksana Ivanovna – Doctor of History, Professor, Russian State University for the Humanities (RGGU); Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow. E-mail: kianoks@inbox.ru

2017 год – год, богатый на всякого рода юбилейные даты. Главной из них, безусловно, является 100-летие Октябрьской революции. Но, вспоминая российских большевиков-революционеров, нельзя не вспомнить и тех, кого они называли своими предшественниками. Декабристы в общественном сознании никогда не были «спокойной», академической темой. О том, кто они такие, чего они хотели, каково их место в истории России, споры не прекращаются. Спорят и историки, и публицисты, и официальные лица. Цель данной статьи – представить собственные размышления о движении декабристов как об историческом и историографическом феномене.

Я думаю, что профессиональный историк (или тот, кто берет на себя труд оценивать исторические события) способен, отталкиваясь от анализа источников, адекватно описывать лишь свое время. Нашим современникам – людям XXI в. – трудно, почти невозможно представить себя на месте людей двухвековой давности начала XIX в. Исторические исследования гораздо больше говорят о личности их авторов, чем о тех, о ком эти исследования написаны.

Здесь можно привести несколько ярких примеров. Одним из основоположников «классического» декабристоведения был А.Н. Пыпин, автор книги «Общественное движение в России при Александре I». Он был убежден, что в деятельности декабристов «заговора никакого не было, потому что вся деятельность общества состояла в… беседах, которые сами по себе были новы и на первое время поглощали собой это возбуждение умов. Притом общество, размножась, вовсе не представляло какого-либо тесно связанного целого, и прежние кружки более близких друг другу людей сохранялись и теперь».

Пыпин считал ошибочным «выводить» заключение о движении декабристов из событий на Сенатской площади. «Прежде всего, эти события не были планом, издавна решенным и обдуманным. Напротив, в них было чрезвычайно много случайного и минутного», – утверждал он [17, с. 405, 406, 489].

На первый взгляд такое заявление удивительно: 14 декабря 1825 г. было попыткой руководителей тайного общества силой захватить власть в России. Идея восстания пришла в голову руководителям восстания не накануне событий; они шли к этому почти десять лет. И если голоса о необходимости сотрудничества с правительством, помощи ему и звучали на собраниях деятелей тайных обществ, то на тех же собраниях раздавались и голоса о неизбежном военном перевороте, силовом установлении республики и цареубийстве.

Книгу эту Пыпин впервые опубликовал в 1871 г. Двоюродный брат Н.Г. Чернышевского, университетский профессор, публицист, участник некрасовского «Современника», он не был готов с оружием в руках выступать против самодержавия – но, конечно, был горячим сторонником реформ Александра II. Отсюда и декабристы у него – реформаторы. И эпоху 1820-х годов он уподоблял той эпохе, в которой жил.

Собственно, Пыпин и не скрывал этого, утверждая в 1885 г. в предисловии ко второму изданию: «Точка зрения моей книги была историческое сравнение – времен, характеров и общественных положений: это сравнение невольно приводит к иным впечатлениям, чем просто безотносительное наблюдение» [17, с. 8].

Другой показательный пример – М.В. Нечкина, чей вклад в декабристоведение едва ли не больше вклада Пыпина. Она ввела в научный оборот огромное количество новых источников, но при всем том мыслила всегда исключительно в традиционных рамках советской модели. Ее декабристы из знаменитого двухтомника «Движение декабристов» безусловно «первые русские революционеры, выступившие с оружием в руках против самодержавия и крепостного права в декабре 1825 г.» [16, с. 8].

Нечкина конструирует движение декабристов, исходя из современной ей политической реальности. Поскольку декабристы – предтечи большевиков, то их конспиративная деятельность протекает в формах, характерных для большевистской партии. Время члены тайных обществ проводят почти исключительно в съездах и совещаниях, на которых голосованием решаются важные для жизни тайных обществ вопросы. При этом понятие *съезд*, не имевшее в начале XIX в. политического содержания, она толкует вполне в соответствии со съездами Коммунистической партии. Съезды у декабристов начинаются с выборов председательствующего и выработки повестки дня, участники съездов голосуют за те или иные постановления, решения съезда обязательны к исполнению и т.п. [16, с. 319–332]. Она бескомпромиссно поддерживает республиканские и цареубийственные идеи, обсуждавшиеся в тайных обществах.

Последующие поколения отечественных ученых (1960–1970-е годы), изучавших декабристов, уже не было столь категоричным в отстаивании декабристской «революционности». Например, для Ю.М. Лотмана декабристы – это те, кто создал «особый тип русского человека», «по своему поведению резко отличавшегося от того, что знала вся предшествующая русская история». По мнению исследователя, декабристы «строили из бессознательной стихии бытового поведения русского дворянина рубежа XVIII–XIX веков сознательную систему идеологически значимого бытового поведения, законченного как текст и проникнутого высшим смыслом» [12, с. 331, 381].

Для Лотмана, писавшего статью «Декабрист в повседневной жизни» в середине 1970-х годов, было важно выработать особый кодекс поведения человека в эпоху брежневского застоя. Кодекс, который, с одной стороны, не делал бы человека изгоем в обществе, а с другой – позволил бы отделить свой внутренний мир от существующей власти, сохранить в советское время чувство собственного достоинства. Схожие идеи можно видеть и в работах Н.Я. Эйдельмана.

Каждое поколение историков, отказываясь от трактовок прошлых лет, заново открывает «своих» декабристов. Не составляют исключения и историки сегодняшнего дня: новая эпоха предъявляет к прошлому свои требования. И цель данной статьи – описать декабристов такими, какими они видятся мне после почти 25-летнего изучения этого феномена. При этом представленная точка зрения – это всего лишь попытка описать сегодняшний день в категориях дня позавчерашнего.

* * *

Схему развития декабристских организаций мы знаем со школьной скамьи. В феврале 1816 г. шестеро молодых офицеров, связанных между собою родством и боевым товариществом, создали Союз спасения – первую тайную организацию. Сначала члены общества хотели «противодействовать» иностранцам на русской службе, однако вскоре цель сменилась. Молодые заговорщики начали мечтать о максимально широко понятом «благе России». В чем конкретно заключается это благо, участники Союза спасения еще не знали; в их среде рождались всякого рода фантастические проекты – вплоть до убийства императора.

В январе 1818 г. на развале первой организации возникла вторая – Союз благоденствия. Новый Союз был многочисленным: в нем состояли уже несколько сотен человек. Общей целью было – помогать правительству в его прогрессивных начинаниях. Однако группа радикалов во главе с П.И. Пестелем с этой позицией спорила и постоянно инициировала обсуждение вопросов об изменении государственного строя. В январе 1821 г. на Московском съезде Союз благоденствия был распущен. Не согласившись с этим, Пестель в марте того же года создал Южное общество. Центр его находился в городе Тульчине, в армейском штабе, где служил сам Пестель. Он же написал и программный документ общества – «Русскую Правду». Будучи убежденным республиканцем и сторонником цареубийства, Пестель заставил своих сторонников формально голосовать за эти требования. В конце 1823 г. организационно оформилась новая тайная организация в столице – Северное общество. Ее участники были сторонниками конституционной монархии; эта же идея лежит в основе программного документа северян – «Конституции» Н.М. Муравьева. Осенью 1825 г. в состав Южного общества вошло Общество соединенных славян.

14 декабря 1825 г. силами Северного общества было организовано восстание на Сенатской площади, окончившееся провалом. В ночь с 28 на 29 декабря того же года началось восстание Черниговского пехотного полка, инициированное членами Южного общества, однако 3 января 1826 г. оно было подавлено.

Однако эта умозрительная схема – всего лишь результат работы правительственного публициста Д.Н. Блудова, автора «Донесения Следственной комиссии», обобщившего показания декабристов на следствии [5]. Историки в своих штудиях опираются на показания участников заговора, полагая, что в основе своей они правдивы. Это, конечно же, не так. Никому из ученых не придет в голову изучать деятельность, к примеру, Н.И. Бухарина на основании его следственного дела. Тогда почему же сведения, содержащиеся в следственных делах декабристов, должны считаться правдивыми? Показания, данные в ходе политизированного следствия, инициированного государственной властью, не могут быть правдивыми по определению.

* * *

Правительственные войска 14 декабря 1825 г. подавили восстание в Петербурге. Молодой император, начавший следствие, уже знал, что восстание – дело рук заговорщиков. Но в каких формах существовал заговор и что хотели его участники – еще предстояло выяснить.

От первых арестованных многого добиться не удалось: большинство из них показывало, что цель восстания на Сенатской площади состояла в защите интересов «законного» императора Константина I. Как известно, после смерти Александра I империя присягнула Константину, а официальные документы об его отречении от престола опубликованы не были. И первые показания о восстании «во имя» Константина логичны и непротиворечивы.

Заговорщики утверждали, что были готовы «пролить последнюю каплю крови за императора Константина», что «присягнув раз», не могли нарушить присягу «без личного повеления» Константина, что действовали во имя «удержания на престоле великого князя Константина Павловича» и собирались просить у Константина «личного и словесного отречения» [28, с. 417; 24, с. 224; 21, с. 480; 20, с. 427].

Первая попытка объяснить связь между тайными обществами и военным мятежом в столице принадлежала князю С.П. Трубецкому, несостоявшемуся диктатору восстания, арестованному в ночь на 15 декабря. По его мнению, тайные общества возникли в России с благородной целью помощи правительству. Главным тайным обществом был, естественно, Союз благоденствия.

К этой концепции Трубецкой добавил целый ряд подробностей, в частности о том, что на пути к благородным целям тайного общества стоял не желавший помогать правительству злодей – Пестель, злой и жестокий человек, мечтавший только о личной диктаторской власти. «Он обрекал смерти всю высочайшую фамилию… Он надеялся, что государь император не в продолжительном времени будет делать смотр армии, в то же время надеялся на

поляков в Варшаве, и хотелось ему уговорить тож исполнить и здесь», – утверждал князь.

И деятельность Северного общества, и собственное участие в подготовке Сенатской площади князь объяснял стремлением «остановить Пестеля»: «Я имел все право ужаснуться сего человека <…> Мне казалось достаточною та уверенность, что он без содействия здешняго общества ничего предпринять не может, а здесь я уверен был, что всегда могу все остановить – уверенность, которая меня теперь погубила» [27, с. 27–28].

Конечно, этим показаниям верить нельзя. Отношения Пестеля и Трубецкого были плохими во все периоды существования тайных обществ начиная еще с Союза спасения. Обвиняя Пестеля, князь выгораживал себя. Кроме того, он стремился отвести подозрения от своего друга С.И. Муравьева-Апостола, поскольку надеялся, что тому удастся осуществить восстание и вызволить его из тюрьмы [4].

Естественно, следствие Трубецкому не поверило: его концепция не вошла в «Донесение Следственной комиссии». Однако к Пестелю, не принимавшему участия в восстании, арестованному на юге 13 декабря 1825 г. и доставленному в столицу 3 января 1826 г., и у следователей, и у императора было много вопросов.

Сразу же по приезде в столицу Пестель был допрошен императором и согласился давать признательные показания. На допросе 4 января он подробно рассказал о тайных обществах и их планах. «Первоначальное намерение общества было освобождение крестьян, способ достижения сего – убедить дворянство сему содействовать, и от всего сословия нижайше об оном просить императора». Поздние общества хотели «введения в государство конституции» [25, с. 79, 81]. Достичь же этого предполагалось с помощью военной силы. Кроме того, он – в общих чертах – и дал следствию схему развития заговора, которой историки пользуются до сих пор.

На следствии руководитель Южного общества рассказал и о собственных политических взглядах, и о «Русской Правде», и в итоге – о собственных цареубийственных планах. В его изложении антиправительственное движение выглядело чисто идеологическим, сводилось к спорам о будущем России и о возможных путях достижения этого будущего.

Концепция Пестеля вполне устроила следствие. Она позволила, с одной стороны, свести заговор декабристов к «забавам взрослых шалунов», к безобидной болтовне о формах правления. С другой стороны, разделение заговорщиков по степени участия в обсуждении цареубийства оправдало в глазах общества смертные приговоры. Восстания же в Петербурге и на юге выглядят в этой концепции случайностью, спровоцированной смертью Александра I.

Вопросы подследственным уже с января 1826 г. задавались в рамках этой концепции. Любая их попытка по-другому описать заговор пресекалась. Так, не привлекло внимание следствия письмо к императору М.П. Бестужева-Рюмина. В письме заговорщик просил аудиенции, чтобы рассказать, в частности, «об организации выступления, о разных мнениях общества, о средствах, которые оно имело в руках… о Польше, Малороссии, Курляндии, Финляндии» [22, с. 42–43].

Именно концепция Пестеля легла в основу «Донесения Следственной комиссии». И хотя – по устоявшейся традиции – почти в каждом исследовании «Донесение» критикуется, нельзя не отметить, что именно оно до сих пор изучается в школе. Вслед за Пестелем и Блудовым и современники, и историки повторяли и повторяют и канву событий, и тезис об идеологическом характере движения декабристов. Разговоры о возможном цареубийстве, описанию которых много места отдал Блудов, стали в глазах советских историков безусловным свидетельством «революционности» декабристов.

* * *

Естественно, на современном этапе развития декабристоведения возникла необходимость по-новому осмыслить феномен декабризма.

Тайные декабристские организации – и в этом безусловно прав Пыпин – не были в русской истории явлением исключительным. Они – часть общественного движения Александровской эпохи. Исследователь В.М. Бокова насчитала в России первой трети XIX в. около двух сотен тайных общественных объединений [2, с. 624–628]. Число это станет намного больше, если к тайным обществам добавить масонские ложи, которые, конечно, тоже были организациями нелегальными. На заседаниях многих такого рода организаций – не только тех, которые известны нам как «декабристские» – звучали разговоры о необходимости проведения в России политических реформ. Вполне в русле конституционных исканий эпохи были и проекты декабристов – «Русская Правда» Пестеля и тем более «Конституция» Н.М. Муравьева.

И, конечно же, из заседаний тайных обществ – и в этом опять-таки правы и Блудов, и Пыпин – вооруженные восстания никак не вытекали.

Однако большинство участников восстаний были офицерами, многие из лидеров заговора к тому же прошли войну и заграничные походы. И они, конечно, прекрасно понимали, что разговорами о «благе отечества» сменить власть невозможно. Анализ армейских документов 1820-х годов позволил сделать вывод о том, что лидеры движения – и прежде всего Пестель – занимались реальной подготовкой к военному перевороту в России. Армейский заговор, в котором действовали как те, кто состоял в тайных обществах, так и те, кто формально в них не участвовал, был вполне серьезным. Он строился

не вокруг тайных обществ, а вокруг популярных в армии генералов П.Х. Витгенштейна, П.Д. Киселева, А.Г. Щербатова и некоторых других. В заговор были вовлечены многие чиновники интендантской и квартирмейстерской служб Русской армии. Для подготовки военного переворота его лидеры использовали не только свое служебное положение, но и подкуп и шантаж.

Именно следствием деятельности этого заговора стали обе попытки произвести революцию в России [6; 7, с. 15–97, 243–319]. Однако полная картина этого армейского заговора осталась неизвестной следователям – собственно, они и не ставили своей целью докопаться до истины. Им совершенно не нужно было показывать и России, и Западу, что Российская армия, традиционная опора трона, плохо управляема, коррумпирована и настроена против власти.

* * *

Пожалуй, главный вопрос, с которым сталкивается всякий, изучающий историю 1820-х годов, – это вопрос о причинах, заставивших декабристов составить военный заговор. С точки зрения обычной житейской логики их поведение выглядит довольно глупо. Молодые дворяне, прошедшие войну, могли сделать хорошие карьеры, достичь высокого общественного статуса, жить счастливой семейной жизнью – но выбрали путь маргиналов-революционеров, приведший их на виселицу, на каторгу и в ссылку.

Вопросом о том, зачем тем, кто пошел в декабристы, нужна была революция, задавались и проницательные современники. Так, практически одинаково отреагировали на восстание престарелый граф Ф.В. Ростопчин и ровесник декабристов князь П.А. Вяземский. Сравнивая русских революционеров с теми, кто в конце XVIII в. делал революцию во Франции, они недоумевали: там «повара хотели попасть в князья», «сапожники и тряпичники хотели сделаться графами и князьями». В России же произошло обратное: графы и князья вдруг решили «попасть в повара», стать «тряпичниками и сапожниками» [11]. В поэтических строках этот странный, не поддающийся объяснению с точки зрения бытовой логики парадокс описал поэт Н.А. Некрасов: «В Европе сапожник, чтоб барином стать, / Бунтует, – понятное дело! / У нас революцию сделала знать: / В сапожники, что ль, захотела?..» [14, с. 165].

При всей саркастичности подобных формулировок в них есть доля истины: действительно, часть молодых российских дворян решила уравнять себя в правах с податными российскими сословиями. Но вовсе не потому, что декабристы любили простой народ или крепостных крестьян. Для того чтобы, например, проявить свою любовь к крепостным, им не надо было организовывать заговор. Стоило только воспользоваться принятым еще в 1803 г.

указом Александра I о вольных хлебопашцах – и отпустить на волю собственных крепостных. Однако никто из заговорщиков этим указом не воспользовался.

Пытаясь объяснить свое участие в заговоре, декабрист Г.С. Батеньков утверждал, что ему всегда хотелось быть «политиком». Возможность осуществить свою мечту он обрел в заговоре: «Тайное общество наше отнюдь не было крамольным, но политическим» [19, с. 93, 90]. Быть политиком – это значит иметь возможность определять политическое развитие страны, принимать участие в выработке важнейших решений, проводить реформы.

Однако в условиях абсолютной монархии, какой была Россия в XIX в., политикой имеет возможность заниматься только один человек – царь. Придворные с большим или меньшим успехом могут лишь плести интриги. А те, кто находится ниже по сословной лестнице, лишены и этой возможности. Стать политиком в монархическом сословном государстве невозможно.

Единственная возможность для человека определять судьбы страны – сломать сословную систему, добиться того, чтобы российское общество стало обществом равных возможностей. «В отношении дворянства вопрос о реформе ставится так: что лучше – быть свободным вместе со всеми или быть привилегированным рабом при неограниченной и бесконтрольной власти?» – утверждал декабрист Н.И. Тургенев. Он считал, что «истинное благородство – это свобода; его получают только вместе с равенством – равенством благородства, а не низости, равенством, облагораживающим всех» [31, с. 385].

Собственно, декабристы боролись прежде всего за равенство всех перед законом. Именно из этого требования вытекала необходимость отмены крепостного права и абсолютной монархии. И ради победы в этой борьбе они готовы были рисковать и свободой, и жизнью.

Однако обе попытки декабристов взять власть оказались неудачными. Причины этой неудачи – если, конечно, не сводить их к отсутствию в России в начале XIX в. пролетариата – тоже нуждаются в тщательном осмыслении.

Представляется, что главная причина краха заговора в том, что лидеры оппозиции в александровской России так и не смогли договориться между собою. Пестеля, например, многие заговорщики боялись гораздо больше, чем государя императора.

Так, в 1824 г. не по вине Пестеля закончились провалом так называемые «объединительные совещания» – попытка лидера Южного общества договориться с северянами о совместных действиях. В ходе этих совещаний Пестелю открыто предъявили обвинение в бонапартизме. «Главным предметом разговора было Временное Правление, против которого говорили наиболее Трубецкой, а также и Никита Муравьев. Они много горячились, а я все время был хладнокровен до самого конца, как ударил рукою по столу и встал», – показывал Пестель на следствии [25, с. 163]. По показанию же Трубецкого,

перед тем, как хлопнуть дверью, южный лидер заявил: «Стыдно будет тому, кто не доверяет другому и предполагает в другом личные какие виды, что последствие окажет, что таковых видов нет» [27, с. 16].

Рассуждениями о «злодее» Пестеле наполнены и следственные дела, и позднейшие мемуары. Человеком, опасным «для России и для видов общества» называл его К.Ф. Рылеев [26, с. 174]. Подобные высказывания – не редкость и в других следственных делах. «Топивший» Пестеля на следствии Трубецкой не пощадил его и в воспоминаниях. «Образ действий Пестеля возбуждал не любовь к Отечеству, но страсти, с нею не совместимые», – писал он [30, с. 229].

«Антипестелевские» инвективы Трубецкого не были следствием его «демократической» борьбы с «авторитарным» Пестелем. Речь шла о том, кто – Пестель или сам Трубецкой – в случае победы возглавят Россию.

Впрочем, и сам Трубецкой абсолютным уважением среди участников заговора не пользовался. Организаторам восстания на Сенатской площади импонировали не взгляды и образ действий князя, а «густые эполеты» гвардейского полковника и высокие должности, которые занимал Трубецкой в армейской иерархии. Так, согласно показаниям Трубецкого, К.Ф. Рылеев был убежден: для дела восстания князь был «непременно нужен», «ибо нужно имя, которое бы ободрило». При избрании же князя диктатором Рылеев еще раз повторил ему, что его «имя» «необходимо нужно» для успеха революции [27, с. 6, 19].

«Кукольной комедией» назвал избрание Трубецкого диктатором ближайший друг Рылеева А.А. Бестужев [20, с. 443]. Участник событий П.Н. Свистунов размышлял в мемуарах: «Рылеев, будучи в отставке, не мог перед войском показаться в мундире: нужны были если не генеральские эполеты, которых налицо тогда не оказалось, то по меньшей мере полковничьи» [18, с. 171]. Неудавшийся же цареубийца П.Г. Каховский и вовсе предполагал, что диктатор был «игрушкой тщеславия Рылеева» [23, с. 347].

Трубецкой тоже не верил Рылееву – и не открывал ему своих планов.

Между тем и у Пестеля, и у Трубецкого, и у Рылеева существовали прочные связи с армейской верхушкой и высшими чиновниками, недовольными российскими порядками и желавшими перемен. И если бы накануне восстания заговорщикам удалось договориться, история России могла бы пойти совершенно по другому пути.

* * *

Исследователи часто повторяют фразу В.О. Ключевского о том, что восстание на Сенатской площади – «историческая случайность, обросшая литературой». Сам историк относился к декабристам более чем прохладно: «Нет

надобности приписывать этому движению особенно важные последствия», «как заговор 14 декабря было задумано неосторожно до легкомыслия, подготовлено гимназически оплошно и исполнено совсем неумело» [15, с. 218; 8, с. 220, 235, 428].

Ключевский прав: декабристы – это локальный эпизод отечественной истории. Они не сумели решить тех задач, которые перед собою поставили, не сумели договориться о совместных действиях, проиграли и в военном столкновении с властью.

В 1825 г. декабристы проиграли – этот факт бесспорен. И далеко не все современники сочувствовали проигравшим. Так, отец самого молодого из повешенных в 1826 г., М.П. Бестужева-Рюмина, узнав о казни сына, заявил: «Собаке собачья смерть» [1, с. 207]. А поэт Ф.И. Тютчев написал о том, как декабристов российское самовластье сначала «развратило», а затем «поразило» мечом: «Народ, чуждаясь вероломства, / Поносит ваши имена – / И ваша память от потомства, / Как труп в земле, схоронена» [32].

«Народные» оценки были еще более категоричными: «Начали бар вешать и ссылать на каторгу, жаль, что всех не перевесили, да хоть бы одного кнутом отодрали и с нами поравняли» [13, с. 38–39].

Но спустя несколько десятилетий А.И. Герцен впервые сформулировал российский миф о декабристах. Имея в виду Николая I, Герцен утверждал: «Этот тупой тиран не понял, что именно таким образом виселицу превращают в крест, пред которым склоняются целые поколения» [3, с. 143].

С 1860-х годов каждое поколение оппозиционных власти мыслящих россиян так или иначе соотносило себя с декабристами. Современный исследователь С.Е. Эрлих справедливо утверждает: «Созданный Герценом миф о декабристах нацелен на свержение неподотчетной обществу “самодержавной” власти. В самые свободные времена нашей истории шансы на смену режима законными средствами оставались призрачными. Поэтому герои 14 декабря редко исчезали с авансцены памяти»; «вся оппозиция царизму… воспитывалась на герценовском мифе противоборства с драконом самодержавия» [33, с. 40]. Для Эрлиха декабристы – это «метафора» российского мятежа против власти.

Не исключение в этом смысле и шедшие к власти большевики. В.И. Ленин утверждал, что «декабристы и Герцен» были основателями революционной традиции, завершившейся им и его соратниками как выразителями интересов пролетариата [10, с. 255; 9, с. 93]. В подобном ключе можно было рассуждать еще и в середине 1920-х годов. Именно тогда Л.Д. Троцкий говорил, что «декабристы были первой попыткой дворянской интеллигенции, приобщившейся к историкам Великой Французской революции, дать царизму отпор и пробить окно в Европу» [29, с. 105]. Однако с конца 1920-х годов, когда революционные лозунги оказались снятыми с повестки дня, а в СССР

наступила сталинская «стабильность», официальная пропаганда перестала эксплуатировать этот миф.

Ситуация поменялась лишь после смерти И.В. Сталина в 1953 г., когда рассуждения о декабристах – предтечах большевиков вновь стали возможными. Вместе с этими рассуждениями возродился и миф о декабристах. Используя его, «фрондирующие авторы из творческих союзов и Академии наук» начали «тиражировать крамолу эзоповым языком» [33, с. 40].

И у тех, кто профессионально занимался декабристами, при всем разнообразии методов и подходов к этому событию, безусловно, много общего. Все они – от Пыпина до Эйдельмана – так или иначе были настроены оппозиционно. Не исключение здесь даже Нечкина. Для середины 1950-х годов ее двухтомник был смелым новаторским исследованием, вернувшим – после многих лет замалчивания – тему декабристов в сферу общественного интереса.

Движение декабристов как реальное событие в русской истории – мимолетный факт, почти не оставивший следов в последующем развитии России. Однако миф о декабристах, который, по-видимому, еще долго будет существовать в сознании отечественной интеллигенции, вполне может превратить это маленькое событие в броделевское «longue durée», «долгий период» в истории России.

Библиография

1. Бестужев-Рюмин К.Н. Письмо к Л.Н. Толстому о декабристе М.П. Бестужеве-Рюмине // Декабристы и их время. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. Т. 1. С. 206–209.

2. Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. М.: Реалии-Пресс, 2003. 656 с.

3. Герцен А.И. Русский заговор 1825 года // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 13. С. 111–145.

4. Готовцева А.Г., Киянская О.И. «Человек, заслуживающий доверия»: Князь Сергей Трубецкой в заговоре и на службе // Россия XXI. 2011. № 12. С. 106–139.

5. Его Императорскому Величеству высочайше учрежденной Комиссии для изыскания о злоумышленных обществах всеподданнейший доклад // Восстание декабристов. Документы и материалы. Т. 17. М.: Наука, 1980. С. 24–61.

6. Киянская О.И. Декабристы как гипотеза // Источниковедение культуры: Альманах. М.: РГГУ, 2010. Вып. 2. С. 425–439.

7. Киянская О.И. Декабристы. М.: Молодая гвардия, 2017. 2-е изд. 384 с.

8. Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 5. 479 с.

9. Ленин В.И. Из прошлого рабочей печати в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Изд. 5-е. М.: Изд-во полит. литературы, 1969. Т. 25. С.93–101.

10. Ленин В.И. Памяти Герцена // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Изд. 5-е. М.: Изд-во полит. литературы, 1968. Т. 21. С.255–262.

11. Лернер Н.О. Ad Decabrustiana // Бунт декабристов. Юбилейный сборник. 1825–1925 / Под редакцией Ю.Г. Оксмана и П.Е. Щеголева. Л.: Былое, 1926. С. 398–399.

12. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX века). СПб.: Искусство-СПб., 1994. С.331–384.

13. Модзалевский Б.Л. Донесение тайного агента о настроении умов в Петербурге после казни декабристов // Декабристы: Неизд. мат. и статьи. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. С. 37–43.

14. Некрасов Н.А. Русские женщины // Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л.: Наука, 1982. Т. 4. С. 123–186.

15. Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М.: Наука, 1974. 640 с.

16. Нечкина М.В. Движение декабристов. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. 482 с.

17. Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб.: Академический проект, 2001. 560 с.

18. Свистунов П.Н. Сочинения и письма. Иркутск: Мемориальный музей декабристов, 2002. 416 с.

19. Следственное дело Г.С. Батенькова // Восстание декабристов. Документы и материалы. М.: Наука, 1976. Т. 14. С. 29–145.

20. Следственное дело А.А. Бестужева // Восстание декабристов. Документы и материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 1. С. 423–473.

21. Следственное дело М.А. Бестужева // Восстание декабристов. Документы и материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 1. С. 475–494.

22. Следственное дело М.П. Бестужева-Рюмина // Восстание декабристов. Документы и материалы. М.; Л.: Госиздат, 1950. Т. 9. С.26–176.

23. Следственное дело П.Г. Каховского // Восстание декабристов. Документы и материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 1. С. 333–389.

24. Следственное дело Е.П. Оболенского // Восстание декабристов. Документы и материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 1. С. 219–286.

25. Следственное дело П.И. Пестеля // Восстание декабристов. Документы и материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 1–226.

26. Следственное дело К.Ф. Рылеева // Восстание декабристов. Документы и материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 1. С. 147–218.

27. Следственное дело С.П. Трубецкого // Восстание декабристов. Документы и материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 1. С. 1–145.

28. Следственное дело Д.А. Щепина-Ростовского // Восстание декабристов. Документы и материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 1. С. 391–421.

29. Троцкий Л.Д. Наша первая революция. Часть II // Троцкий Л.Д. Сочинения. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 2. Ч. 2. 549 с.

30. Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1983. Т. 1. 416 с.

31. Тургенев Н.И. Россия и русские. М.: ОГИ, 2001. 744 с.

32. Тютчев Ф.И. 14 декабря 1825 г. («Вас развратило Самовластье...») // Тютчев Ф.И. Лирика. М.: Наука, 1966. Т. 2. С. 58 (Лит. памятники).

33. Эрлих С.Е. Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий. СПб.; М.: Нестор-История, 2016. 552 с.

References

Bestuzhev-Rjumin K.N. Pis'mo k L.N. Tolstomu o dekabriste M.P. Bestuzheve-Rjumine // Dekabristy i ih vremja. Moscow: Izd-vo Vsesojuznogo obshhestva politkatorzhan i ssyl'no-poselencev, 1928. T. 1. P. 206–209.

Bokova V.M. Jepoha tajnyh obshhestv. Moscow: Realii-Press, 2003. 656 p.

Jerlih S.E. Vojna mifov. Pamjat' o dekabristah na rubezhe tysjacheletij. Saint-Petersburg: Moscow: Nestor-Istorija, 2016. 552 p.

Ego imperatorskomu velichestvu vysochajshe uchrezhdennoj Komissii dlja izyskanija o zloumyshlennyh obshhestvah vsepoddannejshij doklad // Vosstanie dekabristov. Dokumenty i materialy. T. 17. Moscow: Nauka, 1980. P. 24–61.

Gercen A.I. Russkij zagovor 1825 goda // Gercen A.I. Sobr. soch.: V 30 t. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1958. T. 13. P. 111–145.

Gotovceva A.G., Kijanskaja O.I. «Chelovek, zasluzhivajushhij doverija»: Knjaz' Sergej Trubeckoj v zagovore i na sluzhbe // Russia XXI. 2011. N 12. P. 106–139.

Kiyanskaya O.I. Dekabristy kak gipoteza // Istochnikovedenie kul'tury: Al'manah. Moscow: RGGU, 2010. Vyp. 2. P. 425–439.

Kiyanskaya O.I. The Decembrists. Moscow: Molodaja gvardija, 2017. 2-e izd. 384 p.

Kljuchevskij V.O. Kurs russkoj istorii // Kljuchevskij V.O. Soch.: V 9 t. Moscow: Mysl', 1989. T. 5. 479 p.

Lenin V.I. Iz proshlogo rabochej pechati v Rossii // Lenin V.I. Poln. sobr. soch.: V 55 t. Izd. 5-e. Moscow: Izd-vo polit. literatury, 1969. T. 25. P. 93–101.

Lenin V.I. Pamjati Gercena // Lenin V.I. Poln. sobr. soch.: V 55 t. Izd. 5-e. Moscow: Izd-vo polit. literatury, 1968. T. 21. P. 255–262.

Lerner N.O. Ad Decabrustiana // Bunt dekabristov. Jubilejnyj sbornik. 1825–1925 / Pod redakciej Ju.G. Oksmana i P.E. Shhegoleva. Leningrad: Byloe, 1926. P. 398–399.

Lotman Ju.M. Dekabrist v povsednevnoj zhizni // Lotman Ju.M. Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII – nachala XIX veka). Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPb., 1994. P. 331–384.

Modzalevskij B.L. Donesenie tajnogo agenta o nastroenii umov v Peterburge posle kazni dekabristov // Dekabristy: neizd. mat. i stat'i. Moscow: Izd-vo Vsesojuznogo obshhestva politkatorzhan i ssyl'noposelencev, 1925. P. 37–43.

Nechkina M.V. Dvizhenie dekabristov. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1955. T. 1. 482 p.

Nechkina M.V. Vasilij Osipovich Kljuchevskij. Istorija zhizni i tvorchestva. Moscow: Nauka, 1974. 640 p.

Nekrasov N.A. Russkie zhenshhiny // Nekrasov N.A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 15 t. Leningrad: Nauka, 1982. T. 4. P. 123–186.

Pypin A.N. Obshhestvennoe dvizhenie v Rossii pri Aleksandre I. Saint-Petersburg: Akademicheskij proekt, 2001. 560 p.

Sledstvennoe delo A.A. Bestuzheva // Vosstanie dekabristov. Dokumenty i materialy. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1925. T. 1. P. 423–473.

Sledstvennoe delo D.A. Shepin-Rostovskogo // Vosstanie dekabristov. Dokumenty i materialy. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1925. T. 1. P. 391–421.

Sledstvennoe delo E.P. Obolenskogo // Vosstanie dekabristov. Dokumenty i materialy. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1925. T. 1. P. 219–286.

Sledstvennoe delo G.S. Baten'kova // Vosstanie dekabristov. Dokumenty i materialy. Moscow: Nauka, 1976. T. 14. P. 29–145.

Sledstvennoe delo K.F. Ryleeva // Vosstanie dekabristov. Dokumenty i materialy. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1925. T. 1. P. 147–218.

Sledstvennoe delo M.A. Bestuzhev // Vosstanie dekabristov. Dokumenty i materialy. Moscow; Letningrad: Gosizdat, 1925. T. 1. P. 475–494.

Sledstvennoe delo M.P. Bestuzheva-Rjumina // Vosstanie dekabristov. Dokumenty i materialy. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1950. T. 9. P. 26–176.

Sledstvennoe delo P.G. Kahovskogo // Vosstanie dekabristov. Dokumenty i materialy. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1925. T. 1. P. 333–389.

Sledstvennoe delo P.I. Pestel'a // Vosstanie dekabristov. Dokumenty i materialy. Moscow; Ltningrad: Gosizdat, 1927. T. 4. P. 1–226.

Sledstvennoe delo S.P. Trubeckogo // Vosstanie dekabristov. Dokumenty i materialy. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1925. T. 1. P. 1–145.

Svistunov P.N. Sochinenija i pis'ma. Irkutsk: Memorial'nyj muzej dekabristov, 2002. 416 p.

Tjutchev F.I. 14 dekabrja 1825 («Vas razvratilo Samovlast'e...») // Tjutchev F.I. Lirika. Moscow: Nauka, 1966. T. 2. P. 58 (Lit. pamjatniki).

Trockij L.D. Nasha pervaja revoljucija. Chast' II. // Trockij L.D. Sochinenija. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1927. T. 2. Ch. 2. 549 p.

Trubeckoj S.P. Materialy o zhizni i revoljucionnoj dejatel'nosti. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1983. T. 1. 416 p.

Turgenev N.I. Russia and Russian. Moscow: OGI, 2001. 744 p.

М.Е. Баскакова, И.В. Соболева

МАЛЫЙ БИЗНЕС: КАЧЕСТВО ЗАНЯТОСТИ И СОБЛЮДЕНИЕ ТРУДОВЫХ ПРАВ*

Аннотация. *В статье исследуются проблемы обеспечения достойной занятости и соблюдения прав работников в сфере малого бизнеса. Показано, что ключевым фактором снижения качества занятости выступает широкое распространение в этой сфере неформальных трудовых отношений, а относительно высокий уровень заработков часто является негласной компенсацией за нарушение трудовых прав.*

Ключевые слова: *малый бизнес, качество занятости, трудовые права, неформальные трудовые отношения, социальное страхование, социальная защищенность.*

Баскакова Марина Евгеньевна – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

Соболева Ирина Викторовна – доктор экономических наук, заведующая Центром Института экономики РАН.

M.E. Baskakova, I.V. Soboleva. Employment Quality and Observance of Labour Rights in the Sphere of Small Business

Abstract. *The article studies problems of providing decent work and observing the rights of employees in the small business area. The informal labour relations, widely spread in this sphere, serve as the key factor reducing the quality of employment while the somewhat high earnings often act as the unstated compensation for labour rights violation.*

Keywords: *small business, employment quality, labour rights, informal labour relations, social insurance, social security.*

Baskakova Marina Evgen'evna – Doctor of Economic science, Leading researcher of the Institute of Economy RAS.

* *Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-02-00260 «Человеческий потенциал малого бизнеса: Зоны уязвимости и перспективы развития».*

**Soboleva Irina Victorovna – Doctor of Economic science,
Head of Centre of the Institute of Economy RAS.**

Ключевым вопросом социально-экономической защищенности населения является защищенность его в сфере труда. Место и положение в данной сфере определяют социальный статус человека, его самооценку и общую удовлетворенность жизнью. Поэтому обеспечение достойной занятости выступает сердцевиной социальной политики государства. Сегодня в решении этой задачи государство рассчитывает опираться на малый бизнес. Его поддержка поставлена в качестве одного из главных направлений антикризисной программы Правительства РФ. Однако до последнего времени малый бизнес ассоциировался, прежде всего, с функцией социального амортизатора, которую он взял на себя в 1990-е годы. На его основе формировались пути и способы выживания, предоставлявшие невостребованным в крупных фирмах работникам возможность прокормить себя и семью в обмен на деградацию человеческого капитала [7; 9]. Тем не менее отношение к малому бизнесу до сих пор двойственное. С одной стороны, занятость в нем часто трактуется как вынужденная альтернатива, с другой – его надеются сделать «локомотивом инноваций». В связи с этим необходимо учитывать, что в данном сегменте трудовой деятельности на тех или иных условиях заняты около половины работающего населения страны.

Несмотря на возросший интерес к малому бизнесу и рост числа посвященных ему исследований, сосредоточены они преимущественно на вопросах хозяйственной деятельности и снятия барьеров для его успешного развития [1; 2; 3; 10]. Вновь акцентируется роль малого бизнеса в сдерживании безработицы. Однако вопросы качества предоставляемых здесь рабочих мест, специфики формирующихся на небольших предприятиях социально-трудовых отношений и соблюдения прав работников остаются относительно малоисследованными.

Восполнить этот пробел в некоторой степени позволяют данные обследования социально-экономической защищенности населения, занятого в сфере малого бизнеса, проведенного при поддержке Уполномоченного по правам человека в городе Москве в декабре 2014 – январе 2015 г.[1] К исследованию привлекались только респонденты, для которых занятость в малом бизнесе является основной, т.е. обеспечивает бóльшую часть трудового дохода и занимает бóльшую часть времени, затрачиваемого на работу. Примерно четверть опрошенных имели еще дополнительную работу или подработку, но

1. Были опрошены 822 респондента, включая наемных работников (71,8%), предпринимателей (14,0%), самостоятельно занятых (11,4%) и помогающих членов семьи (2,8%).

для подавляющей части (83,4%) доход, получаемый на данной работе, является существенной или очень существенной частью семейного бюджета.

Кроме того, были проведены индивидуальные и групповые интервью с работниками и работодателями малых предприятий, а также с представителями государственных структур, контактирующих с малыми предприятиями по социально-трудовым вопросам.

Уязвимые зоны занятости в малом бизнесе

Как правило, при обсуждении проблематики достойной занятости внимание сосредоточено, прежде всего, на вопросах оплаты труда [4; 6; 7; 12]. Но сфера труда является не только основным источником дохода для подавляющей части населения, а и важнейшим полем личностной самореализации. В современной России наряду с низким уровнем и искаженной дифференциаций заработной платы много проблем существует в области условий труда и соблюдения трудовых прав работников. Для малого бизнеса, характерной особенностью которого является широкое распространение неформальных трудовых отношений, это особенно актуально.

Проведенное исследование показало, что основные болевые точки трудовых отношений в сфере малого бизнеса связаны не с размером заработков, как таковым. Вопреки первоначально выдвинутым гипотезам респонденты продемонстрировали относительно высокую удовлетворенность уровнем своих доходов. В среднем о том, что они «удовлетворены» или «скорее, удовлетворены» доходом от занятости, заявила почти половина респондентов, в то время как «вовсе не удовлетворен» заработком оказался лишь каждый десятый. Доля неудовлетворенных заработком работников малого бизнеса столицы несколько ниже по сравнению с данными второго раунда Комплексного наблюдения условий жизни населения (наиболее представительного на сегодняшний день общероссийского обследования, освещающего этот аспект трудовой жизни), проведенного Росстатом в 2014 г. По данным Росстата, на тот момент заработком были «абсолютно не удовлетворены» 13% работающего населения России [5]. По данным последнего раунда обследования социально-экономической защищенности населения, проведенного в трех регионах России в 2012 г., доля «совсем не удовлетворенных» заработком составила 20,7%, а суммарная доля «вполне удовлетворенных» и «скорее, удовлетворенных» 34,7%[2]. Следует отметить, что в отличие от Комплексного наблюдения в нашем обследовании предприниматели

2. Обследование проведено в Ивановской и Самарской областях и г. Санкт-Петербург. Подробнее о его результатах см.: [9].

и наемные работники продемонстрировали весьма близкие показатели удовлетворенности доходом от занятости, что может свидетельствовать о более короткой «дистанции» между работодателями и работниками на небольших предприятиях.

Относительно высокая удовлетворенность заработком в малом бизнесе столицы имеет под собой материальную основу. Средний размер чистого дохода от занятости по нашему массиву составил чуть более 60 тыс. руб., в то время как средняя заработная плата по городу Москве на период проведения опроса составляла после вычета налогов порядка 52 тыс. руб. в месяц.

Анализ других аспектов социально-трудовых отношений подводит к выводу, что относительное благополучие в сфере оплаты труда в малом бизнесе выступает своеобразной компенсацией за избыточную гибкость занятости и широкое распространение разнообразных нарушений прав работников. Это проявляется уже в практике оформления трудовых отношений. Для предприятий малого бизнеса в целом, и особенно для представителей микропредприятий (с числом занятых менее пяти человек), характерно широкое применение срочных контрактов, нестандартных и «серых» форм найма в ущерб использованию полноценных трудовых договоров.

Результаты обследования показали, что среди опрошенных наемных работников предприятий малого бизнеса Москвы доля занятых на постоянной основе составляла менее 60%, в то время как в целом по экономике России, насколько можно судить по данным Росстата, бессрочный наем применяется в подавляющем большинстве случаев (см. табл. 1).

Обращает на себя внимание тот факт, что наряду с устной договоренностью, в сфере малого бизнеса широкое распространение получила практика регистрации работников в качестве индивидуальных предпринимателей, которые фактически имеют работодателя, обеспечивающего их работой и выплачивающего заработную плату. В этом случае, как и при устной договоренности, работодатель фактически снимает с себя ответственность за обеспечение надлежащих условий труда и соблюдение гарантированных трудовым законодательством прав.

Гипотезу о том, что относительно высокая зарплата, прежде всего менее квалифицированной части работников малого бизнеса, по сути, представляет собой компенсацию поражения в правах, подтверждает значительно более широкое распространение нестандартных трудовых договоров среди рабочих и в особенности младшего обслуживающего персонала (см. табл. 2).

Для привлечения младшего обслуживающего персонала широко используются краткосрочные контракты (на 1–2 месяца), в то время как с квалифицированными рабочими в качестве альтернативы устной договоренности работодатели по соглашению сторон широко практикуют фиктивные договоры с индивидуальным предпринимателем. Внушает тревогу наличие категории

респондентов, затруднившихся ответить на вопрос о том, как оформлены их отношения с работодателем.

Таблица 1

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС:
«КАК ОФОРМЛЕНЫ ВАШИ ОТНОШЕНИЯ С РАБОТОДАТЕЛЕМ?»**

Вид договора	*Доля работников, %*	
	в малом бизнесе[*]	*в среднем по экономике*[**]
Бессрочный (постоянный) договор (контракт)	58,6	91,5
Трудовой договор (контракт) на срок	20,2	3,3
Гражданско-правовой договор	2,0	1,1
Устная договоренность	9,7	4,1
Договор с индивидуальным предпринимателем[***]	7,1	–
Затруднились ответить	2,4	–

[*] Данные обследования социально-экономической защищенности населения, занятого в сфере малого бизнеса.

[**] Данные обследования Росстата населения по проблемам занятости.

[***] Зарегистрированы как индивидуальные предприниматели, но фактически имеют работодателя, обеспечивающего работой и выплачивающего зарплату.

Таблица 2

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС:
«КАК ОФОРМЛЕНЫ ВАШИ ОТНОШЕНИЯ С РАБОТОДАТЕЛЕМ?»
ПО КАТЕГОРИЯМ РАБОТНИКОВ, %**

Вид договора	*Должностной статус работников*				
	руководители	*специалисты*	*служащие*	*квалифицированные рабочие*	*МОП*
Бессрочный договор	80,2	64,9	47,2	37,7	18,2
Трудовой договор на срок	11,0	23,0	20,3	13,1	45,5
Устная договоренность	4,4	5,0	16,3	23,0	18,2
Договор с индивидуальным предпринимателем	1,1	4,6	8,9	19,7	9,1
Затрудняюсь ответить	0,0	1,8	4,1	3,3	9,1

Работодатели, как правило, особо подчеркивают, что фактических различий между положением работников нанятых на формальной и на неформальной основе нет, либо такие различия минимальны.

У меня текучка низкая и принцип мой всегда был: людей не обманывать. Как договорились при приеме на работу – например, у тебя будет такой-то отпуск, при увольнении ты столько-то получишь,

если будешь уходить, то должен поставить нас в известность, например, за месяц, и мы соответственно должны за месяц поставить в известность, что уволим. (Из интервью с работодателем.)

Однако данные обследования показывают, что вид трудового договора является наиболее важным фактором, влияющим на стабильность занятости и соблюдение прав работников. В том, что им удастся сохранить свое рабочее место, по крайней мере на протяжении следующего года, более-менее уверены почти половина занятых по бессрочным контрактам и лишь около трети работающих на основе устной договоренности.

Серые схемы оплаты труда и социальное страхование работников

Наиболее болезненной сферой, где закладывается основа нарушения трудовых прав работников, закрепленных в Трудовом кодексе, имеет более широкое, чем в среднем и крупном бизнесе использование «серых» схем оплаты труда. На микропредприятиях с численностью занятых от 2 до 5 человек заработную плату в ее «белом» варианте получают менее трети всех работников. На максимально больших «малых» предприятиях доля получающих такую зарплату составляет 58%. Остальные работники получают зарплату разной степени «серости», причем, чем меньше размер предприятия, тем выше доля тех, кто получает свой заработок исключительно «в конверте».

Отсутствие официального оформления занятости, как и выплата заработной платы «в конверте», дают работодателю возможность не перечислять положенные взносы в фонды государственного социального страхования, минимизируя тем самым собственные издержки на наемный труд. В результате работники, получающие «серую» заработную плату, лишаются денежных компенсаций и социальных гарантий, положенных при наступлении страховых случаев потери дохода по разным обстоятельствам (собственной нетрудоспособности и нетрудоспособности близких, инвалидности, у женщин – в связи с беременностью и родами, у работников с семейными обязанностями в связи с необходимостью ухода за малолетним ребенком и пр.). Работники, занятые без официального оформления, при наступлении страхового случая рискуют потерять работу.

Вероятность оказаться застрахованным в системе социального страхования впрямую зависит от вида трудового контракта. Наибольшие гарантии у тех, кто имеет полноценный трудовой договор. Среди занятых на основе договора с индивидуальным предпринимателем или по устной договоренности застрахованных менее половины. Последние, скорее всего, застрахованы

по другому месту работы, поскольку устная договоренность страхования не предусматривает.

Охват страхованием варьируется в зависимости от юридического статуса предприятия. На предприятиях, имеющих статус ООО, ЗАО или ОАО, доля застрахованных выше, чем у индивидуальных предпринимателей. На предприятиях, не оформленных юридически, о том, что на них распространяется социальное страхование, заявила половина работников. Но даже эта доля представляется завышенной. Ведь работники таких предприятий могут быть застрахованы только по другому месту работы.

Чрезвычайно остро стоит вопрос о правовой грамотности в сфере социального страхования. Хотя занятые по найму в обязательном порядке должны быть застрахованы, среди них заинтересованность в контроле над этим процессом формируется плохо. Одна из причин в том, что сами наемные работники не являются плательщиками взносов в Фонд социального страхования (ФСС). Только 27,5% из них знают законодательство хорошо, 36,4 – знают частично и 36,1% практически ничего не знают. Плохое знание законов является фактором, сдерживающим развитие контроля со стороны работников за правильностью выплаты страховых взносов.

Предприниматели оказались несколько более «знающими». Это не удивительно, поскольку именно они отвечают за отчисление страховых взносов в ФСС. Тем не менее четверть работодателей признали себя абсолютно не осведомленными, а потому не понятно, как им удается справляться с социальным страхованием своих работников.

Не принесли неожиданностей и различия в знании законодательства у представителей разных профессионально-квалификационных групп: чем выше статус работника, тем большим объемом знаний он обладает. Так, среди руководителей всех уровней «хорошо осведомлены» оказались 38,8%, а еще 42,6% осведомлены частично. В то же время на другом конце профессиональной лестницы – среди младшего обслуживающего персонала – не нашлось никого, кто смог бы гордо сказать про себя, что он знает законодательство «хорошо». Более того, только каждый четвертый из работников этой категории смог оценить свои знания как «частично осведомлен».

Оплата временной нетрудоспособности

Один из ключевых элементов социального страхования – оплата временной нетрудоспособности. В принципе на такую оплату имеет право каждый застрахованный в системе соцстраха, но ее размер зависит не только от величины заработка, но и от продолжительности страхового стажа.

Наш опрос показал, что и предприниматели, и наемные работники, занятые в столичном малом бизнесе, в случае болезни крайне редко оформляют

больничные листы. О такой практике заявили 13,9% предпринимателей, использующих наемных работников, и 4,8% индивидуальных предпринимателей, не использующих наемный труд. Наемные работники тоже не слишком часто оформляют соответствующие документы. В ходе анкетирования они указали, что за последний год у них возник 481 случай потребности не выходить на работу в связи с болезнью, но при этом ими были оформлены только 199 больничных листов (42% случаев).

Частота оформления бюллетеней во многом зависит от размеров предприятия. На микропредприятиях с численностью занятых 2–5 человек, бюллетенем были оформлены только 18,4% всех случаев временной нетрудоспособности. На предприятиях с численностью 6–15 человек оформлению подлежал уже практически каждый третий случай болезни работника (32,9%). На предприятиях, где занято 16–50 человек, соответствующая доля составила 43,4%, а на самых «крупных» малых предприятиях оформлялось более половины случаев заболеваний (61,8%).

Можно назвать несколько причин существования такой зависимости. Во-первых, как было показано выше, на более «крупных» малых предприятиях масштабы применения практики частичной или полной выплаты заработной платы «в конверте» меньше, чем на более «мелких». А «белая» бухгалтерия создает более благоприятные условия для взаимодействия с ФСС при оформлении разного рода социальных выплат. Во-вторых, на «крупном» предприятии легче сформировать сильную бухгалтерскую группу. Среди бухгалтеров, обслуживающих малый бизнес, практика, когда один специалист «ведет» одновременно несколько предприятий – скорее норма, чем исключение. И не факт, что все эти предприятия будут одного профиля. В этой ситуации шансы маленького предприятия принять на работу сильного бухгалтера, знакомого со всеми тонкостями правил оформления социальных выплат, невелики.

Сочетание этих двух причин порождает желание по максимуму дистанцироваться от общения с ФСС даже ценой небольших материальных потерь. Бонусом в этом случае выступает существенное сокращение числа собираемых и оформляемых документов, а также снижение риска проведения проверок со стороны ФСС. Такую стратегию поведения один из экспертов обозначил как «не буди лихо, пока спит тихо».

> *Больничные? Какие больничные? У хозяина три магазина и все с алкоголем. А я – одна… Нет, никаких больничных… и как он с этим обходится я не знаю, да и знать не хочу. А если я болею, то кто с меня работу снимет? …Я больничные не беру. Все равно работаю дома… (Из интервью с бухгалтером малого предприятия.)*

Результаты группового интервью бухгалтеров малых предприятий показали, что отнюдь не все владеют навыками расчетов бюллетеней, но абсолютно все боятся сделать что-нибудь не так или попасть в ситуацию, когда на оплату больничных не будет хватать средств предприятия и придется просить «возмещения» в ФСС, в результате чего из Фонда придет проверка.

Если у нас заболевает работник, то теоретически мы должны ему заплатить по больничному листу из тех взносов, которые мы должны выплатить в ФСС. Если суммы взносов не хватит, то Фонд должен нам возместить недостающие деньги. Проблема только в том, что как только потребуется это возмещение, Фонд сразу приедет к нам с проверкой. Вот мы в нашем предприятии уже много лет не оплачиваем больничные листы (просто, если человек болеет, ему полностью выплачивают зарплату), и проверок нет. Ни одной. (Из интервью с бухгалтером малого предприятия.)

В малом предприятии, если у работника зарплата маленькая, то не выгодно всем этим заниматься. Возни слишком много... А если зарплата большая, то опять же не выгодно, но уже работнику. Он все равно свою работу сделает, а получит мало. (Из интервью с бухгалтером малого предприятия.)

У нас есть целый список организаций, которым мы должны. Мы их ищем, обзваниваем, пишем требования «обратитесь к нам, пожалуйста, мы готовы вернуть, но предоставьте документы». Но к нам не обращаются. Иногда письма не доходят потому, что адреса юридический и фактический не совпадают, а электронный адрес не узаконен. Часто предприятия просто не хотят этим заниматься. А еще – правовая неграмотность и недисциплинированность бухгалтеров, у многих бухгалтерия на аутсорсинге. (Из интервью с управляющей Московским региональным отделением ФСС РФ.)

Проблемы с нехваткой собственных средств на оплату больничных листов может возникнуть по двум основным причинам. Во-первых, в связи со значительной долей среди работников молодых женщин с повышенной потребностью в бюллетенях по временной нетрудоспособности или материнских льготах. Во-вторых, в связи с высокой долей теневой заработной платы. В этом случае работодатель перечисляет в ФСС лишь минимальные страховые взносы за своих сотрудников, размер которых не позволяет в случае необходимости выплатить заболевшему сотруднику пособия, размер которых соответствовал бы их реальной заработной плате. Разница решения проблемы

нехватки собственных средств на выплату пособий по социальному страхованию, возникающих по этим двум причинам, в том, что в первом случае предприятие после проверки имеет все шансы на получение возмещения своих расходов из средств ФСС. Во втором случае вероятность получения такого возмещения невелика. Для крупного и среднего бизнеса более вероятен первый вариант, в то время как для малого, в первую очередь, второй, хотя не исключен и первый.

Следует отметить, что пристальное внимание ФСС к правомерности выдачи и правильности оформления больничных листов подтверждают и в самом Фонде, на счету которого немало раскрытых мошеннических схем попыток получения денежных средств Фонда через оформление фальшивых больничных листов и даже свидетельств о рождении ребенка, выявления «серых» схем оплаты труда. Причем число выявленных нарушений растет. Так, по данным Московского регионального отделения ФСС за 2012 г., им были выявлены 1736 фальшивых больничных, а в 2014 г. – уже 1812, направлены свыше 300 заявлений в правоохранительные органы о предполагаемых фактах фальсификации документов, возбуждены уголовные дела на сумму свыше 80 млн руб.

Вероятность оформления бюллетеня по временной нетрудоспособности зависит от категории работников. Специалисты, служащие и квалифицированные рабочие (т.е. наемный квалифицированный персонал) имеют высокие и близкие между собой значения рассматриваемого показателя (44,1%, 45,9 и 42,4% соответственно). Руководители разных уровней оформляли бюллетени существенно реже (36,5%). У этой категории занятых заработная плата, как правило, высокая, и оформление бюллетеня, помимо дополнительных хлопот с документами, означает еще существенный материальный ущерб. Кроме того, руководитель на малых предприятиях достаточно часто одновременно является и хозяином предприятия, что позволяет ему принимать решения, максимально учитывающие собственные интересы. Представители младшего обслуживающего персонала, хотя и болели, ни разу не оформили больничный лист.

Предприниматели, имеющие наемный персонал, в качестве причин отказа от оформления больничных, как правило, называют хлопотность процесса оформления и его экономическую невыгодность (см. табл. 3).

Среди самостоятельно занятых основной причиной отказа от оформления больничного названа экономическая нецелесообразность этого оформления. Далее следуют отсутствие прав и хлопотность процесса – 21,6%, что в целом отражает отношение этой категории к идее добровольного страхования в ФСС.

Таблица 3

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС:
«ОФОРМЛЯЕТЕ ЛИ ВЫ БОЛЬНИЧНЫЙ ЛИСТ В СЛУЧАЕ БОЛЕЗНИ?»
ПО КАТЕГОРИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ, %**

Оформление больничного	*Предприниматели*	
	имеющие наемных работников	*без наемных работников*
Да, оформляю	13,9	4,8
Не оформляю	86,1	95,2
В том числе по причинам:		
слишком хлопотно	41,9	21,6
невыгодно	32,4	29,9
не имею права	10,8	25,1
другое	14,9	23,3

Оформляю ли я больничные, когда болею? Один раз оформлял, но потом не стал сдавать. И с сотрудников своих я больничные не прошу. Возни с ними много, да и выигрыш, по деньгам, для фирмы слишком маленький. Легче заплатить полную зарплату… У нас коллектив маленький, все – профессионалы, все на виду, просто так – прогулять просто немыслимо. Да потом у каждого свой кусок ответственности. Болеешь – не болеешь, а свою работу сделать все равно надо. А кроме того, по больничным из Фонда все равно заплатят не полную зарплату, а только часть. Так зачем людей обижать? (Из интервью с работодателем.)

У наемного персонала причины отказа от оформления бюллетеней по временной нетрудоспособности в целом перекликаются с причинами, названными предпринимателями: они тоже связаны с хлопотностью процедуры и ее экономической нецелесообразностью. Более половины наемных работников указали, что в случае болезни могут с разрешения работодателя 2–3 дня просто не приходить на работу. Значительно реже продолжительность болезни не оговаривается (17,1%).

Массовая практика разрешения не приходить на работу в течение 2–3 дней связана с существованием «периода ожидания» в порядке оплаты бюллетеней, установленном законодательством. Первые три дня нетрудоспособности оплачиваются за счет работодателя и лишь с четвертого дня за счет ФСС. Поэтому с точки зрения финансовых затрат для работодателя разрешение не выходить на работу в течение трех дней фактически равнозначно оплате ему трехдневного больничного.

Еще одной распространенной причиной не оформления больничных листов является «невыгодность». В случае высокого уровня оплаты труда выплаты по больничному листу рассчитываются исходя из налогооблагаемого

размера оплаты труда, покрывающего лишь часть заработной платы. Дополнительным фактором, снижающим размер выплаты, может стать недостаточно продолжительный страховой стаж заболевшего работника. В случае, когда большая часть заработной платы выдается работнику «в конверте», размер пособия, рассчитываемый только из официальной части, также будет мал.

На «крупных» малых предприятиях отказ от оформления больничного листа чаще связан с неофициальным разрешением не выходить на работу в случае болезни. Другие причины, обусловленные главным образом неформальным характером трудовых отношений, более распространены на микропредприятиях. Так, на предприятиях с численностью занятых 2–5 человек и 6–15 человек причину «оформлять больничный не выгодно» назвали почти треть респондентов, в то время как на предприятиях с численностью 16–50 человек и 51–100 человек почти в 2 раза меньше. Причина «если оформлять больничный, могут уволить» плавно теряет популярность с увеличением размера предприятия.

> *У нас не может быть никаких больничных. Мы – не государственное предприятие. Это мое частное дело, мое предприятие. Если работник заболеет сильно, он на работу не приходит. Я ему конечно денег потом дам. Но чуть-чуть. Не столько, сколько он здесь зарабатывает. (Из интервью с работодателем.)*

> *Где бы я ни работал, а это были в основном небольшие или средние по размеру фирмы, я ни разу не брал больничный лист. Просто можно позвонить и сказать, что болею. Как долго можно болеть? Я всегда за неделю выздоравливаю. Оплата во время болезни такая же, как если ходить на работу. Обговариваю ли я условия оформления временной нетрудоспособности при приеме на работу? Нет, никогда не обговаривал, но везде порядок был одинаковый. (Из интервью с наемным работником.)*

Разрешение «просто отсутствовать на работе во время болезни» напрямую зависит от должностного статуса – то, что могут себе позволить начальники и специалисты, практически недоступно для младшего обслуживающего персонала. Материальных потерь, связанных с оформлением бюллетеней, боятся все категории работников. Но у руководителей и специалистов, «невыгодность» чаще связана с верхним ограничением размера выплат по больничному листу, в то время как у рабочих и младшего обслуживающего персонала – с высокой долей теневой заработной платы.

Боязнь увольнения и невозможность оформления больничного из-за отсутствия формального трудового договора отмечали главным образом представители младшего обслуживающего персонала, реже рабочие и служащие, очень редко специалисты и никогда руководители.

Среди наемных работников о том, что на его предприятии больничные листы оплачиваются в соответствии с законодательством, заявил лишь каждый третий респондент. При этом работники предприятий с численностью занятых 51–100 человек, давали такой ответ в половине случаев, а с уменьшением размера предприятия эта доля падала. Подсказка «временная нетрудоспособность не оплачивается» собрала пятую часть ответов. Здесь зависимость от размера предприятия обратная: на микропредприятиях без оплаты больничного оказался практически каждый второй, а на более «крупных» (51–100 человек) оплату по больничному листу не получили лишь 8,3%.

Опрос показал также, что время нетрудоспособности достаточно часто оплачивается «в соответствии с фактическим среднемесячным заработком» или «по минимуму». Причем первую подсказку чаще выбирали работники более мелких предприятий. Это может быть следствием либо не очень высокого уровня заработной платы и тогда выплаты по социальному страхованию вплотную приближаются к этому уровню, либо выплаты и заработной платы, и оплаты времени болезни происходят по «серым» схемам.

В соответствии со структурой категорий персонала в более благоприятных условиях находятся работники, стоящие на верхних ступенях должностной иерархии, где четко соблюдается зависимость «чем выше должность, тем лучше оплата».

Существует и еще один вид бюллетеня по временной нетрудоспособности, который выдается работнику при необходимости ухода за его больным ребенком или родственником. В соответствии с законодательством при уходе за больным ребенком при амбулаторном лечении первые 10 календарных дней болезни оплачиваются в зависимости от страхового стажа работника, последующие дни – в половинном размере.

В рамках проекта была сделана попытка понять особенности оформления бюллетеня по уходу на предприятиях малого бизнеса. Здесь прослеживается та же закономерность, что и с обычными бюллетенями: чем крупнее предприятие, тем больше вероятность, что работник, взявший подобный бюллетень, получит его оплату.

Соблюдение законодательства по защите материнства

В соответствии с законодательством оплата отпуска по беременности и родам должна осуществляться работодателем по тому же алгоритму, что и оплата временной нетрудоспособности. Различия заключаются, во-первых, в продолжительности времени оплаты (если временная нетрудоспособность, как правило, длится несколько дней, то отпуск по беременности и родам в целом составляет 140 дней), а во-вторых, в том, что после болезни человек выходит на

работу, а после отпуска по беременности и родам женщины имеют право на частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до 1,5 лет, а затем и на неоплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до трех лет. При этом вне зависимости от формы собственности предприятия и его размера работодатель по закону обязан сохранить рабочее место сотруднице на время всех этих отпусков.

В советский период практически все женщины считали своей обязанностью самостоятельно воспитывать своих детей до трехлетнего возраста, а государство, будучи единственным работодателем, строго соблюдало права женщин на соответствующие отпуска. Сегодня ситуация иная. С одной стороны, отнюдь не все женщины желают или могут позволить себе столь длительное отсутствие на рабочем месте, а с другой – практика соблюдения трудового законодательства, в том числе и законодательства по охране материнства, оставляет желать лучшего. На государственных предприятиях и организациях весь набор социальных льгот для работников с семейными обязанностями выполняется. На частных крупных предприятиях в последние годы он также в целом стал соблюдаться. А вот в малом бизнесе, как показало наше исследование, картина пока еще далека от радужной. Лишь каждый четвертый наемный работник выразил уверенность, что в случае беременности работница получит социальные льготы, положенные ей по закону. Еще 16% предполагают, что льготы доступны по крайней мере для тех, чья занятость оформлена официально. Есть и такие, кто считает, что в случае беременности работницу могут просто уволить (см. рис. 1).

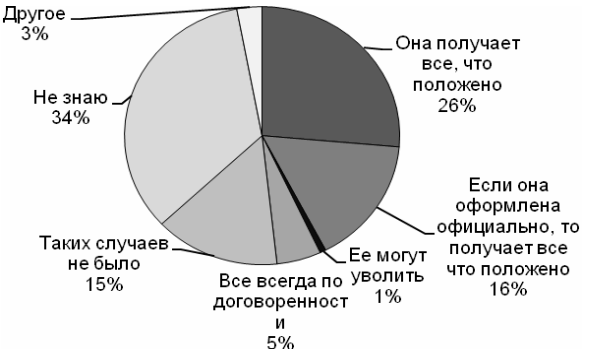

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие социальные льготы предоставляются на вашем предприятии работницам в случае беременности», %

Полнота предоставления социальных льгот, связанных с беременностью и родами, в чрезвычайно высокой степени зависит от размера предприятия, на котором занята работница. Чем крупнее предприятие, тем выше шансы у женщины получить положенные ей по закону льготы в полном объеме (см. табл. 4).

Таблица 4

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС:
«КАКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ЛЬГОТЫ ПРЕДОСТАВЛЯЮТСЯ
НА ВАШЕМ ПРЕДПРИЯТИИ РАБОТНИЦАМ В СЛУЧАЕ БЕРЕМЕННОСТИ?», %**

Льготы в случае беременности	*Размер предприятия, человек*			
	2–5	*6–15*	*16–50*	*51–100*
Она получает все, что положено	5,6	17,9	28,2	43,6
Если она оформлена официально, то получает все, что положено	5,6	16,7	20,2	14,8
Ее могут уволить	1,4	1,2	0,5	0,0
Все всегда по договоренности	8,3	8,3	4,3	1,3
Таких случаев не было	27,8	25,6	10,1	2,7
Не знаю	37,5	26,8	36,2	37,6
Другое (что именно)	13,9	3,6	0,5	–

На предприятиях с разным юридическим статусом отношение к беременным женщинам сильно различается. Четко оформленный юридический статус предприятия является для его работниц определенной гарантией получения ими положенных социальных льгот для этой категории занятых (на предприятиях, оформленных как ООО, ЗАО, ОАО, таких гарантий больше, чем у индивидуальных предпринимателей). На предприятиях не оформленных юридически, забеременевшая работница не получит ничего. Более того, вероятность ее увольнения крайне высока.

Как и в случае с льготами по беременности и родам, отпуск по уходу за малолетним ребенком предоставляется отнюдь не всем обратившимся: только 29% наших респондентов отметили, что на их предприятиях такой отпуск предоставляют в соответствии с законодательством. Еще 5% считают, что такой отпуск невозможно получить полностью, но на несколько месяцев женщина может рассчитывать. Еще 6% убеждены, что такой отпуск можно получить только «договорившись» с администрацией. В то же время 5% указали, что отпуск по уходу за малолетним ребенком на их предприятии не предоставляется ни при каких обстоятельствах (см. рис. 2).

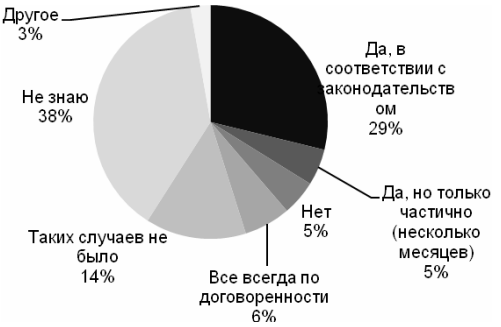

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Предоставляется на Вашем предприятии отпуск по уходу за малолетним ребенком?», %

Как и в случае соблюдения других прав, в отношении отпуска по уходу по ответам наших респондентов четко прослеживалась закономерность: чем крупнее предприятие и чем точнее оформлен его юридический статус, тем лучше защищены права работников, связанные с рождением и воспитанием детей. Для предприятий, не оформленных юридически, просьба о предоставлении отпуска по уходу за ребенком скорее всего может закончиться потерей рабочего места.

Проведенное исследование показало, что повышение качества занятости работников малого бизнеса возможно лишь на пути постепенного преодоления неформальных социально-трудовых отношений. В зону повышенного риска попадают, прежде всего, наемные работники, не имеющие полноценных трудовых договоров и получающие значительную часть заработной платы в обход официальных каналов. В то же время, несмотря на то что предприятия малого бизнеса существенно уступают крупным по уровню социальных гарантий, имеется ряд факторов, в том числе связанных с оплатой труда, которые повышают их привлекательность для работников. Это ставит на повестку дня вопрос об адаптации законодательства о труде к условиям существования малого бизнеса, об установлении для субъектов малого предпринимательства особых норм регулирования труда и занятости.

При этом повышение гибкости законодательного регулирования трудовых отношений на небольших предприятиях должно идти рука об руку с ужесточением мер, принуждающих неукоснительно соблюдать эти более гибкие правовые нормы. Повышению уровня защищенности работников

малого бизнеса в сфере труда будут способствовать общие меры и стимулы федерального и регионального уровней, побуждающие предпринимателей отдавать предпочтение легальным схемам выстраивания трудовых отношений с работниками и соблюдению установленных законодательством их социальных и трудовых прав. Определенную позитивную роль может сыграть и повышение экономической грамотности населения, прежде всего молодежи, разъяснение преимуществ формальной занятости и рисков, связанных с занятостью на нестандартных условиях.

Библиография

1. Алещенко В.В. Малый бизнес: Пространственное развитие и приоритеты государственной политики // ЭКО. 2014. № 11. С. 132–141.

2. Бухвальд Е.М. Модернизация экономики и новые подходы к политике поддержки малого и среднего предпринимательства // Общество: Политика, экономика, право. 2014. № 1. С. 81–96.

3. Бухвальд Е.М., Виленский А.В., Мальгина И.В. Децентрализация как «мейнстрим» государственной политики развития малого и среднего предпринимательства в РФ // Проблемы управления. 2014. № 4 (53). С. 31–39.

4. Ржаницына Л.С. Задачи государственного регулирования цены труда в среднесрочной перспективе // Проблемы прогнозирования. 2005. № 4. С. 50–63.

5. Росстат. Комплексное наблюдение условий жизни населения 2014. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ14/survey0/index.html

6. Соболев Э.Н. Заработная плата и динамика забастовочной активности // Россия и современный мир. 2016. № 3. С. 6–24.

7. Соболев Э.Н., Соболева И.В. Тенденции и факторы дифференциации заработной платы в российской экономике // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2014. № 5. С. 33–50.

8. Соболева И., Маслова И., Белозерова С. Реализация трудового потенциала // Человек и труд. 2006. № 9. С. 17–21.

9. Соболева И.В., Чадова Т.А. Социально-экономическая защищенность населения: Ключевые аспекты и тенденции изменения // Вестник института экономики РАН. 2013. № 6. С. 70–91.

10. Токсанбаева М.С. Самозанятость и малый бизнес в России // Народонаселение. 2005. № 3 (29). С. 99–116.

11. Тореев В.Б. Региональные особенности развития малого предпринимательства // Экономическая наука современной России. 2012. № 1. С. 63–72.

12. Яковлев Р.А. Неустойчивая занятость и регулирование минимальной заработной платы // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 4. С. 8–17.

References

Aleshhenko V.V. Malyj biznes: Prostranstvennoe razvitie i prioritety gosudarstvennoj politiki // EKO. 2014. N 11. P. 132–141.

Buhval'd E.M. Modernizacija jekonomiki i novye podhody k politike podderzhki malogo i srednego predprinimatel'stva // Obshhestvo: Politika, jekonomika, pravo. 2014. N 1. P. 81–96.

Buhval'd E.M., Vilenskij A.V., Mal'gina I.V. Decentralizacija kak «mejnstrim» gosudarstvennoj politiki razvitija malogo i srednego predprinimatel'stva v RF // Problemy upravlenija. 2014. N 4 (53). P. 31–39.

Jakovlev R.A. Neustojchivaja zanjatost' i regulirovanie minimal'noj zarabotnoj platy // Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii. 2014. N 4. P. 8–17.

Rosstat. Kompleksnoe nabljudenie uslovij zhizni naselenija 2014. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ14/survey0/index.html (Data obrashhenija: 15.12.2016.)

Rzhanicyna L.S. Zadachi gosudarstvennogo regulirovanija ceny truda v srednesrochnoj perspektive // Problemy prognozirovanija. 2005. N 4. P. 50–63.

Sobolev Je.N. Soboleva I.V. Tendencii i faktory differenciacii zarabotnoj platy v rossijskoj jekonomike // Vestnik Rossijskogo jekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plehanova. 2014. N 5. P. 33–50.

Sobolev Je.N. Zarabotnaja plata i dinamika zabastovochnoj aktivnosti // Rossija i sovremennyj mir. 2016. N 3. P. 6–24.

Soboleva I., Maslova I., Belozerova S. Realizacija trudovogo potenciala // Chelovek i trud. 2006. N 9. P. 17–21.

Soboleva I.V., Chadova T.A. Social'no-jekonomicheskaja zashhishhennost' naselenija: Kljuchevye aspekty i tendencii izmenenija // Vestnik instituta jekonomiki RAN. 2013. N 6. P. 70–91.

Toksanbaeva M.S. Samozanjatost' i malyj biznes v Rossii // Narodonaselenie. 2005. N 3 (29). P. 99–116.

Toreev V.B. Regional'nye osobennosti razvitija malogo predprinimatel'stva // Jekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii. 2012. N 1. P. 63–72.

О.А. Александрова

СРЕДНИЙ КЛАСС В РОССИИ И ГЕРМАНИИ: ПРИРОДА РАЗЛИЧИЙ

Аннотация. *В статье раскрывается природа различий в характеристиках среднего класса в современных России и Германии. Отдельное внимание уделено такой его составляющей как малое и среднее предпринимательство. Обширный немецкий средний класс является продуктом «производительного капитализма» (по М. Веберу) и социального государства. Российский средний класс, напротив, существует в условиях «авантюристического капитализма» и демонтажа социального государства и потому не имеет ни прочной экономической основы, ни устойчивой динамики роста численности, ни свойственных классическому среднему классу моделей сберегательного, инвестиционного и т.п. поведения. В статье также приведены данные, характеризующие инвестиционную, инновационную и экспортную деятельность российского малого и среднего предпринимательства, показаны детерминирующие ее факторы.*

Ключевые слова: *средний класс, малое и среднее предпринимательство, социальное государство, производительный капитализм, авантюристический капитализм.*

Александрова Ольга Аркадьевна – доктор экономических наук, заместитель директора Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ.

O.A. Aleksandrova. Middle Class in Russia and Germany: The Nature of Differences

Abstract. *The article reveals the nature of differences in scale, composition and qualitative characteristics of the middle class in modern Russia and Germany. Special attention is paid to its distinct components – the small and medium-sized enterprises. The numerous German middle class, which includes plenty of owners of small and medium-sized production enterprises, often being the leaders of the national and world markets, is the creation of «productive capitalism» (according to M. Weber) and the Welfare State. The Russian middle class, on the contrary, exists in conditions of «adventurist capitalism» and the Welfare State dismantling. Therefore it has neither a solid economic basis, nor a stable*

dynamics of its number growth, nor models of behavior (in savings, investment etc.), typical to original middle class. Ideological disorientation and the organizational weakness of its strata make the situation worse. The article also contains data on the investment, innovation and export activities of Russian small and medium-sized enterprises and the appropriate determining factors.

Keywords: *middle class, small and medium-sized business, Welfare State, productive capitalism, adventurist capitalism.*

Aleksandrova Olga Arkad'evna – Doctor of Economic sciences, Deputy Director of the Institute of Socio-Economic Problems, RAS; Professor of the Department of Sociology of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Существует ли в России аналог немецкого среднего класса, представляющего собой совокупность большого числа малых и средних предприятий (далее – МСП), нередко – семейных, производственной направленности, занимающих лидирующие позиции в своих отраслях и имеющих успех в тех или иных сегментах мирового рынка? В каких отраслях в основном работают российские МСП, насколько сильны их позиции на мировых рынках, что мешает их модернизации, какова роль государства в поддержке МСП, включая продвижение их продукции на мировые рынки?

Разговор о ситуации с формированием среднего класса в России, его особенностях и перспективах, целесообразно начать с описания факторов, способствовавших становлению среднего класса в Германии. И уже сквозь эту призму посмотреть на российскую ситуацию. Очевидно, что немецкий средний класс – продукт производительного, а не «авантюристического» (по М. Веберу) капитализма. Первоначально этим продуктом были так называемые «старые средние классы», состоявшие из владельцев малого и среднего бизнеса, к которым добавлялись тогда относительно немногочисленные профессионалы (инженеры, ученые, врачи, юристы и т.п.). Что отличает эти два типа капитализма? В основе первого – рационально разработанное право и управление на основе твердых формальных правил – то, подчеркивал Вебер, без чего может обойтись «авантюристический, спекулятивно-торговый капитализм и политически обусловленный капитализм всевозможных видов», но в чем «нуждается рациональное частнохозяйственное предприятие с его основным капиталом и точной калькуляцией». Именно тем, что лишь Запад предоставлял хозяйственной сфере «подобное право и подобное управление в требуемой юридической и формальной законченности», Вебер объяснял уникальную инновационную восприимчивость современного западного капитализма [1, с. 54].

Затем, после Второй мировой войны, средний класс расширился за счет широких слоев наемных работников, занятых в промышленности, социаль-

ных отраслях и системе государственного управления и обладающих определенным уровнем образования и дохода. Эта составляющая среднего класса – продукт уже не только «производительного капитализма», но и социального государства. О несомненности этой связи говорит опыт всех развитых стран Запада, в которых в начале XX в. средние классы в совокупности составляли до 1/5 населения. Дальнейшая концентрация и монополизация капитала лишь усугубляла их положение, вытесняя в мало оплачиваемую тогда и бесправную сферу наемного труда и безработицу. Радикальное изменение социальной структуры начало происходить тогда, когда государство стало целенаправленно осуществлять политику доходов – через обеспечение максимально возможной и адекватно оплачиваемой занятости, механизмы перераспределения доходов и, наконец, за счет перманентного экономического роста, важным фактором которого являлся формируемый политикой доходов массовый платежеспособный спрос.

Природа роста численности немецкого среднего класса обнаруживается при анализе структуры расходов государства с учетом всех прямых и косвенных эффектов от государственных вложений, а также иной деятельности государства, оказывающей влияние на благосостояние населения. Во-первых, государство адекватно оплачивало труд работников, занятых исполнением традиционных (управление и т.п.) и современных (здравоохранение, образование и т.п.) функций государства, а также других, занятых в госсекторе профессиональных групп. В странах, где наемный труд способен к самоорганизации и солидарному поведению, где ценят социальную стабильность и существует реальная политическая конкуренция, нищенская зарплата работников бюджетной сферы невозможна. Кроме того, необоснованное занижение заработной платы столь массовой социальной группы входило бы в противоречие с политикой доходов и связанными с ней экономическими эффектами. Одновременно через регулирование минимальной оплаты труда и расширение прав наемных работников при заключении коллективных договоров государство добивалось позитивной динамики и в оплате труда работников частного сектора.

Во-вторых, государство, используя различные инструменты (полную или частичную национализацию, влияние на решения экспортирующих отраслей, планирование госинвестиций, усиление социального контроля над частным капиталом), взяло под особый контроль отрасли, имеющие стратегическое значение для экономики и общества. Тем самым достигались условия макроэкономического оптимума; содержания непривлекательных для частного сектора, но необходимых для социума низкорентабельных или капиталоемких секторов (транспортной и инженерной инфраструктуры, некоторых наукоемких производств); обеспечения межотраслевого перераспределения ресурсов;

проведения целенаправленной региональной политики; регулирования инвестиционной деятельности в области НИОКР и т.д.

В-третьих, государство усиленно развивало социальные отрасли, что не только создавало массу новых рабочих мест для занятого в них высококвалифицированного персонала, но и оказывало динамическое воздействие на производительные отрасли экономики, связанные с возведением, оснащением и функционированием объектов социальной сферы. Иначе говоря, затраты государства на непроизводительные отрасли («здравоохранение», «социальное обслуживание» и т.п.) в значительной части были не чем иным, как инвестициями в строительство, фармацевтическую отрасль, приборостроение и т.д. со всеми их мультипликативными эффектами. В свою очередь, адекватно финансируемый социальный сектор, прежде всего система образования, вносили свой вклад в конкурентоспособность национальной экономики с очевидными последствиями для дальнейшей генерации социальных и экономических условий для восходящей мобильности.

В-четвертых, государство содействовало развитию экономики социальными трансфертами, выплачиваемыми гражданам с целью дополнения их доходов, что являлось не чем иным, как финансированием спроса. На это же работало и избавление граждан от бремени оплаты услуг социальных отраслей, которое в основном брало на себя государство.

В-пятых, государство настойчиво проводило антимонопольную политику, не позволяющую разного рода монополистам ограничивать в развитии малый и средний бизнес и перетягивать на себя существенную часть средств населения.

Основным механизмом, позволяющим запустить процесс массовой восходящей мобильности, была система перераспределения доходов, основанная на прогрессивном налогообложении физических лиц (их доходов, имущества, в том числе переходящего в порядке наследования) и одновременном поощрении инвестиций в производство и НИОКР. Переход к такой системе стал возможен в результате достижения обществом, пережившим катастрофу и не желающим вновь испытывать судьбу, фундаментального социального компромисса, предполагающего самоограничение социального эгоизма капитала и труда.

Эта комбинация политики в сфере занятости и доходов (адекватный уровень оплаты труда, прогрессивная шкала налогообложения, весомые социальные трансферты, достаточное государственное финансирование социальных отраслей) приводила к снижению дифференциации доходов и созданию массового потребительского спроса на товары и услуги национальных производителей, включая сектор МСП, которые, в свою очередь, получали стимулы и ресурсы для предъявления уже инвестиционного спроса на технологические инновации, все более совершенное оборудование и т.д.

Происходило это в результате соответствующего целеполагания и последовательно прилагаемых усилий. Так, выступая в 1948 г. на съезде ХДС еще до своего вступления в должность директора Управления по делам хозяйства в первом западногерманском федеральном правительстве, Л. Эрхард заявил о нежелании «способствовать прежнему порядку распределения доходов» и стремлении «окончательно преодолеть старую консервативную социальную структуру путем создания массовой покупательной способности всех слоев населения» [2, с. 6]. Главным средством достижения этой цели Эрхард называл конкуренцию, уничтожающую «все привилегии, не являющиеся непосредственным результатом повышенной производительности труда», и подчеркивал, что конкуренции с разных сторон всегда будут чиниться препятствия, потому обеспечение свободной конкуренции – одна из важнейших задач государства: «Если государство спасует в этой области, то вскоре можно будет распрощаться с социальным рыночным хозяйством» [2, с. 15].

Соответственно, вскоре после назначения на должность Эрхард приступил к разработке антикартельного законодательства, которое называл «ядром социальной рыночной экономики». Крупный же бизнес под разными предлогами продолжал пытаться добиваться индивидуальных преференций. Его активность и попытка привлечь на свою сторону средний класс вынуждала Эрхарда постоянно разъяснять свою антикартельную позицию и разоблачать утверждения о том, будто бы картели служат на благо средних классов. Называя это «типичной современной сказкой, в которой нет ни крупинки правды», Эрхард пояснял свое мнение следующим образом: 1) в условиях наличного платежеспособного спроса все хозяйствующие субъекты ведут борьбу за уже заранее установившийся объем покупательной способности, соответственно, участники картельного сговора стремятся «откусить» более значительную долю массовой покупательной способности, чем им причиталась бы в условиях свободного рынка; 2) не все отрасли в равной мере пригодны к картельному объединению: в отраслях, производящих однотипные товары (добывающая, тяжелая промышленность и т.п.), где легко осуществить согласование интересов, предрасположенность и стремление к картельному сговору гораздо больше; и напротив: чем выше уровень обработки и чем шире номенклатура выпускаемых товаров, тем труднее войти в картельные соглашения; 3) часть наличной покупательной способности, захваченная картелями – именно та, которой будет не хватать в отраслях, где преимущественно участвуют как раз средние классы с их мелкими и средними предприятиями (обрабатывающая промышленность, производство товаров широко потребления, торговля, ремесла): «ни на один пфеннинг, не увеличивая объем покупательной способности, картели могут увеличить свою прибыль только за счет предприятий средних классов» [2, с. 56]. Кроме того, подчеркивал Эрхард, конкуренция в рамках национальной экономики подготавливает бизнес

к конкуренции международной: «Добросовестный немецкий предприниматель должен уже дома ценить конкуренцию, чтобы не бояться ее на заграничных рынках».

Теперь, имея все это в виду, обратимся к четвертьвековому опыту постсоветской России. Начнем с динамики изменений в составе и численности российского среднего класса, которая, по разным оценкам, может колебаться от 10% до половины населения, что обусловлено различиями в методиках, присущей среднему классу эклектичностью и размытостью границ, наличием так называемой «статусной несовместимости» (резким расхождением существенных характеристик у одних и тех же индивидов). Стоило Институту социологии РАН опубликовать в 2008 г. доклад, в котором численность среднего класса оценивалась в 20% населения, как это тут же опровергли другие ученые, полагающие «зачисление в средний класс семей с душевым доходом в 13 тыс. руб. в месяц, 21 $м^2$ общей площади и половиной легкового автомобиля на всех» пародией на средний класс развитых стран [3].

Тем не менее для целей настоящей статьи воспользуемся подходом и данными Института социологии: его исследования среднего класса относительно регулярны и наиболее масштабны, а набор из четырех критериев отнесения к среднему классу в той или иной мере обоснован: уровень дохода – не ниже медианного для данного типа поселения либо наличие товаров длительного пользования не ниже медианного значения по населению в целом; образование – не ниже среднего специального; характер труда – не физический; оценка своего социального статуса (самоидентификация) – не ниже 5 баллов по 10-балльной шкале. При этом выделяют ядро и периферию: к ядру относят имеющих высшее образование предпринимателей, а также руководителей и специалистов, к периферии – самозанятых, рядовых работников со средним специальным образованием, лиц с противоречивым сочетанием должности и уровня образования, а также неработающих представителей среднего класса – прежде всего пенсионеров и студентов. Кроме того, выделяется потенциальный средний класс – индивиды, имеющие характерный тип занятости, но не соответствующие заданным критериям по образованию или доходам или самоидентификации [4].

Что касается профессиональной структуры российского среднего класса, то она отражает характерную для «авантюристического капитализма» модель торгово-посреднической экономики и раздутого госаппарата: ядро – руководители, предприниматели и так называемые профессионалы, периферия – мелкие чиновники, работники торговли, «офисный планктон». При этом более двух третей представителей среднего класса сосредоточено в бюджетной сфере. В то же время доходы свыше половины его представителей в той или иной степени находятся в «тени»: так, в 2015 г. 18% ядра и 37% периферии получали зарплату или ее часть «в конвертах» [5].

Если же говорить о численности, то на уровне деклараций формирование массового среднего класса провозглашалось как одна из целей преобразований с самого начала реформ, когда многим казалось, что после внедрения частнокапиталистического типа хозяйствования он возникнет автоматически. Между тем реформы проходили в явно неравных стартовых условиях для разных социальных групп. Основная масса населения, занятая в непроизводственной сфере и работающая на внутренний рынок промышленности (значительная часть этих людей относилась к «советскому среднему классу»), не обладала ни внушительными материальными ресурсами, ни «социальным капиталом» – горизонтальные связи и навыки самоорганизации были в зачаточном состоянии, представления о своих интересах и способах их реализации – крайне расплывчаты и наивны. В то же время имелась небольшая социальная группа (партийно-хозяйственная «номенклатура», руководство экспортных отраслей, теневые обладатели финансового капитала и просто криминал), хорошо сознающая и последовательно реализующая свои интересы. В «перестройку» она провела пока еще номенклатурную приватизацию наиболее прибыльных сегментов экономики (создание концернов типа «Газпром» и т.п.) и «отмыла» – в рамках кооперативного сектора – теневые капиталы, а в начале радикальных реформ (1992–1995) уже открыто присвоила себе основную часть национального богатства.

В результате политики, ведущей к снижению доходов и изъятию сбережений у основной массы населения, «советский средний класс» стремительно сжимался, хотя снятие некоторых идеологических и формальных ограничений в сфере занятости и оплаты труда несколько расширило возможности активных и предприимчивых людей. Но в целом восходящая мобильность не связанных с властью социальных групп жестко ограничивалась: в одних случаях – непосредственно государством (как писал Е. Гайдар, «в условиях бума обогащения сохранить “герметичность” было нереально, но благодаря крепкому административному контролю за “раздачей” больших льгот (а значит состояний) это в значительной степени удалось» [6, с. 150], в других – криминальным «беспределом», допущенным (если не поощряемым) государством [7].

Впрочем, часть экспертов и в этих условиях продолжала ожидать скорого появления массового среднего класса: теперь крупному капиталу придется делом доказывать право на свои бизнес-империи, для этого потребуются многочисленные и адекватно оплачиваемые специалисты, их доходы и сформируют массовый платежеспособный спрос, в котором нуждаются российские товаропроизводители, включая МСП. Однако жизнь устроена иначе: взятое под контроль крупного капитала государство ограждало его от конкуренции и создавало условия для дальнейшего приумножения богатства и власти, «перекрывая кислород» всем остальным.

Так Россия подошла к дефолту 1998 г., и средний класс сжался с 22–24% до 10–12%. Как раз в то время мне методом контент-анализа СМИ довелось исследовать идейный контекст становления среднего класса. И обнаружилось: для среднего класса его включение в число основных жертв явилось полной неожиданностью. Вот как это транслировали популярные тогда «Московские новости»: «Нам казалось, что так ("свободно передвигаться по миру, по своему выбору решать, чем заниматься, куда вкладывать деньги, где искать партнеров по бизнесу". – *О. А.*) теперь будет всегда. Однако государство за какие-то несколько дней лишило нас иллюзий». Или другая, еще более примечательная цитата: «И вот теперь в процесс под названием "лишение людей денег" втянулись совершенно новые жертвы. Энергичные, инициативные, умные, вписавшиеся... Когда по телевизору показывали какую-нибудь МарьИванну, которая сидит в глухом медвежьем углу и год не получает зарплату за работу, которую она, между прочим, выполнила, преуспевающие молодые люди из крупных городов были уверены: они сами – представители иного, цивилизованного общества. Потому что смотрят те же фильмы, что их европейские сверстники, покупают одежду тех же фирм, отдыхают на тех же курортах, расплачиваются пластиковыми карточками. Сейчас им указали их место. И выяснился интересный факт: это место – вовсе не там, где они предполагали. ...Неожиданно для самих себя они тоже оказались российским народом... За несколько летних дней произошел крах иллюзий целого поколения» [8].

В то же время спровоцированные кризисом откровения свидетельствовали: крах не случаен – источником, питавшим значительную часть этого среднего класса, служили «брызги» от доставшихся крупному капиталу «шальных денег» (например, как признавали авторы книги «250 недель капитализма в России», «долгое время наши банки развивались в тепличных условиях: сначала их питал поток дешевых централизованных кредитов, затем деньги легко доставались за счет масштабных валютных спекуляций, затем, когда и валютный рынок перестал быть высокоприбыльным, государство тут же предложило новую "игрушку" – свои облигации (ГКО)» [9, с. 201]. И вдруг шок: «государство нас опять кинуло». Казалось бы, самое время озаботиться вопросом демократического контроля за властью. Но, как показал анализ СМИ, даже в период посткризисной рефлексии эта тема по-прежнему отсутствовала – как и все предшествующие годы радикальных реформ. Глубинные причины произошедшего остались неосмысленными, а экономическая основа среднего класса – зыбкой.

К началу 2000-х годов, по оценке Института социологии РАН, средний класс восстановился до 22–24% населения, но к 2008 г., т.е. за период «тучных лет», вырос лишь до 34% населения. При этом для перемещения в ядро представителям периферии в каждом втором случае не хватало дохода.

В обнародованных в 2008 г. планах правительства вновь была поставлена задача формирования массового среднего класса: к 2020 г. он должен составлять не менее 70% населения. Но наступил кризис 2008–2009 гг. и средний класс сначала снова сократился – до четверти населения в целом, а в 2010–2011 гг. вновь вырос – до трети российского населения.

В еще спокойном феврале 2014 г. численность среднего класса составила, по оценке Института социологии, 42% от населения в целом, при этом ядро (менее 40% от общей численности среднего класса) – 16% от всего населения. При этом по доходу планка для включения в ядро среднего класса составляла 45–50 тыс. руб. в месяц на душу в домохозяйстве, для зачисления в его периферию – 30–35 тыс. руб. Основной прирост среднего класса произошел в основном за счет работников рутинного нефизического труда, число же открывших свое дело выросло с 3% в 2003 г. до 9% в 2014 г. [4].

Обусловленное острыми кризисными явлениями конца 2014 – начала 2015 г. новое исследование показало: осенью 2015 г. ядро составляло порядка 14% от численности среднего класса в целом (18% от всего населения). Работу из-за кризиса потеряли чуть больше 2% представителей среднего класса, правда, три четверти из них достаточно быстро нашли новую [5].

Осмысление уже этого кризиса вновь отразило зыбкость экономического фундамента российского среднего класса. Так, например, рассуждая о том, почему банковским маркетологам стало трудно найти работу, эксперт говорит: «Они продают свои прошлые успехи, которые, как оказалось, в большинстве случаев – заслуга растущего рынка и высокой маржи на малоконкурентном поле» [10].

Основным негативным последствием кризиса стал резкий рост цен – по данным РБК, в 2015 г. жизнь по докризисным привычкам для среднего класса подорожала на треть. Однако сбережения (их накануне кризиса имели 46% представителей среднего класса, в ядре таких было 53%), менее серьезная долговая нагрузка и готовность реализовывать дополнительную занятость избавили его от необходимости резкой смены образа жизни. Тем не менее расходы на досуг, путешествия, брендовые товары и т.п. пришлось сократить. Кроме того, потребовалось больше брать в долг: расходы на проценты по кредитам выросли в 4 раза [11].

По данным Росстата, в 2016 г. в России было зарегистрировано свыше 5,5 млн МСП. Из них 2,6 млн – юридические лица: 2,3 млн микропредприятий (менее 15 работников и 120 млн руб. дохода); 239 тыс. малых (16–100 работников и менее 800 млн руб.) и 20 тыс. средних предприятий (101–250 человек, менее 2 млрд руб.). И свыше 2,9 млн – индивидуальные предприниматели (ИП), практически все – микропредприятия. В 2010–2014 гг. численно росли только малые- и микропредприятия. Рос и их оборот: в 2014 г. он составил 26 трлн руб. – на 40% выше, чем в 2010 г.; вклад в рост

выручки внесло участие в госконтрактах, выросшее за пять лет в 2,4 раза: в 2014 г. было заключено 310,6 тыс. контрактов (22,7% от общего числа) на сумму в 227 млрд руб. Количество занятых также выросло – на 10,2% (до 10,8 млн человек). При этом распределение малых- и микропредприятий по территории России весьма неравномерно: в 2014 г. больше всего их было в Центральном федеральном округе – 27,3% от общего числа, далее шли Приволжский (17,5%), Северо-Западный (15,8%) и Сибирский (14,4%) федеральные округа.

Что касается инвестиционной активности МСП, то, согласно данным выборочных обследований Росстата, в 2014 г. 17% малых предприятий (без учета микропредприятий) инвестировали в замену изношенного оборудования, 12% – в автоматизацию и механизацию; 23% – в расширение производственных мощностей (из них 12% – с расширением номенклатуры продукции); 5% – во внедрение новых технологий, 12% – в снижение себестоимости (из них 6% – в энергосбережение).

Среди факторов, ограничивающих инвестиционную деятельность, в 2014 г. прежде всего назывались: недостаток собственных средств – указали 52% предприятий (в предшествующие четыре года доля указывающих на эту причину колебалась в пределах 49–59%); высокая ставка процента – 29% (27–29%); недостаточный спрос – 27% (22–24%); неопределенность экономической ситуации – 32% (24–28%). Экономическую ситуацию на собственном предприятии в 2014 г. только 9% руководителей малых предприятий из обрабатывающих отраслей оценивали как хорошую, около 71% – как удовлетворительную (в предшествующие четыре года оценки колебались в пределах, соответственно, 4–12% и 63–74%). Индекс предпринимательской уверенности в этих отраслях практически весь период (2010–2014) оставался в отрицательной зоне. И наше собственное исследование, проведенное в 2016 г. в пяти регионах России, говорит о сохранении этих тенденций: по словам опрошенных нами руководителей предприятий машиностроения, легкой, пищевой промышленности и АПК, а также руководства соответствующих отраслевых ассоциаций и региональных торговых палат, надежный горизонт планирования – один год.

Что касается затрат на технологические инновации, то, по состоянию на 2011 г., у малых предприятий, занятых в добыче полезных ископаемых, они составили порядка 505 млн руб. Из них 29% пошло на НИОКР, еще 28 – на приобретение оборудования, по 3,5 – на приобретение новых технологий, а также патентов и лицензий и около 40% – на другие работы по подготовке производства к инновациям. Малые предприятия из обрабатывающих отраслей затратили в том же году 8 799 млн руб. Из них 40% пошло на приобретение оборудования, 28 – на НИОКР и еще 8,8 – на производственное проектирование, дизайн и т.п., не связанные с НИОКР, 17,4% – на прочие затраты.

Что касается малых предприятий, занятых в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды, то здесь объем затрат – порядка 176 млн руб., из них львиная доля (59%) уходит на приобретение оборудования, 155 млн – на НИОКР, еще 20% – на прочие затраты. Ситуацию с инновациями и, соответственно, с инновационным бизнесом (в качестве которого в той же Германии очень часто выступают малые и средние предприятия) хорошо иллюстрируют сказанные еще в 2009 г. слова Г. Малинецкого, ныне заведующего отделом Института прикладной математики РАН, вице-президента Российского нанотехнологического общества: «Инновационный цикл в России разгромлен. Нет больше прикладной науки. Негде использовать новые разработки: в России погибли высокотехнологичные промышленные гиганты. Есть отличные биотехнологии, но нет нашего “Проктора и Гэмбла”, который их мог бы востребовать. Что толку от великолепных исследований в аэродинамике, если больше нет отечественных аналогов “Боинга” – фирм Туполева, Яковлева, Ильюшина, Антонова? Авиастроение в РФ еле теплится…» [12].

В части внешнеэкономической деятельности МСП ситуация неоднозначная. С одной стороны, по данным Банка России, в 2016 г. внешнеторговый оборот Российской Федерации составил 88,6% от уровня 2015 г., в том числе экспорт – 82,5, импорт – 99,2%, притом, что в 2015 г. наблюдался особенно сильный спад – внешнеторговый оборот сократился по сравнению с 2014 г. на 33,2% (экспорт – на 31,1, импорт – на 36,7%). Торговля с государствами СНГ сократилась – на 30% по экспорту и на 27% по импорту. В странах дальнего зарубежья экспорт упал на 31%, а импорт – на 36,3%. Падение коснулось всех стран, входящих в первую десятку торговых партнеров: с Китаем торговля упала почти на 30%, с Германией – на 35, с Нидерландами – на 41%. Все это, разумеется, отразилось и на секторе МСП: разного рода внешнеторговые запреты и в еще большей степени – девальвация рубля нанесли ущерб МСП, занятым в обрабатывающих отраслях и нуждающимся в импортном оборудовании, комплектующих, сырье и материалах.

Что же касается экспорта, то здесь всё наоборот: по данным Ассоциации малых и средних экспортеров, экспортная деятельность средних и малых предприятий и даже микропредприятий носит взрывной характер – нынешний обменный курс помогает выйти на внешние рынки и мотивирует к получению валютной выручки. В 2014 г. общее количество занятых экспортом предприятий сектора МСП выросло на 27% и составило около 13,5 тыс. В отдельных регионах рост – в десятки раз. Например, в Приморском крае число экспортеров среди МСП выросло на 1900%, в Хабаровском крае – на 2100, в Мурманской области – на 4200, в Москве – на 139%. Хорошим спросом, особенно в силу курсовой разницы, пользуются экспортируемые МСП качественные приборы, оборудование, мебель, стройматериалы. Сложнее с товарами народного потребления и продуктами питания – если это не

сельхозпродукция, а готовые товары, их продвижение требует больших рекламных бюджетов, на что у МСП далеко не всегда есть средства. Кроме того, заказчиков чаще всего интересуют большие объемы, а МСП не всегда могут гарантировать своевременность поставок необходимых объемов. География поставок высокотехнологичной продукции – весь мир, товары народного потребления в основном поставляются в рамках приграничного сотрудничества.

Анализ публикаций деловых изданий по тематике экспортной деятельности МСП позволил выделить следующие основные проблемы.

– Проблему привлечения длинных и дешевых кредитов, без которых в принципе невозможно развитие производства.

– Проблему кредитования и страхования непосредственно экспортной деятельности. Специализированные банки больше ориентированы на работу с крупным бизнесом. Страховое агентство ЭКСАР – дочерняя компания «Российского экспортного центра» рассматривает заявки по страхованию рисков по нескольку месяцев, отказаться же от страхования нельзя, поскольку риски серьезные: если иностранный заказчик не полностью оплатил российскому поставщику отгруженную продукцию, то, согласно российскому Уголовному Кодексу, последний может быть осужден на срок до 3–5 лет. Для сравнения: немецкое страховое агентство *Euler Hermes*, также работающее в России, рассматривает заявку в течение 48 часов. Более того, риск быть наказанным (в данном случае – оштрафованным) существует даже в случае, если иностранный партнер немного переплатил – например, на всякий случай заложил в размер платежа оплату комиссии за международный банковский перевод.

– Проблемы с возвратом «экспортного НДС». Отсутствие централизованного учета с налаженными коммуникациями между таможенными и налоговыми органами приводит к тому, что отправка даже недорогой посылки предполагает серьезный и долгий бумажный документооборот. Отсюда – небольшой объем экспорта в сфере интернет-торговли (только 2% от выручки этого сектора). Кроме того, возврат НДС предполагает обязательные камеральные проверки Федеральной налоговой службы, и, не желая лишний раз вступать во взаимодействие с ФНС, экспортеры в регионах нередко вовсе не закладывают в экспортную стоимость возможность возврата НДС.

– Проблемы с экспортом «товаров двойного назначения»: даже если один и тот же прибор регулярно поставляется одному и тому же покупателю, на каждый контракт необходимо получить заключение. Некоторое время назад было разрешено делать заключение на линейку товаров, однако с 2016 г. этот порядок отменен; ждать же разрешения на каждый контракт нужно почти месяц.

– Психологические установки. С одной стороны, не все МСП понимают и готовы к тому, что экспортная деятельность не дает быстрого результата, поскольку требует выстраивания целой системы (сертификаты, адаптация продукции, налаживание системы сервисного обслуживания, обращение к банковским и страховым структурам и т.д.). С другой стороны, существуют заблуждения другого рода: так, в разработанном Минэкономразвития «Методическом пособии для начинающих экспортеров» перечисляется целый ряд широко распространенных стереотипов, отталкивающих предприятия от экспортной деятельности. Среди них: «экспортная деятельность – удел исключительно крупных компаний»; «предприятиям малого и среднего бизнеса невозможно получить финансирование на экспортную деятельность»; «предприятие остается один на один с проблемой изучения вопросов практического ведения экспортной деятельности»; «если есть свой устойчивый сегмент на внутреннем рынке, то нет необходимости искать выходы на внешние рынки»; «для выхода за рубеж предприятию необходимо иметь специалистов в сфере ВЭД, а работникам обязательно владеть иностранными языками»; «экспортная деятельность слишком рискованна» и т.д.

– Элементарный недостаток информации и низкий уровень грамотности в вопросах экспортных операций. По данным руководителя Образовательного проекта «Российского экспортного центра», многие представители МСП не знают, где можно получить финансовую поддержку, как позиционировать себя для институтов развития, не понимают, из чего складывается стоимость их продукта и потому не могут предоставить банку адекватное обоснование и т.д.

– Отсутствие специальных экспорт-менеджеров, особенно в регионах. По статистике, около 70% экспортеров из числа МСП ставят на первое место проблемы поиска партнера за рубежом, поиск рынков сбыта, продвижение товаров и их сертификацию за рубежом.

От себя добавим общую для всей российской промышленности проблему кадрового дефицита. Как показывают наши исследования, возникает замкнутый круг: низкий уровень рентабельности в реальном секторе экономики не позволяет платить конкурентоспособную с другими секторами экономики зарплату; соответствующие профессии становятся все менее востребованными; учреждения профобразования, переведенные на подушевое финансирование, вынуждены сокращать, а затем и закрывать не пользующиеся популярностью направления подготовки; предприятия, испытывающие кадровый голод, не инвестируют в производство и остаются малопривлекательными для молодежи – в силу как технологической отсталости, так и уровня оплаты труда.

Что касается господдержки, то, по мнению Ассоциации экспортеров МСП, наиболее эффективным является создание региональных центров под-

держки экспорта, которые бесплатно для МСП реализуют образовательные программы, предоставляют маркетинговые услуги, помогают в поиске зарубежных партнеров. Важным шагом стало издание в 2015 г. ведомственного приказа, определяющего, что можно относить к высокотехнологичной продукции – ее экспорт имеет преференции в части господдержки. В то же время ряд экспертов указывает на то, что деятельность федеральных структур, призванных оказывать поддержку отечественным производителям и экспортерам, нередко ограничивается декларациями, а за меры господдержки экспортеров выдается создание инструментов, имеющих чисто коммерческий характер.

Представители бизнес-ассоциаций указывают на необходимость действовать в соответствии с зарубежной практикой: поддержка экспортеров должна осуществляться по отраслевому принципу в соответствии со сформулированными государством приоритетами. В России система программы поддержки экспорта создавалась по принципу «сырьевой, несырьевой, высокотехнологичной», и эффективность от подобной «веерной» поддержки невысока. Примечательно, что подобные идеи высказывались еще в 2009 г. (например, в опубликованном президентом НП РУССОФТ В. Макаровым «Манифесте о поддержке высокотехнологичного экспорта»), однако в этой части пока особого продвижения нет. Кстати, и опрошенные нами в 2016 г. руководители предприятий приоритетных отраслей достаточно хорошо знают, что нужно для развития, и мера в виде принятия и строгого исполнения долгосрочных государственных программ развития отраслей занимает одно из первых мест. Среди других называемых, но пока так и нереализованных мер: создание адекватной, действующей в интересах реального сектора экономики, кредитно-финансовой системы; разумный протекционизм; обуздание монополистов; формирование устойчивого платежеспособного спроса со стороны населения и т.п.

И в заключение – несколько слов о перспективах устойчивого роста численности российского среднего класса и приобретения им качественных характеристик (состав, доминирующие модели поведения в сфере сбережений, инвестиций и т.д.), свойственных немецкому среднему классу. Окидывая взглядом прошедшую четверть века и нынешние российские реалии, и имея в виду, что массовый средний класс есть продукт производительного капитализма и социального государства, приходится заключить словами В. Шекспира: «Из ничего не выйдет ничего». Идет последовательный демонтаж социального государства; даже на ближайшую перспективу не запланировано включение адекватных механизмов перераспределения доходов (подоходный налог остается плоским на уровне 13%, налог на наследство и дарение отменен, адекватный налог на роскошь не принят); не исполняется антимонопольная функция, в том числе в отношении инфраструктурных отраслей и т.д.

Все это свидетельствует о том, что в российском обществе, в отличие от стран Запада периода социальной реконструкции, фундаментальный социальный компромисс отнюдь не достигнут. Российский средний класс пока не обладает и малой толикой той степени самосознания и самоорганизации, которая необходима для оказания давления на государство, а через него – на крупный капитал, принуждая последний действовать не узкокорыстно, а в соответствии с долгосрочными интересами большинства граждан. Нет сегодня и факторов глобального характера, аналогичных тем, что были в 30-х годах прошлого века, и страх перед которыми стал действенным средством от социального эгоизма элит. Более того, приспосабливаясь к складывающейся социально-экономической среде, российский средний класс, особенно его наиболее адаптированная часть, неизбежно втягивается в процесс закрепления и воспроизводства институциональной матрицы, не позволяющей вырваться из непродуктивной социально-экономической колеи. То есть конфликт (пока латентный) наблюдается и внутри самого среднего класса: между теми его представителями, кого вполне устраивает адаптационная тактика достижения краткосрочных результатов в рамках «авантюристического капитализма», и теми, кто понимает, что обретение прочного фундамента и долгосрочных перспектив возможно исключительно при «производительном капитализме». Судя по относительной немногочисленности и бедности российского среднего класса, а также его беззащитности перед лицом объективных и рукотворных кризисов, последняя часть среднего класса, в силу разных обстоятельств, но прежде всего – идейной и организационной разобщенности, пока проигрывает.

Библиография

1. Александрова О.А. Российский средний класс: Идейный контекст становления // Общественные науки и современность. М., 2002. № 1. С. 25–33.

2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

3. Гайдар Е. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995. 206 с.

4. Двести пятьдесят недель развития капитализма в России. М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2000. 542 с.

5. Каримов А. Банковские маркетологи больше неактуальны. URL: http://bankir.ru/publikacii/20160226/bankovskie-marketologi-bolshe-neaktualny-10007255/ (Дата обращения: 21.02.2017.)

6. Макаров В. Манифест о поддержке высокотехнологичного экспорта. URL: http://www.russoft.ru/node/1068 (Дата обращения: 17.10.2016.)

7. Малинецкий Г. Инновация – последняя надежда России: Аналитический доклад. – URL: http://spbs.rusphysics.ru/files/Malineckiy.Doklad.pdf (Дата обращения: 17.10.2016.)

8. Мостовщиков С. Конец бандитизма в России // Эксперт. М., 1999. № 2. С. 51–55.

9. Российский средний класс в условиях стабильности и кризисов: Аналитический доклад. URL: http://www.isras.ru/rezume_Ross_sredn_klass_v_usloviyah_stabilnosti_i_krizisov (Дата обращения: 02.03.2017.)

10. Средний класс в современной России: 10 лет спустя: Аналитический доклад. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_sredny_klass_10_let_spustya.html (Дата обращения: 27.02.2017.)

11. Щеглов А. Средний класс сформировали бюрократы. URL: http://www.ng.ru/economics/2008-04-25/5_middleclass.html (Дата обращения: 22.02.2017.)

12. Эрхард Л. Благосостояние для всех. М.: НАЧАЛА-ПРЕСС, 1991. 352 с.

13. Якорева А., Воронина А. Настоящая инфляция: Как и на чем экономит средний класс. URL: http://www.rbc.ru/research/money/28/01/2016/56a77c339a79476feacd01b3 (Дата обращения: 21.02.2017.)

References

Aleksandrova O.A. Rossijskij srednij klass: Idejnyj kontekst stanovlenija // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. Moscow, 2002. N 1. P. 25–33.

Veber M. Izbrannye proizvedenija. Moscow: Progress, 1990. 808 p.

Gajdar E. Gosudarstvo i jevoljucija. Moscow: Evrazija, 1995. 206 p.

Dvesti pjat'desjat nedel' razvitija kapitalizma v Rossii. Moscow: ZAO «Zhurnal Jekspert», 2000. 542 p.

Karimov A. Bankovskie marketologi bol'she neaktual'ny. URL: http://bankir.ru/publikacii/20160226/bankovskie-marketologi-bolshe-neaktualny-10007255/ (Data obrashhenija: 21.02.2017.)

Makarov V. Manifest o podderzhke vysokotehnologichnogo jeksporta. URL: http://www.rus-soft.ru/node/1068 (Data obrashhenija: 17.10.2016.)

Malineckij G. Innovacija – poslednjaja nadezhda Rossii: Analiticheskij doklad. URL: http://spbs.rusphysics.ru/files/Malineckiy.Doklad.pdf (Data obrashhenija: 17.10.2016.)

Mostovshhikov S. Konec banditizma v Rossii // Jekspert. Moscow, 1999. N 2. P. 51–55.

Rossijskij srednij klass v uslovijah stabil'nosti i krizisov: Analiticheskij doklad. URL: http://www.isras.ru/rezume_Ross_sredn_klass_v_usloviyah_stabilnosti_i_krizisov (Data obrashhenija: 02.03.2017.)

Srednij klass v sovremennoj Rossii: 10 let spustja: Analiticheskij doklad. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_sredny_klass_10_let_spustya.html (Data obrashhenija: 27.02.2017.)

Shheglov A. Srednij klass sformirovali bjurokraty. URL: http://www.ng.ru/economics/2008-04-25/5_middleclass.html (Data obrashhenija: 22.02.2017.)

Jerhard L. Blagosostojanie dlja vseh. Moscow: NAChALA-PRESS, 1991. 352 p.

Jakoreva A., Voronina A. Nastojashhaja infljacija: kak i na chem jekonomit srednij klass. URL: http://www.rbc.ru/research/money/28/01/2016/56a77c339a79476feacd01b3 (Data obrashhenija: 21.02.2017.)

М.А. Ядова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. *В статье анализируются образовательные и профессиональные стратегии российской молодежи в условиях социальных трансформаций. Полученные данные основываются на результатах индивидуальных глубинных интервью с представителями постсоветского поколения, демонстрирующими модернистские и традиционалистские поведенческие установки. Показано, что современное общество, не предлагая единых моделей успешности, дает человеку возможность сконструировать свою жизнь уникальным образом.*

Ключевые слова: *образовательные и профессиональные стратегии, постсоветская молодежь, трансформирующееся общество, Россия, модернистские и традиционалистские поведенческие установки.*

Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии ИНИОН РАН. E-mail:m.yadova@mail.ru

M.A. Yadova. The Educational and Professional Strategies of the Post-Soviet Youth

Abstract. *The article analyses educational and professional strategies of young Russians in conditions of social transformations. The data is based on individual interviews with the representatives of the post-Soviet generation with modern and traditional ways of behavior. Although the contemporary society does not provide individuals with a single model of success it gives them the opportunity to construct the life in a unique way.*

Keywords: *educational and professional strategies, the post-Soviet youth, transformed society, Russia, modern and traditional behavior.*

Yadova Maya Andreevna – Candidate of Sociological sciences, Head of the Department of Sociology and Social Psychology of INION RAN.

Введение в проблему

В трансформирующихся обществах жизненные траектории представителей новых поколений становятся сложно предсказуемыми и более зависимыми от личного выбора. По остроумному замечанию известного социолога З. Баумана, успешность людей эпохи *Postmodernity* определяется скоростью, «с какой им удается избавляться от старых привычек» [1, с. 105]. В подобных условиях особое значение приобретают умение адаптироваться к постоянным социальным изменениям и способность к резкой смене привычного маршрута жизненного пути [см., например: 12]. Сегодня у молодежи имеется достаточно возможностей сконструировать свою жизнь уникальным образом. Кажется важным выяснить, какие образовательные и карьерные стратегии выбирают молодые россияне, чтобы встроиться в трудноуловимый ритм «текучей современности»[1]. Данная статья основывается на результатах индивидуальных глубинных[2] полуформализованных интервью с 20–23-летними россиянами, представляющими собой первое несоветское поколение в нашем обществе. Остановимся подробнее на порядке отбора участников интервью.

Настоящее исследование содержало элементы лонгитюда[3] и осуществлялось в несколько этапов. На первом этапе, в конце 2008 – начале 2009 г., группой сотрудников Института социологии образования РАО (рук. проекта – М.А. Ядова) был проведен социологический опрос, посвященный проблеме соотношения современного и традиционного в ценностях постсоветской молодежи. За современный тип поведения принимались основные характеристики модели «современной личности», предложенной американским социологом А. Инкелесом. В свою очередь, традиционными признавались качества, противоположные современным. Напомним, что еще в 70-е годы прошлого века Инкелес с коллегами обнаружили, что в обществах, испытывающих на себе влияние процессов модернизации, формируется так называемый современный тип личности. Современного человека от традиционного отличают развитое чувство социальной ответственности, инициативность, независимость, стремление к профессиональному совершенствованию, открытость новому опыту, толерантность к окружающим и уважительное

1. Так метафорично З. Бауман обозначает пластичную, свободную от разного рода барьеров реальность, в которой существует современный человек. Подробнее см.: [2].

2. Глубинное (или глубокое) интервью – неформальная личная беседа интервьюера с респондентом, проводимая по заранее намеченному плану и побуждающая респондента к подробным ответам.

3. Под лонгитюдными исследованиями в социальных науках обычно понимают длительное и систематическое изучение отдельных людей или групп с целью фиксации изменений, происходящих в их жизни, взглядах, поведении.

отношение к законам [9, с. 19–32, 289–302]. Очевидно, что базисом для успешного функционирования современного общества является «модерность» его граждан.

Согласно Инкелесу, мера и глубина «модерности» человека зависят от уровня его образования, поэтому было решено опросить юношей и девушек с разным объемом социальных и образовательных ресурсов. Эмпирический объект исследования составили московские старшеклассники (условно назовем их сильноресурсной группой) и учащиеся колледжей (слаборесурсная группа) как люди с потенциально разными типами трудовой карьеры в будущем[4]. Опираясь на результаты исследований других авторов, мы предположили, что ученики 10–11 классов, как правило, нацелены на получение высшего образования, а студенты колледжей – нет. К тому же старшеклассники выросли преимущественно в благополучных сильноресурсных семьях, а учащиеся колледжей – обычно выходцы из слаборесурсных социальных страт [см., например: 7]. Таким образом, ожидалось, что соотношение современного и традиционного в системах ценностей учащихся разных типов образовательных учреждений будет заметно различаться.

Была разработана оригинальная методика, в которую в числе прочих входили проективные вопросы, позволяющие выявить поведенческие установки респондентов в повседневных жизненных ситуациях. Участникам опроса предлагалось выбрать тот или иной вариант действия в воображаемой, но достаточно конкретной ситуации. Большинство ситуаций имело отношение к модели «современной личности»: поведенческие «выборы» соответствовали современному или традиционному типу действий, в отдельных случаях являлись нейтральными[5]. Экспериментально доказано, что полученные в результате такой процедуры данные наиболее высоко коррелируют с фактическим поведением [подробнее см.: 6, с. 179; 8, с. 51].

В целях уменьшения количества «поведенческих» переменных была проведена факторизация ответов респондентов обеих ресурсных подвыборок[6].

4. Всего было опрошено 1600 человек, по 800 человек в каждой группе. Среди опрошенных учащихся колледжей – 52% юношей и 48% девушек, в подвыборке школьников это соотношение составляет соответственно – 45 и 55%. Опрашивались юноши и девушки 15–18 лет.

5. Например, современными считались: независимый выбор будущей профессии даже при наличии давления со стороны родителей; выбор сложной работы, требующей трудолюбия, ответственности, инициативности, в противовес достаточно простой и однообразной и т.п.

6. Факторный анализ – метод многомерного статистического анализа данных, направленный на сокращение количества переменных и установление структуры взаимосвязей между ними. Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы SPSS.

В итоге были выделены четыре фактора, так или иначе имеющие отношение к модернистским ценностям: *факторы участия (или коммунитаризма)*, *амбициозности*, *законопослушности* и *свободы*.

Несмотря на то что в сознании большинства опрошенных сочетаются противоречащие друг другу модернистские и традиционалистские поведенческие установки, из общего числа респондентов удалось выделить две контрастные группы – «модернистов» и «традиционалистов»[7]. По результатам проведенного опроса, среди старшеклассников 22,9% опрошенных демонстрируют модернистские поведенческие намерения и лишь 7% – традиционалистские. В группе студентов колледжей «модернистов» совсем немного – около 5%, а «традиционалистов» уже 15%. Большинство же респондентов в обеих ресурсных группах выбирают смешанный тип поведенческих интенций. Таким образом, нашла подтверждение гипотеза о существовании связи между «модерностью» индивида и его «ресурсоемкостью»: в группе сильноресурсных респондентов доля «модернистов» выше, чем «традиционалистов», тогда как в подвыборке слаборесурсных картина иная.

О методике интервью

На втором этапе, в период с сентября 2010 по январь 2011 г., с частью респондентов, отнесенных по результатам анкетирования к «модернистам» и «традиционалистам», были проведены индивидуальные полуформализованные глубинные интервью биографического характера[8].

Наконец, на третьем этапе, в феврале–апреле 2014 г., проводились дополнительные интервью, результаты которых и представлены в настоящей статье. Участников исследования спрашивали о наиболее важных событиях, произошедших с ними за последние годы, а также просили оценить, улучшилась или ухудшилась их жизнь за это время, удалось ли им реализовать задуманное. Кроме того, в гайд-интервью[9] был включен вопрос о дальнейших жизненных планах информантов. При обсуждении каждой из предложенных тем так или иначе затрагивались вопросы, связанные с профессиональным самоопределением респондентов.

7. К «модернистам» были отнесены респонденты, получившие наиболее высокие значения как минимум по трем из четырех факторов, «традиционалистами» считались те, кто набрал наиболее низкие значения хотя бы в трех из четырех факторов.

8. Всего было проведено 48 интервью (24 – с «модернистами» и столько же – с «традиционалистами»). «Модернистская» и «традиционалистская» группы были выравнены по объему социального ресурса и полу респондентов.

9. Гайд-интервью (от англ. guide – путеводитель, руководство) – инструкция по проведению индивидуальных или групповых интервью, включающая список вопросов и тем, которые необходимо обсудить.

Исследование не избежало эффекта выбывания, характерного для лонгитюдных проектов: в последнем «срезе» приняли участие 22 «модерниста» и 21 «традиционалист». На момент этого этапа исследования возраст опрошенных составил от 20 до 23 лет. Интервью в зависимости от пожеланий и возможностей респондентов проводились «лицом к лицу», по телефону и с использованием программ для обмена мгновенными сообщениями (ICQ, Mail-агент, Skype и т.п.).

Выбор разноплановых способов общения обусловлен несколькими причинами. Во-первых, поскольку интервьюер хорошо знаком с информантами, не возникало обычных сложностей с установлением психологического контакта. Во-вторых, стали доступны респонденты, первоначально отказавшиеся от участия в исследовании в силу занятости.

Основные результаты исследования

За время, прошедшее с момента опроса, в жизни участников интервью произошли серьезные изменения: одни завершили или завершают профессиональное обучение, другие начали работать, некоторые обзавелись собственными семьями и стали родителями.

Анализ транскриптов интервью показал, что многие информанты тяготеют к нестандартным формам занятости. Напомним, что под типичной занятостью обычно понимают работу по найму, выполняемую на постоянной основе в режиме полного рабочего дня. В свою очередь, к формам нестандартной занятости относят: временную, неполную, неформальную, недо-, сверх- и самозанятость [3, с. 8–9]. Впрочем, подобный выбор вполне объясним: вовлекаясь в атипичные трудовые отношения, молодежь получает шанс на практике реализовать альтернативные модели успешности. Диктуемая временем необходимость постоянного профессионального совершенствования заставляет юношей и девушек выбирать формы занятости, дающие возможность совмещать работу и учебу.

Наш опыт изучения биографий молодых россиян с модернистскими и традиционалистскими поведенческими установками позволил выявить различия в выборе ими образовательных и профессиональных стратегий. Для амбициозных «модернистов» характерно нежелание ограничиваться одним образованием: завершающие высшее образование планируют поступать в аспирантуру, получить второе высшее или продолжить образование за рубежом; выпускники колледжей стали студентами вузов; некоторые открыли свое дело и т.п.

– Есть у меня мысль после универа рвануть в магистратуру Университета Барсы [Барселоны. *– Авт.*]*, но для этого надо язык подучить.*

Студент, 22 года (М)[10]

– [В планах] *получить первую квалификационную категорию, закончить университет, поступить в магистратуру (скорее всего, удаленно), поехать пожить на Восток (скорее всего, в Индию) и дописать там диссертацию.*

Студентка, 21 год (М)

– Хочу поступить в аспирантуру, попробую в институт Академии наук, может, примут. Не представляю для себя, что на одном высшем все «мои университеты» закончатся, и я больше никогда не буду учиться, писать тексты, читать научную литературу, а все остальное время сожрет работа и повседневная рутина. Мне так жить было бы очень скучно!

Студентка, 21 год (М)

В целом «модернисты» рассматривают образование как своего рода инвестицию в будущее и у них есть более или менее четкий план развития собственной карьеры. С «традиционалистами» ситуация иная: даже получая достойное образование, они с трудом представляют, что им это даст в перспективе.

– После института даже не знаю, что буду делать. Наверное, буду отдыхать, достало все – учеба, наседающие на голову родаки с бесконечным: «У нас без высшего никого нет, давай, не позорь нас». Поэтому годик-два я буду отдыхать, наверное, буду путешествовать, сгоняю в Австралию, может быть. ...Армия – хороший вопрос. Но думаю, с этим решить удастся: положу документы в аспирантуру. Хороший способ жить весело и быть при деле, и родители мозг есть не будут.

Студент, 22 года (Т)

– Трудно сказать, чем буду заниматься. Может, замуж выйду и с дитем засяду. (Смеется.) <…> Ну, наверное, вышка что-то даст, но прям бежать и работать по специальности, если честно, не горю желанием.

Студентка, 22 года (Т)

10. Здесь и далее заглавной буквой «М» мы будем обозначать «модернистов», а буквой «Т» – «традиционалистов».

Сравнивая ожидания респондентов с имеющейся действительностью, нельзя не заметить, что в наибольшей степени планы с реальностью расходятся у «традиционалистов», прежде всего из сильноресурсной группы. Чуть менее половины сильноресурсных «традиционалистов» бросили вузы, в которых учились. Наиболее распространенной причиной этого стало тяжелое финансовое положение семьи и невозможность платить за учебу. Впрочем, по словам респондентов, случившееся не стало для них трагедией.

– И, кстати, я ушла с института 3 года назад. Денег на обучение не было: наступил родительский кризис, и они не смогли больше оплачивать мне учебу. А на очном притом, что постоянно практика – я ведь стилист – я не могла пойти работать, если только ночью, но так собой жертвовать мне не особо-то и нужно.

– А восстанавливаться в институте не планируешь?

– Не, учиться больше не пойду. Я уже выучилась на кассира. <…> Когда приходишь, тебя прям на месте обучают…

Кассир, 21 год (Т)

Большинство слаборесурсных «традиционалистов», учившихся в колледжах, к моменту последнего интервью свое обучение завершили, однако по специальности стали работать единицы, преимущественно обладатели «денежных» профессий, – работники автосервиса, слесари; некоторые юноши устроились охранниками, курьерами. Девушки, как правило, работают продавцами-консультантами, секретарями, промоутерами, операторами «на телефоне». Впрочем, по признанию многих участников интервью, трудиться по специальности в их планы не входило изначально. Уровень самооценки этих информантов напрямую зависит от уровня их материального положения: зарабатывающие мало демонстрируют неудовлетворенность жизнью, хорошо зарабатывающих, но также не имеющих достаточного образования, все устраивает.

– Я два года назад закончила колледж, на специальность забила. Проработала в разных местах, сейчас оператор call-центра в интернет-магазине. Деньги платят хорошие, я довольна.

Оператор call-центра, 21 год (Т)

Один молодой человек во время учебы попал в армию, по возвращении из которой решил не восстанавливаться в колледже.

– Понял, что [то,] как ты устроишься в жизни не зависит от того, есть ли у тебя образование или нет. Главное – светлая голова и уметь подстраиваться под жизнь.

Охранник в магазине, 22 года (Т)

В целом «традиционалистов» – как высоко-, так и низкоресурсных – отличает готовность работать, не используя свое образование в должной мере. Кстати, в этом они схожи со значительной частью отечественной молодежи. Д.Л. Константиновский, ссылаясь на данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, отмечает, что в настоящее время «при массовой устремленности молодежи в учебные заведения, формальное образование от четверти до трети юношей и девушек недоиспользуется» [4, с. 290].

В группе «модернистов» значительного расхождения между желаемым и осуществившимся замечено не было. Напротив, планы большинства реализовались: учащиеся колледжей, мечтавшие о высшем образовании, поступили в вузы, прежние студенты-первокурсники работают над дипломными проектами, кто-то готовится к обучению в аспирантуре и т.д. В единичных случаях планы некоторых «модернистов» были нарушены жизненными обстоятельствами. Например, одна сильноресурсная «модернистка» ушла в академический отпуск в связи с рождением ребенка, другой молодой человек, после колледжа поступивший в университет, также вынужден был «взять академический», для того чтобы помогать заболевшей матери воспитывать младших брата и сестру. Впрочем, оба настроены завершить образование и вуз бросать не намерены. Для этих информантов характерна стратегия «отложенного старта».

Для нескольких «модернистов» ключевым вариантом развития карьеры стало открытие собственного дела, однако ни один из них не признал свой бизнес-опыт успешным. Основной причиной постигшей их профессиональной неудачи информанты считают не столько собственные ошибки, сколько сложившиеся в современной России тяжелые условия для ведения бизнеса. Примечателен, например, рассказ 20-летнего Алексея, бывшего выпускника колледжа по специальности «оператор ЭВМ», а ныне – студента одного из технических вузов Москвы, о попытке открыть свое дело в сфере IT-технологий:

– Мы с двоюродным братом замутили дело… в IT-сфере: создание, поддержка и раскрутка сайтов и все в этом роде. Все это очень быстро схлопнулось, как у нас бывает. <…> Понял, что плач государства по поводу поддержки молодежного бизнеса, инноваций … – сплошные сказки. <…> К тебе могут прийти с проверками, везде нужна копеечка. Если закроешься – куча клиентов уйдет, потому что нет подтверждающих документов. В итоге

мы снялись с учета, сейчас «в тени» потихоньку, но того, что хотелось, не вышло.

Еще одна особенность, отличающая «модернистов» от «традиционалистов», – более вдумчивое и уважительное отношение к труду вообще и к своему делу в частности. Несмотря на то что «модернисты», так же как и «традиционалисты», стремятся к высокому заработку, для них бóльшую важность представляет содержание выполняемой работы. Может быть, поэтому некоторые «модернисты», рассказывая о своих первых профессиональных шагах, отмечали постигшее их разочарование если не в профессии, то в организации трудового процесса там, где им довелось работать. Как правило, подобные ощущения у респондентов были вызваны не слишком порядочным поведением со стороны руководства.

– Немножко поработала в школе учителем русского и литературы. Разочарование полное! ...мне кажется, наша система образования выполняет какой-то секретный план по дебилизации подрастающего поколения. ЕГЭ ужасен, ребенка не приучают любить предмет, не открывают красоту языка, художественного слова, его натаскивают, как пса. Ну и суета родителей не радует. Введение ЕГЭ оправдывалось благородной целью – искоренить коррупцию в школьных стенах. Так вот – цель не достигнута. Создан целый рынок услуг по подготовке к экзаменам.

Студентка педагогического вуза, 21 год (М)

– Жалко, что немодно сейчас понятие дела. Главное – очки втереть. Я столкнулся с уродами, которые в своей конторе как бы проектировали и как бы строили дома, которых на самом деле нет. Классно, правда? Домов нет, зато баблосы есть.

Студент-инженер, 21 год (М)

«Традиционалистам» профессиональные «страдания» «модернистов» чужды: для них хорошая работа, как правило, должна соответствовать лишь двум требованиям – быть хорошо оплачиваемой и «не слишком напряжной». Вместе с тем, анализируя транскрипты интервью с «традиционалистами», несложно заметить то чувство неловкости, с которым последние говорят о своем нынешнем месте работы. Зачастую, как будто предупреждая ненужные вопросы, юноши и девушки спешат пояснить: «не самая престижная» должность, зато «зарплата хорошая».

– Я уже отучилась, закончила колледж два года назад, получила диплом, сразу устроилась на работу. Работаю не по профессии, конечно. Продавец-

консультант в дорогом бутике итальянской обуви. Не самая престижная должность, конечно, но зарплата хорошая.

Продавец-консультант, 21 год (Т)

– Охранником в торговом центре, платят хорошо и работа без напряга, а те, кому кажется, что это не круто, идут лесом.

Охранник в торговом центре, 21 год (Т)

Среди наиболее важных событий, произошедших в их жизни за последние годы, «модернисты» нередко называли достижения в области саморазвития, что говорит о высоком инновационном потенциале этой группы молодежи. Одни акцентировали внимание на прочитанных книгах, полученных знаниях и освоенных навыках (изучение иностранных языков, приобретение хобби, открытие в себе новых способностей и т.п.); по словам других, узнанное настолько повлияло на их мировоззрение, что способствовало формированию иного взгляда на окружающий мир. Между тем ни один «традиционалист» не посчитал нужным рассказать о своем интеллектуальном и духовном росте за прошедшие годы.

– Всплеск саморазвития, который случился в 2010–2011-х годах. В дальнейшем благодаря ему я прочитал множество важных книг, например, труды Дейла Карнеги, которые настолько изменили мое поведение с другими людьми, что я больше не возвращался к своим старым представлениям. Кроме того, …я занялся спортом и значительно улучшил свою физическую форму.

Студент, 20 лет (М)

– Я открыла для себя абсурдистов и экзистенциалистов. Все началось с Ионеско, Кафки и Камю. Сейчас переключилась на наших обэриутов. На меня их идеи здорово повлияли, все это ужасно созвучно нашему времени, тому, что происходит у нас в России. Я как будто заново узнаю мир, узнаю Россию. А еще учусь играть на гитаре, и даже учитель видит какие-то способности, хотя раньше руки были, как деревянные. (Смеется.)

Студентка, 21 год (М)

– Прочитал «По ком звонит колокол» и подсел на Испанию. Теперь коплю на путешествия. Уже побывал в Барселоне, Мадриде и Малаге. Ну и учу испанский, одно время ходил на курсы, а сейчас … занимаюсь онлайн и по Скайпу.

Студент, 22 года (М)

Интересно сравнить планы на будущее «модернистов» и «традиционалистов». На наш взгляд, планы первых амбициознее и имеют более четкие очертания, однако и они не долгосрочны (в среднем – на год). Что касается «жизненных проектов» традиционно ориентированной молодежи, то они отличаются прагматизмом и несвойственной возрасту осторожностью.

– Вот я заканчиваю 5 курс, и впереди еще 10 месяцев учебы в интернатуре. Так что пока цель одна – успешно отучиться. В ординатуру точно не пойду, решила, что не мое, потому что не хочу и неинтересно. В любом случае, если передумаю, всегда можно доучиться.

Студентка, 23 года (М)

– Пусть будет так, как есть: никакой карьеры не надо, больших заработков, потихоньку денежки капают, и хорошо. <…> …безопаснее жить, не высовываясь.

Автомеханик, 20 лет (Т)

Изучая изменения в притязаниях и профессиональных стратегиях современных выпускников школ, отечественные социологи В. Магун и М. Энговатов (оба из Института социологии РАН) выделили две группы молодых людей с противоположными мировоззренческими позициями. Одни ожидают, что родители обеспечат их непосредственными благами (подарят дачу, квартиру, дадут возможность отдыхать или жить за границей), для других – помощь старших родственников заключается в приобретении универсальных ресурсов (достойное образование, социальный капитал и т.п.), которые впоследствии позволят им самостоятельно достичь успеха. По словам исследователей, каждое новое поколение все меньше нацелено на получение «готовых» благ, стремясь к использованию ресурсов для получения хорошего образования и работы [5, с. 14]. Вместе с тем, как показывают результаты нашего исследования, подобные ориентации «на самостоятельность» разделяет далеко не вся молодежь.

К сожалению, часть «традиционалистов» можно отнести к прекариату: многие из них пытаются «компенсировать» свою профессиональную несостоятельность доходами от сдачи квартир, полученных в наследство. Напомним, что термин «прекариат» (от англ. *precarious* – ненадежный, опасный, сомнительный) был предложен британским исследователем Г. Стендингом для обозначения своеобразного аналога пролетариата постиндустриального общества [11]. Прекариат, как правило, составляют малообеспеченные, безработные или перебивающиеся случайными заработками люди, которые практически лишены профессиональной идентичности и трудовых гарантий.

По мнению ученого, социальная неудовлетворенность прекариата делает его «опасным классом».

Рассмотрим наиболее показательные примеры квазитрудовых стратегий «традиционалистов», которые основаны преимущественно на получении пассивного дохода, дополненного случайными заработками.

Так, 21-летний Артем по окончании колледжа не пошел работать по специальности («помощник машиниста электропоезда»), а устроился продавцом «в палатку, торговал фильмами и компьютерными играми, потом уволился, где-то с год не работал». По собственному признанию, «чтобы было не очень скучно, играл в [компьютерные] игры». Через некоторое время респонденту в наследство от умершей бабушки досталась двухкомнатная квартира. «Я сразу сказал матери, что квартира эта моя, бабуля так при жизни хотела, и я там был прописан», – рассказывает участник исследования. В настоящий момент основной доход Артема – от сдачи в аренду квартиры: суммы, которые он иногда получает, подрабатывая «в Интернете», очень малы, и их едва хватает на карманные расходы.

Другой «традиционалист», Сергей, также не желая «всю жизнь впахивать», сознательно выбрал жизнь «на пособие». Бросив институт на втором курсе и оказавшись перед перспективой быть призванным в армию, он решил «оформлять инвалидность». По словам информанта, несмотря на то что у него действительно есть проблемы со здоровьем («что-то неврологическое с сосудами головы»), без протекции бабушки, имеющей «связи в медицинской экспертизе», «вторую группу» ему бы «не дали».

Еще один участник исследования, Артур, мечтает поскорее окончить университет и уехать в Прагу, куда несколько лет назад переехала жить его двоюродная сестра с мужем. Причем жить в Чехии он планирует за счет сдачи в аренду двух московских квартир, имеющихся у его родителей. Справедливости ради отметим, что последние не слишком поддерживают планы сына.

– Жалко, что батя мой против, считает, что это жизнь на дармовщинку. А, по-моему, нормальный вариант, для людей с мозгом, которые умеют адаптироваться для жизни.

Студент, 21 год (Т)

О жизни в качестве квартирного рантье мечтают не только юноши, но и девушки. Например, 22-летняя Лена, работающая воспитателем в детском саду, уже несколько лет просит свою бабушку разменять трехкомнатную квартиру, в которой они живут. По замыслу информантки, «обменяв одну квартиру на две, можно было бы одну сдавать и работать в менее напряжном режиме».

Понимая утопичность мечты о «нетрудовой» жизни, эти респонденты готовы смириться с необходимостью периодически или не слишком много работать; однако при этом им важно иметь стабильный пассивный доход в виде финансовых средств от сдачи квартиры или социальных выплат «как подспорье».

Выводы

Подводя итоги, отметим, что «модернистов» постсоветского поколения от «традиционалистов» прежде всего отличают стремление к стратегическому планированию карьеры и принципиально иное – более серьезное и уважительное – отношение к образованию, выбору профессии, содержанию выполняемой работы. В то время как многие «традиционалисты» не только не намерены «делать карьеру», но и воспринимают труд как обременительную повинность; их мечта – быть свободными от каких-либо трудовых обязанностей, живя, например, на средства от сдачи доставшейся в наследство недвижимости.

В современном социуме, характеризующемся индивидуализацией и вариативностью путей профессионального развития, наиболее адекватным, по мнению некоторых исследователей, представляется выбор так называемой калейдоскоп-карьеры [подробнее см., например: 10] – трудовой стратегии, учитывающей индивидуальные особенности личности и позволяющей адаптировать профессиональный маршрут к происходящим в жизни человека переменам. Мы предполагаем, что в дальнейшем значительная часть российской молодежи предпочтет «калейдоскопный» способ построения карьеры всем остальным.

Библиография

1. Бауман З. Индивидуализированное общество // Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.

2. Бауман З. Текучая современность. СПб: Питер, 2008. 240 с.

3. Гимпельсон В., Капелюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда. Препринт WP3/2005/05. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 36 с.

4. Константиновский Д.Л. Российская молодежь: Образование и занятость // Россия и Китай: Молодежь XXI века [монография] / Отв. редакторы М.К. Горшков, Ли Чунлинь, З.Т. Голенкова, П.М. Козырева. М: Новый хронограф, 2014. С. 283–307.

5. Магун В., Энговатов М. Молодежь: Высокие притязания и новые стратегии // Менеджер по персоналу. Киев, 2008. № 9. С. 6–16.

6. Майерс Д. Социальная психология. – 6-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2003. 752 с.

7. Рощина Я. Социальная дифференциация молодежи в российском профессиональном образовании // Отечественные записки. М., 2006. № 3. С. 113–132.

8. Садмен С., Брэдбери Н. Как правильно задавать вопросы: Введение в проектирование массовых обследований / Пер. с англ. А.А. Виницкой; научный редактор перевода Д.М. Рогозин. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2002. 382 с.

9. Inkeles A., Smith D.H. Becoming modern. Cambridge, MA: Harvard univ. press, 1974. 436 p.

10. Mainiero L.A., Sullivan S.E. The opt-out revolt: Why people are leaving companies to create kaleidoscope careers. Mountain View (CA): Davies-Black, 2006. 378 p.

11. Standing G. The Precariat: The new dangerous class. L.; N.Y.: Bloomsbury, 2011. 198 p.

12. Vinken H. Changing life courses, citizenship and new media: The impact of the reflexive biographization of the life course on young people's democratic engagement // Young citizens and new media: Learning for democratic participation / Ed. by P. Dahlgren. N.Y.; L.: Routledge, 2007. P. 41–57.

References

Bauman Z. Individualizirovannoe obshhestvo / Per. s angl. pod red. V.L. Inozemceva. Moscow: Logos, 2005. 390 p.

Bauman Z. Tekuchaya sovremennost'. St. Petersburg: Piter, 2008. 240 p.

Gimpel'son V., Kapeljushnikov R. Nestandartnaya zanyatost' i rossijskij rynok truda. Preprint WP3/2005/05. Moscow: GU VSHE, 2005. 36 p.

Inkeles A., Smith D.H. Becoming modern. Cambridge, MA: Harvard univ. press, 1974. 436 p.

Konstantinovskij D.L. Rossijskaya molodezh': Obrazovanie i zanyatost' // Rossiya i Kitaj: Molodezh' XXI veka [monografiya] / Otv. redaktory: M.K. Gorshkov, Li Chunlin', Z.T. Golenkova, P.M. Kozyreva. Moscow: Novyj hronograf, 2014. P. 283–307.

Magun V., Jengovatov M. Molodezh': Vysokie prityazaniya i novye strategii // Menedzher po personalu. Kiev, 2008. N 9. P. 6–16.

Mainiero L.A., Sullivan S.E. The opt-out revolt: Why people are leaving companies to create kaleidoscope careers. Mountain View, CA: Davies-Black, 2006. 378 p.

Majers D. Social'naya psihologiya. 6-e izd., pererab. i dop. St. Petersburg: Piter, 2003. 752 p.

Roshhina Ja. Social'naya differenciaciya molodezhi v rossijskom professional'nom obrazovanii // Otechestvennye zapiski. Moscow, 2006. N 3. P. 113–132.

Sadmen S., Brjedberi N. Kak pravil'no zadavat' voprosy: Vvedenie v proektirovanie massovyh obsledovanij / Per. s angl. A.A. Vinickoj; nauchnyj redaktor perevoda D.M. Rogozin. Moscow: Institut Fonda «Obshhestvennoe mnenie», 2002. 382 p.

Standing G. The Precariat: The new dangerous class. London; New York: Bloomsbury, 2011. 198 p.

Vinken H. Changing life courses, citizenship and new media: The impact of the reflexive biographization of the life course on young people's democratic engagement // Young citizens and new media: Learning for democratic participation / Ed. by P. Dahlgren. New York; London: Routledge, 2007. P. 41–57.

Н.И. Васильева

ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В РЕАЛЬНОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ РОССИИ: ИТОГИ 2016 ГОДА

Аннотация. *Автор статьи анализирует динамику притока иностранных инвестиций (ПИИ) в экономику России, а также отраслевую и региональную структуру ПИИ, современное состояние российского инвестиционного климата, риски и факторы, препятствующие активному притоку ПИИ и их эффективному использованию. Рассматриваются возможные меры стимулирования инвестиционной активности в условиях исполнения бюджета РФ на 2017 год.*

Ключевые слова: *иностранные инвестиции, инвестиционный климат, технологические инновации, наукоемкое производство, территория опережающего развития (ТОР), специальные инвестиционные контракты (СПИК).*

Васильева Нина Ивановна – кандидат экономических наук,
доцент кафедры глобалистики факультета глобальных процессов
Московского государственного университета им М.В. Ломоносова.
E-mail: vasilieva-msu@yandex.ru

N.I. Vasilieva. Direct Foreign Investments into Real Sectors of Russian Economy: Results of 2016

Abstract. *The author analyzes the dynamics of the inflow of foreign investment (FDI) into the Russian economy, the sectoral and regional structure of FDI, the current state of the Russian investment climate, risks and factors that prevent the active inflow of FDI and their effective use. Possible measures to stimulate investment activity in the context of the implementation of the budget of the Russian Federation for 2017 are studied.*

Keywords: *foreign investment, investment climate, technological innovations, science intensive production, territory of advanced development, special investment contracts (SPIC).*

Vasilieva Nina Ivanovna – candidate of Economic sciences,
Associate Professor of the Department of Global studies
of the Faculty of Global processes, Lomonosov Moscow State University.
E-mail: vasilieva-msu@yandex.ru

В глобализирующейся экономике важное место среди источников устойчивого роста и развития занимают внешнеэкономические связи. Открывая широкие возможности для использования международного разделения труда, привлечения внешних материальных, финансовых и иных ресурсов для решения внутренних задач, они позволяют также подключиться к поискам коллективных ответов на глобальные вызовы.

После глобального кризиса, начавшегося в 2008 г., в мире идет поиск нового равновесия. Эта «новая нормальность» характеризуется выравниванием темпов роста развитых и развивающихся экономик, бурным развитием технологий, снижением спроса на сырье, изменением направления движения глобального капитала. Структурная перестройка мировой экономики сопровождается замедлением темпов роста мировой торговли, которая перестает быть драйвером экономического роста. В 2016 г. – впервые с 2008 г. – объем международной торговли в стоимостном выражении снизился на 11%. Глобальный перегрев сменился глобальным охлаждением. В таких условиях российская экономика находится в относительно устойчивом состоянии. Она консолидировалась и в целом адаптировалась к новым условиям.

Экономика России пережила два последовательных шока, примерно одинаковых по глубине, связанных с падением цен на нефть и девальвацией рубля: в конце 2014 – начале 2015 и в конце 2015 – начале 2016 гг. И если первая «волна» прошла болезненно, то вторая – уже вполне спокойно. Главный фактор этого спокойствия – набранный экономикой запас прочности. Сейчас формируется основа новой экономики: построен ряд новых предприятий, модернизированы целые отрасли. Второй фактор – адекватная антикризисная политика правительства РФ, смягчившая для экономики жесткость «посадки» и создавшая условия для использования имеющихся и новых конкурентных преимуществ, что нашло отражение в принятом в декабре 2016 г. федеральном бюджете на 2017 г. и на плановый период 2018–2019 гг. [7].

Дали свои плоды усилия по поддержке реального сектора экономики. Только в рамках программы проектного финансирования поддержаны 42 проекта более чем в 20 регионах. На эти цели было выделено 59 млрд руб. госгарантий, что позволило привлечь 240 млрд руб. долгосрочных кредитных ресурсов [1, с. 119]. В результате на фоне общего спада в отдельных сферах – например в сельском хозяйстве, пищевой, химической промышленности, машиностроении – наблюдаются очевидные положительные тенденции. В целом можно сказать, что удалось не просто стабилизировать ситуацию, но и обеспечить определенные заделы для дальнейшего развития.

Сегодня важно сделать правильный выбор в отношении идеологии экономической политики на среднесрочную перспективу. Она должна обеспечить структурную перестройку экономики, переход к новой модели роста. В современных условиях функционирования российской экономики привле-

чение иностранных инвестиций является одним из основных факторов, оказывающих позитивное влияние на развитие не только отдельных предприятий, но и отраслей экономики в целом.

С 2002 по 2016 г. объем иностранных инвестиций, поступивших в российскую экономику, возрос более чем в 8 раз. Однако кризисные явления в мировой экономике стали причиной снижения иностранных инвестиций в 2010 г. Начиная с 2012 г. иностранные инвестиции также ежегодно снижаются. Структура поступивших в РФ инвестиций подтверждает заинтересованность инвесторов из-за рубежа во вложении средств в сырьевые отрасли и отрасли с быстрой окупаемостью инвестиций.

В 2016 г. иностранные инвесторы вкладывали средства в предприятия, осуществляющие деятельность по добыче полезных ископаемых. Их доля в общем объеме иностранных инвестиций составила 24%, доля предприятий транспорта и связи – 20,9, обрабатывающих производств – 18,1, предприятий, осуществляющих операции с недвижимым имуществом – 10,6% [составлено по: 5].

В связи с неоднородным социально-экономическим развитием регионов Российской Федерации наблюдается неравномерное вложение иностранных инвестиций в экономику субъектов РФ. По объему поступивших иностранных инвестиций лидером является Тюменская область, удельный вес которой в 2016 г. составляет 13,21%. Второе место занимает г. Москва (11,07%), третье – Республика Татарстан (4,24%), четвертое – г. Санкт-Петербург (3,58%) [составлено по: 5].

Крупнейшие по уровню инвестиционного потенциала регионы (Москва и Московская область, Краснодарский край, Свердловская область и др.) в рейтинге 2016 г. не снизили своих позиций. Это обусловлено развитием масштабных инвестиционных программ в рамках государственно-частного партнерства в данных регионах или при поддержке федерального бюджета. Значительные средства бюджета направлены также на развитие Крыма и Севастополя, однако иностранные инвесторы не спешат инвестировать в данный регион вследствие политических разногласий и принятых экономических санкций.

По сравнению с 2015 г. Россия сохранила восьмое место в рейтинге европейских стран по активности международных инвесторов. При этом существенно улучшились количественные показатели инвестиционной активности иностранных инвесторов, в частности число проектов прямых иностранных инвестиций (ПИИ) увеличилось на 61%. Благодаря ПИИ было создано 13 672 новых рабочих места; по этому показателю Россия заняла четвертое место в Европе.

Произошли изменения и в составе основных стран-инвесторов. В 2010 г. тройку лидеров по объему поступивших иностранных инвестиций в россий-

скую экономику составляли Кипр, Бермуды, Виргинские и Британские острова, удельный вес которых достигал почти 53,0% от общего объема иностранных инвестиций. В 2016 г. наибольший удельный вес составляют инвестиции из Кипра (133 млрд долл. США), Нидерландов (54 млрд долл.), Люксембурга (38 млрд долл.) [11, с. 48].

Значительную часть иностранных инвестиций составляют «псевдоиностранные» инвестиции, представляющие собою возврат ранее вывезенных из России капиталов из офшорных и спарринг-офшорных юрисдикций, где регистрируются головные компании (расчетные центры) российских холдингов. Следовательно, большая часть инвестиций, поступающих в Россию, хотя и считаются иностранными, но имеют российское происхождение [4, с. 4–5].

В 2015–2016 гг. иностранные инвесторы особенно интересовались российскими предприятиями атомной сферы, фармацевтическими компаниями, инфраструктурными объектами, субъектами естественных монополий и недропользователями. Однако на фоне политической и макроэкономической нестабильности другие сферы экономики зарубежных инвесторов не привлекают.

* * *

Пока российская экономика является областью приложения по преимуществу краткосрочных инвестиций. Деньги приходят на фондовый рынок и быстро уходят с него. Их присутствие является положительным фактором, но стабильный рост экономики во многом зависит от долгосрочного вложения средств в различные отрасли. Размеры и сроки привлечения иностранного капитала во многом зависят от инвестиционных рисков и факторов, оказывающих негативное влияние на развитие инвестиционного климата в стране. К основным такого рода рискам можно отнести кризисные явления в мировой экономике и, как следствие, в экономике России, а также международные политические разногласия, обусловленные стремлением политической элиты США сохранить глобальное лидерство в противовес растущему влиянию Китая и процессу евразийской экономической интеграции [2, с. 258].

Можно выделить следующие основные риски и факторы, препятствующие активному притоку и эффективному использованию иностранного капитала в РФ.

1. В настоящее время отсутствует системный подход к оценке износа основных фондов, восстановлению материально-технической базы. В 2017 г. на восстановление материально-технической базы планируется вложить 4 трлн руб., при этом данные средства необходимы только для ее поддержания в сложившемся состоянии. Согласно данным Росстата, процент износа основных фондов в промышленности в 2016 г. составлял от 47 до 55% [составлено по: 5].

2. Вклад наукоемкого производства России в мировую экономику оценивается в размере около 0,3%, что свидетельствует о нерациональном использовании инвестиций. По данным Росстата, показатели инновационной активности предприятий промышленности в России являются низкими. Так, удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе организаций промышленности в 2016 г. в среднем составил 9,3%. Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме товаров, выполненных работ, услуг организаций в 2016 г. в среднем составил 5,8% [9].

3. Отсутствие заинтересованности в инновациях и проведении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) в России обусловлена низкой конкурентоспособностью продукции как внутри страны, так и на мировом рынке, высокой стоимостью заемных средств, отсутствием налоговых преференций. В целом слабое развитие промышленности и инновационных технологий создает угрозу экономической безопасности страны путем снижения конкурентоспособности российской промышленной продукции, ослабления экономического роста и препятствует притоку иностранного капитала в экономику страны.

4. Применение зарубежными странами против Российской Федерации экономических санкций и введение наших ответных мер значительно ухудшили инвестиционную активность иностранных инвесторов.

5. Проблемы в области государственного управления, бюрократия также не способствуют улучшению инвестиционного климата. Сюда же следует отнести и несовершенство российского инвестиционного законодательства.

6. Также не способствуют привлечению иностранных инвестиций высокая степень коррупции в сфере управления экономикой, нецелевое использование государственных ресурсов, вывоз капитала из страны. Международной неправительственной организацией *Transparency International* рассчитан индекс восприятия коррупции, который измеряет общую степень коррумпированности государственной власти. Самой некоррумпированной страной за период 2013–2015 гг. признана Дания, а в 2016 г. Дания и Новая Зеландия разделили первое место. Россия в 2016 г. заняла 131-е место по уровню коррумпированности страны, средний балл индекса восприятия коррупции составил 29, что на четыре балла больше по сравнению со странами Африки [10].

* * *

В настоящее время основным направлением развития инвестиционных отношений России и стран дальнего зарубежья является переориентация инвестиционного сотрудничества от стран ЕС на страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Сегодня объем прямых инвестиций из стран

АТР составляет около 10 млрд долл. Россия – совместно с рядом государств, таких как Китай, Япония и др. – активно создает инвестиционные фонды.

Общий объем инвестиций Китая в экономику России с 2006–2016 гг. составил около 26 млрд долл. Основной приток финансовых вложений обеспечивают приграничные к России территории Северо-Востока КНР, в основном провинция Хэйлуцзян, через которую проходит 40% всех инвестиций. При этом для увеличения объемов внешней торговли между странами существенно не хватает современных пограничных переходов. В настоящее время работы по строительству железнодорожного мостового перехода через Амур в районе Нижнеленинское (ЕАО) – Тунцзян (КНР) протяженностью 2,2 км пока ведутся на территории КНР.

Привлечение иностранных инвестиций на Дальнем Востоке осуществляется, в частности, с помощью территорий опережающего развития (ТОР). В 2016 г. в этом регионе действовали 15 ТОР. На данных территориях действует преференциальный налоговый режим: налог на прибыль организаций заморожен на десять лет, вчетверо снижены социальные платежи и обнулен налог на имущество организаций. Привлечению иностранных партнеров должен способствовать и облегченный визовый и таможенный режим. Создаются системы инфраструктурной и административной поддержки [3, с. 240].

Среди заключенных в настоящее время между Россией и Китаем договоров преобладают договора, предусматривающие совместные проекты в топливно-энергетической отрасли. В настоящее время в перечне инвестиционных российско-китайских проектов насчитывается 58 позиций, причем половина из них в стадии реализации.

В 2012 г. был организован Российско-китайский инвестиционный фонд, учредителями которого стали подконтрольные своим государствам Российский фонд прямых инвестиций и Китайская инвестиционная корпорация. Предполагается более 70% капитала Российско-китайского инвестиционного фонда инвестировать в проекты на территории России и других стран СНГ, а остальные средства – в китайские проекты с участием российского бизнеса. Со временем вклады российского и китайского партнеров должны составить по 1 млрд долл., еще почти столько же планируется привлечь от внешних инвесторов.

Несмотря на успехи, в российско-китайских торгово-экономических отношениях сохраняются серьезные дисбалансы, главными из которых являются незначительная доля России во внешней торговле Китая и сырьевой характер российского экспорта в Китай.

Помимо стран Тихоокеанского региона интерес к инвестиционному сотрудничеству с Россией проявляют Арабские Эмираты.

Объектом интересов арабских партнеров является сельское хозяйство. Представители Дубая видят в российской агропромышленности большой

нереализованный потенциал и хотят принять участие в капитализации этой отрасли сейчас, чтобы обеспечить собственную продовольственную безопасность в будущем. Они стремятся развить тесные партнерские отношения, пока момент для сближения не упущен.

Фонд *Mubadala* из Абу-Даби имеет все шансы стать партнером России в проекте по разработке двух крупных месторождений нефти в Западной Сибири – Эргинского и Назымского. Фонд готов вложить в проект более 7 млрд долл. Согласно проекту, добытую нефть Абу-Даби будет перерабатывать на российских НПЗ. При этом право распоряжаться активами остается за российской стороной.

Подводя итоги исследования, следует отметить, что потенциальные достоинства нашей экономики можно конвертировать в реальные только одним способом: обеспечить иностранным инвесторам гарантии, в которые они поверят. Основой привлечения прямых иностранных инвестиций в страну должны стать совершенствование правовых условий ведения хозяйственной деятельности на территории России иностранными инвесторами, своевременное обновление и уточнение соответствующих текстов федеральных законов и нормативных актов к ним, а также создание возможностей для развития бизнеса в стране, комфортных условий для сотрудников, развитой инфраструктуры, обеспечение поддержки местных органов власти, прозрачности и деверсифицированность экономики в целом [6; 8].

Зарубежные партнеры должны быть уверены в том, что экономика России стабильна. Улучшение инвестиционной привлекательности страны во многом зависит от создания целостной, работоспособной и прозрачной системы функционирования государства.

Библиография

1. Алимова И.О. Особенности привлечения иностранных инвестиций в современную экономику России // Экономика и управление: Проблемы, решения. 2015. № 3. С. 118–121.

2. Глаголев С.Н. Проблемы иностранных инвестиций в России в условиях экономических санкций. Белгород: Изд-во БГТУ, 2014. 258 с.

3. Латкин А.П. Российский Дальний Восток: Предпосылки и условия привлечения иностранных инвестиций. Владивосток: ВГУЭС, 2015. 240 с.

4. Селезнев А. Об особенностях и содержании политики привлечения прямых иностранных инвестиций // Экономист. 2015. № 8. С. 3–11.

5. Федеральная служба государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru (Дата обращения: 20.01.2017.)

6. Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16283/ (Дата обращения: 20.01.2017.)

7. Федеральный закон от 19.12.2016 № 415-ФЗ «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов» // СПС «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209150/ (Дата обращения: 20.01.2017.)

8. Федеральный закон от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76660 (Дата обращения: 20.01.2017.)

9. Юнусов Л.А. Прямые иностранные инвестиции в условиях глобализации мировой экономики // https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwiB-vKH2t3TAhULFCwKHSsuBvUQFggmMAA&url=http%3A%2F%2Foldvak.ed.gov.ru%2Fcommon%2Fimg%2Fuploaded%2Ffiles%2Fvak%2Fannouncements%2Feconomich%2F2009%2F06-07%2FUnusovLA.doc&usg=AFQjCNFYcpoYNyT2XawcaeGwjxkWcn0IBQ&cad=rjt (Дата обращения: 20.01.2017.)

10. Transparency International [Электронный ресурс]. URL: http://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2016 (Дата обращения: 20.01.2017.)

11. UNCTAD. World Investment Report Overview. New York; Geneva, 2016. 48 p.

References

Alimova I.O. Osobennosti privlechenija inostrannyh investicij v sovremennuju jekonomiku Rossii // Jekonomika i upravlenie: Problemy, reshenija. 2015. N 3. P. 118–121.

Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki RF [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru (Data obrashhenija: 20.01.2017.)

Federal'nyj zakon ot 09.07.1999 № 160-FZ «Ob inostrannyh investicijah v Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tantPljus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16283/ (Data obrashhenija: 20.01.2017.)

Federal'nyj zakon ot 19.12.2016 № 415-FZ «O federal'nom bjudzhete na 2017 god i na planovyj period 2018 i 2019 godov» // SPS «Konsul'tant pljus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209150/ (Data obrashhenija: 20.01.2017.)

Federal'nyj zakon ot 29.04.2008 № 57-FZ «O porjadke osushhestvlenija inostrannyh investicij v hozjajstvennye obshhestva, imejushhie strategicheskoe znachenie dlja obespechenija oborony strany i bezopasnosti gosudarstva» // SPS «Konsul'tantPljus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76660 (Data obrashhenija: 20.01.2017.)

Glagolev S.N. Problemy inostrannyh investicij v Rossii v uslovijah jekonomicheskih sankcij. Belgorod: Izd-vo BGTU, 2014. 258 p.

Junusov L.A. Prjamye inostrannye investicii v uslovijah globalizacii mirovoj jekonomiki // https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwiB-vKH2t3TAhULFCwKHSsuBvUQFggmMAA&url=http%3A%2F%2Foldvak.ed.gov.ru%2Fcommon%2Fimg%2Fuploaded%2Ffiles%2Fvak%2Fannouncements%2Feconomich%2F2009%2F06-07%2FUnusovLA.doc&usg=AFQjCNFYcpoYNyT2XawcaeGwjxkWcn0IBQ&cad=rjt (Data obrashhenija: 20.01.2017.)

Latkin A.P. Rossijskij Dal'nij Vostok: Predposylki i uslovija privlechenija inostrannyh investicij. Vladivostok: VGUJeS, 2015. 240 p.

Seleznev A. Ob osobennostjah i soderzhanii politiki privlechenija prjamyh inostrannyh investicij // Jekonomist. 2015. N 8. P. 3–11.

Transparency International [Электронный ресурс]. URL: http://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2016 (Data obrashhenija: 20.01.2017.)

UNCTAD. World Investment Report Overview. New York; Geneva. 2015. 48 p.

Е.А. Мосакова

РОССИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Аннотация. *В статье на основе данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации строится социально-демографический портрет как современного типичного эмигранта из России, так и типичного иммигранта: по полу, возрасту, уровню образования и профессиональной принадлежности. Показано, что сегодня Россия выступает как страна-донор в процессе международной интеллектуальной миграции, и как страна-реципиент низкоквалифицированных трудовых мигрантов.*

Ключевые слова: *интеллектуальная миграция, трудовая миграция, мигрант, пол, возраст, образование, профессия, уровень квалификации.*

Мосакова Елизавета Александровна – кандидат экономических наук, старший преподаватель Факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: lizavetam@mail.ru

E.A. Mosakova. Russia in the System of Modern International Labour Migration

Abstract. *The article is about the system of modern international labour migration. The socio-demographic profile of either the typical modern emigrant from Russia or a typical immigrant is based on the data of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation. It contains: gender, age, educational and professional levels. Today Russia acts as a donor-country in international intellectual migration and the country-recipient of the low-skilled migrant workers.*

Keywords: *intellectual migration, labour migration, migrant, gender, age, education, occupation, qualification level.*

Mosakova Elizaveta Alexandrovna – candidate of economic sciences, Senior teacher of the Faculty of Global processes, Lomonosov Moscow State University. E-mail: lizavetam@mail.ru

Современная демографическая ситуация в мире, изменение баланса сил, обусловленного воспроизводством населения, возрастающая роль мировых миграционных процессов в развитии каждой страны, их групп (систем, союзов, блоков) и мира в целом заставили многих ученых, политиков и общественных деятелей обратить внимание на проблемы демографического развития. В связи с этим актуальным становится вопрос о месте России в системе современной международной трудовой миграции. В частности, представляются интересными социально-демографические портреты эмигранта из России и иммигранта в Россию.

В России учетом легальной трудовой миграции занимается Федеральная служба государственной статистики. Однако из-за отсутствия жестких правил те россияне, которые выезжают из страны с целью трудоустройства, но без действующего разрешения на работу или контракта, как трудовые мигранты не учитываются. Для оценки реальных масштабов эмиграции из России, согласно мнениям многих исследователей, данные Росстата необходимо увеличивать в 3–4 раза [4].

Следует отметить, что приведенные ниже рисунки, характеризующие различные аспекты трудовой эмиграции из России и иммиграции в Россию, составлены по официальным данным, приводимым в статистическом сборнике «Труд и занятость в России». Последний такого рода сборник вышел в 2015 г., соответственно, доступные на сегодняшний день статистические данные ограничиваются 2014 г. Сборник, в котором будут содержаться данные за 2015–2016 гг., планируется к выходу в 2017 г.

Согласно данным Росстата, численность трудовой эмиграции с 2008 г. начала снижаться, что во многом было обусловлено негативным влиянием мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. и длительным этапом восстановления национальных экономик. Бóльшая часть трудовых эмигрантов – мужчины: в 2005 г. среди мигрантов мужчин было в 5 раз больше, чем женщин. В 2014 г. мужчин – трудовых эмигрантов оказалось уже в 13 раз больше, чем женщин [4, с. 37].

С 2005 по 2014 г. численность женщин-эмигрантов уменьшается на 25% в год, а мужчин – на 3–5% в год. При этом меняется соотношение долей половозрастных групп: почти в 2 раза увеличивается количество женщин-эмигрантов 40 лет и старше и мужчин-эмигрантов 50 лет и старше [5, с. 186].

Рис. 1. [5, с. 186].

Таким образом, можно заключить, что в последнее десятилетие меняется структура трудовой эмиграции из России: на фоне общего снижения численности трудовых мигрантов происходит рост мигрантов старших возрастных групп. По-видимому, это связано с изменениями в российской экономике, в результате которых лица предпенсионного возраста оказываются невостребованными на рынке труда.

	руководители	специалисты в области техники, технологии	специалисты в области здравоохранения	специалисты в области культуры и искусства	специалисты учебно-воспитательский, преподавательский персонал	рабочие
2005	10711	9889	262	2877	429	24013
2010	13068	14799	113	683	238	23606
2014	13866	15711	121	98	18	20694

Рис. 2 [5, с. 187].

Среди всех трудовых эмигрантов из России почти половину составляют интеллектуалы, руководители учреждений и организаций и специалисты в области техники и технологий. В целом в 2014 г. доля трудовых эмигрантов из России с высшим или средним профессиональным образованием составляла 84%, только с высшим образованием – 46% (в 2005 г. 73 и 34,3% соответственно) [5, с. 188].

Численность специалистов-эмигрантов в других областях неуклонно снижалась: в области здравоохранения произошло снижение более чем в 2 раза, в сфере культуры – почти в 30 раз, в сфере учебно-воспитательной и преподавательской деятельности – в 23 раза. Стоит отметить снижение эмиграции среди рабочих примерно на 20%.

Сокращение численности эмигрантов из России как среди рабочих, так и специалистов, не связанных по роду своей деятельности с техникой, технологией и компьютеризацией, обусловлено тем, что современные страны Запада встали на путь построения экономики, основанной на информационных технологиях. Как следствие, они проводят активную миграционную политику, направленную на привлечение профессионалов самого высокого уровня, преимущественно в сфере компьютерных технологий. Соответственно, на современном мировом рынке труда наиболее востребованы специалисты в дисциплинах, определяющих тенденции развития науки и технологий. В 2005–2014 гг. более 60% трудовых эмигрантов выезжали в страны Западной Европы (Германия и Великобритания), на Кипр (около 12%) и в США.

В российской же науке наблюдается демографический кризис. Так, в настоящее время в ней заняты 26,8 тыс. докторов наук, при этом, например, в США живут больше 16 тыс. докторов наук – выходцев из бывшего СССР [3, с. 46]. Из них только треть ученых принадлежит к наиболее активной в научном смысле возрастной группе 30–50 лет, четвертая часть докторов наук – не моложе 70 лет [1, с. 177–186; 2, с. 232–240].

Отметим, что для отечественных специалистов размер оплаты труда является важным фактором при принятии решения о переезде в другую страну. Например, оплата труда assistant professor (аналог российского доцента) в США составляет 60–70 тыс. долл. в год; молодые ученые в начале карьеры получают около 1400 долл. в год. Таким образом, потенциал эмиграции среди российских ученых в России очень высок.

Таким образом, можно заключить, что современная Россия до сих пор активно участвует в процессе международной интеллектуальной миграции в качестве страны-донора. Социально-демографический портрет типичного эмигранта из России выглядит следующим образом: преимущественно это молодые мужчины в возрасте 18–29 лет с высшим образованием, занимающие руководящие должности или являющиеся специалистами в области техники и технологий.

* * *

А кто же приезжает в Россию с целью трудоустройства? Социально-демографический портрет трудовых иммигрантов будет иным.

Рис. 3 [5, с. 176].

Притом, что с 2011 г. существует квота на прием на работу иностранных граждан – 1,75 млн человек в год, иммиграция в Россию увеличилась почти на 20%. Количество иностранных граждан, въехавших в Россию и имеющих действующее разрешение на работу, на конец 2014 г. составило 1 143 800 человек. При этом по сравнению с 2012 г. наблюдается спад трудовой иммиграции.

Прежде всего, трудовые мигранты (имеющие на руках разрешение на работу) приезжали в Россию в 2011–2014 гг. из стран СНГ. На всем протяжении рассматриваемого периода их доля держится на стабильном уровне 80–85% [5, с. 176].

Иммигранты приезжают в Россию, прежде всего, из Узбекистана, Киргизии, Украины: до 2013 г. наблюдался рост количества трудовых мигрантов из этих стран, а с 2014 г. – снижение. Лишь граждане Таджикистана с 2012 г. стали приезжать меньше – в среднем на 10% в год.

	Азербайджан	Армения	Казахстан	Киргизия	Республика Молдова	Таджикистан	Узбекистан	Украина
2011	24,8	40,9	4,5	65,6	46,8	166,4	399	110,3
2012	23,8	39,5	0,8	76,8	50	181,4	467,9	127,8
2013	18,1	35,5	0,7	82,7	45,5	162,8	476,6	124,9
2014	14,1	30,3	0,5	72,9	40,4	145,7	422	139,5

Рис. 4 [5, с. 176].

Доля граждан ЕС в общем количестве трудовых иммигрантов в этот период сократилась с 1,23 до 1%; количество граждан США – также сократилось с 0,16 до 0,1%. Среди стран дальнего зарубежья лидирующие позиции занимает Китай – около 7% на всем протяжении рассматриваемого периода; Турция (рост с 1,8 до 2,3%); КНДР (рост с 1,9 до 3%) [5, с. 176].

Рис. 5 [5, с. 178].

Женщины гораздо реже, чем мужчины, приезжают на работу в Россию. Наиболее мобильная группа иммигрантов – люди в возрасте 18–29 лет. На эту возрастную группу приходится около 40% от общего количества легально въехавших: около 35% женщин и около 45% мужчин.

Однако имеется и несколько исключений. Так, среди иностранных граждан из Китая и КНДР, имеющих разрешение на работу в России, около 40% приходится на возрастную группу 40–49 лет. А для граждан из Турции, имеющих разрешение на работу в России, наибольшее значение приходится на возрастную группу 30–39 лет – около 30%.

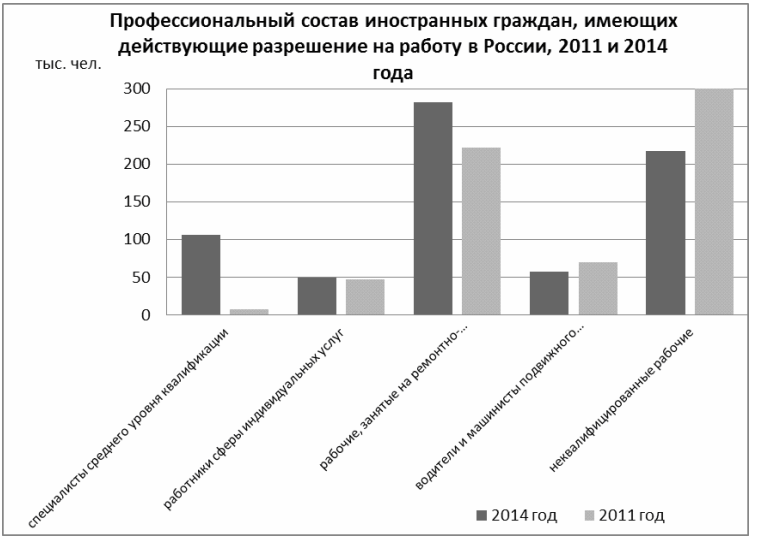

Рис. 6 [5, с. 179].

Среди иммигрантов преобладают неквалифицированные рабочие, а также рабочие, занятые на строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах.

В 2014 г. – относительно 2011 г. – численность неквалифицированных рабочих снизилась почти на 30%. При этом почти на те же 30% выросло количество специалистов среднего уровня квалификации. В 15 раз увеличилось количество рабочих, занятых на горных, горно-капитальных, на строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах. Количество высококвалифи-

цированных специалистов-иммигрантов увеличилось в 4 раза, прежде всего за счет приехавших из стран дальнего зарубежья. Приезжали специалисты и из стран СНГ (Таджикистана, Киргизии, Узбекистана) [5, с. 179, 182]. Доля высококвалифицированных специалистов из стран ЕС составила не более 10% от общего количества иммигрантов. В 2014 г. таких специалистов приехало 7824 тыс. человек [5, с. 179, 182].

Иммигранты с действующими разрешениями на работу распределяются по профессиональным группам следующим образом:

СНГ – неквалифицированные рабочие (25–30%), рабочие, занятые на строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах (25–30%), а также специалисты среднего уровня квалификации физических и инженерных направлений (10%).

При этом среди иммигрантов из Киргизии 50% – неквалифицированные рабочие, 17% – работники сферы индивидуальных услуг; из Таджикистана 50% – неквалифицированные рабочие, 35% – рабочие, занятые на строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах; из Узбекистана 25% – неквалифицированные рабочие и столько же, 25%, – рабочие, занятые на строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах.

Среди иммигрантов из стран дальнего зарубежья около трети составляют рабочие, занятые на строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах: из КНДР – 75%; из Китая – 35%; из Турции – 15%. Из стран ЕС прибывают в основном руководители учреждений, организаций, предприятий и их структурных подразделений – 50% [5, с. 180–181].

Существует еще студенческая иммиграция. Количество иностранных студентов, обучавшихся в России в 2014 г., по данным UNESCO, увеличилось в 4,2 раза по сравнению с 2000 г. Порядка 74% студентов-иммигрантов составили выходцы из бывшего СССР. Это объясняется, прежде всего, тесными культурными, этническими, экономическими и политическими связями, которые остались со времен распада Советского Союза. Кроме того, российское образование (прежде всего в Москве, Петербурге, Новосибирске) всегда привлекало русскоязычное население, проживающее в республиках бывшего СССР. Среди стран дальнего зарубежья только Китай представляет достаточно большую группу студентов – 5,6% от общего количества такого рода иммигрантов. Среди оставшихся 20% достаточно равномерно представлены студенты из стран Азии и Африки. Доля студентов из развитых европейских стран и США составляла в 2014 г. менее 1%.

Таким образом, социально-демографический портрет типичного иммигранта в Россию выглядит следующим образом: преимущественно это молодые мужчины в возрасте 18–29 лет; как правило, неквалифицированные и низкоквалифицированные рабочие, приехавшие из стран СНГ.

Подводя итог, следует отметить, что современная Россия очень слабо участвует как страна-реципиент (принимающая сторона) в процессе международной интеллектуальной миграции. В этом процессе ей отведена роль страны-доноры интеллектуальных мигрантов. Россию покидают преимущественно молодые мужчины в возрасте 18–29 лет с высоким уровнем образования, занимающие руководящие должности или являющиеся специалистами в области техники и технологий. Приезжают же в Россию столь же молодые мужчины из стран СНГ. Однако у них, как правило, низкий уровень образования, и выполняют они неквалифицированную и низкоквалифицированную работу.

Причины такого соотношения эмиграции из России и иммиграции в Россию нуждаются в отдельном самостоятельном исследовании.

Библиография

1. Андреев А.И. К вопросу об «утечке» научных кадров: Состояние, подходы к измерению, оценки // Экономика и управление: Проблемы, решения. Научно-практический журнал. 2017. № 2. Т. 1. С. 177–186.

2. Андреев А.И. К вопросу об основных принципах управления развитием науки в России на ближне- и среднесрочный период // Экономика и управление: Проблемы, решения. Научно-практический журнал. 2016. № 10. Т. 2. С. 232–240.

3. Индикаторы науки: 2014: Статистический сборник. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014. 400с.

4. Мосакова Е.А. Современная интеллектуальная эмиграция из России: Портрет эмигранта // Вестник Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе. 2017. № 1. С. 33–42.

5. Труд и занятость в России. 2015: Стат. сб. М.: Росстат, 2015. 276 с.

6. Эмиграция из России в конце XX – начале XXI века: Статистика и социология, графики и схемы [Электронный ресурс]. URL: https://komitetgi.ru/analytics/2977/ (Дата обращения: 28.01.2017.)

References

Andreev A.I. K voprosu ob «utechke» nauchnyh kadrov: Sostojanie, podhody k izmereniju, ocenki // Jekonomika i upravlenie: Problemy, reshenija. Nauchno-prakticheskij zhurnal. 2017. N 2. T. 1. P. 177–186.

Andreev A.I. K voprosu ob osnovnyh principah upravlenija razvitiem nauki v Rossii na blizhne- i srednesrochnyj period // Jekonomika i upravlenie: Problemy, reshenija. Nauchno-prakticheskij zhurnal. 2016. N 10. T. 2. P. 232–240.

Indikatory nauki: 2014: Statisticheskij sbornik. Moscow: Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaja shkola jekonomiki», 2014. 400 p.

Jemigracija iz Rossii v konce XX – nachale XXI veka: Statistika i sociologija, grafiki i shemy [Eelektronnyj resurs]. URL: https://komitetgi.ru/analytics/2977/ (Data obrashhenija: 28.01.2017.)

Mosakova E.A. Sovremennaja intellektual'naja jemigracija iz Rossii: portret jemigranta // Vestnik Filiala Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova v gorode Dushanbe. 2017. N 2. P. 33–42.

Trud i zanjatost' v Rossii. 2015: Stat. sb. M.: Rosstat, 2015. 276 p.

Ю.А. Гринева

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В ЛИТВЕ НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.

Аннотация. *Рассматривается одна из актуальных тем на сегодняшний день – миграционный кризис. На примере Литвы прослеживаются причины, тенденции, динамика и последствия миграционных потоков.*

Ключевые слова: *Литва, миграция, миграционные потоки, кризис.*

Гринева Юлия Александровна – аспирантка,
Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова,
факультет глобальных процессов. E-mail:grineva-yulia@mail.ru

Yu.A. Grineva. The Main Trends in the Migration Flows Development in Lithuania at the Turn of the 20th - 21st Centuries

Abstract. *The article examines migration crisis – one of the most cunning items. It studies the causes, trends, dynamics and consequences of migration flows in Lithuania.*

Keywords: *Lithuania, migration, migration flows, crisis.*

Grineva Yulia Alexandrovna – postgraduate student,
Lomonosov Moscow State University,
the Faculty of Global processes. E-mail: grineva-yulia@mail.ru

В последние годы Литва осуществляла курс максимальной экономии: «Урезаны пенсии, зарплаты бюджетникам, отменены многие льготы, полностью пересмотрена налоговая политика. После жестких мер, европейские эксперты признали, что в государственном плане Литва наилучшим образом перенесла кризис. Однако за четыре года правления прошлых властей государственный долг Литвы вырос в три раза, а страна пережила мощнейшую волну эмиграции» [4].

Население Литовской Республики насчитывало более 3 млн человек в 2012 г. Тема миграции получила в последнее время в Литве широкий обще-

ственный резонанс. Численность населения Литвы падает, начиная с 1989 г., что является одной из причин, почему исследования в области миграции становятся все более актуальными. В исследованиях принимают участие литовское Министерство внутренних дел, Департамент статистики Литвы, Департамент миграции, Биржа труда Литвы, Европейская миграционная сеть, Международная организация по миграции (МОМ) – Вильнюсское отделение [6].

В составе СССР Литва была одной из моноэтнических республик: в 1989 г. литовцы составляли 79,8% ее населения, к 2012 г. их численность выросла до 83,7%. Остальное население – это представители более 100 этнических меньшинств: поляки, русские, украинцы, белорусы, евреи, латыши, татары, цыгане, немцы, армяне и другие народы [2]. Самые многочисленные среди них – поляки и русские: после распада СССР численно доминировало русское меньшинство, с начала XXI в., согласно переписи 2001 г., – польское.

С 1989 г. численность русской диаспоры в Литве уменьшилась вдвое: с 344,5 тыс. человек до 171,1 тыс., или с 8,9 до 5,3% от всего населения страны. Польская диаспора сократилась с 258 тыс. до 210,6 тыс. человек (с 7 до 6,6%) [2]. Снижение численности русского населения обусловлено эмиграцией представителей русскоязычных диаспор после распада СССР в Российскую Федерацию, Белоруссию и Украину.

В период с 1989 по 2012 г. уменьшилось количество белорусов – с 63,2 до 40,2 тыс. человек (с 1,7 до 1,3%), украинцев – с 44,8 до 20,7 тыс. человек (с 1,2 до 0,6%), евреев – с 12,4 до 3,4 тыс. человек (с 0,3 до 0,1%), татар – с 5,2 до 3 тыс. Вместе с тем незначительно увеличилось количество литовских немцев – с 2,1 до 3,1 тыс. и цыган – с 2,7 до 2,9 тыс. человек [2].

Изменения численного и этнического состава населения Литвы предопределены эмиграцией и иммиграцией.

По информации литовского Департамента статистики, число литовцев уменьшилось из-за эмиграции и снижения естественного прироста населения. Сокращения численности русских главным образом были обусловлены эмиграцией.

В 1990 г. среди эмигрантов насчитывалось 50% русских, 11,5 – украинцев, 8 – литовцев и белорусов, 4% – поляков. В 1991 г. ситуация не изменилась: 50% – русских, 8 – поляков и 10% – белорусов. В 1992 г. количество эмигрировавших русских увеличивается до 57%, а литовцев, наоборот, сокращается до 6%.

К 2000 г. ситуация меняется: из Литвы эмигрируют 30% русских и столько же литовцев, в то время как поляков и украинцев, соответственно, по 4,6%. Причем представители этнических меньшинств эмигрируют уже как граждане Литовского государства. Эмиграция уменьшается к 2006 г., когда эмигрировали 0,37% населения, но к 2011 г. она резко возрастает до более 83 тыс. человек, т.е. 1,67% всего литовского населения.

Около 0,6 млн человек эмигрировали из Литвы начиная с 1990 г. В период с 2004 по 2009 г. в среднем 16 тыс. человек в год эмигрировали из республики. В 2010 г. наблюдался пик легальной эмиграции, что скорее всего было связано с реформой 2009 г. в области медицинского страхования: те, кто не желал делать ежемесячные страховые взносы, решились эмигрировать. В 2010 г. показатели легальной и нелегальной эмиграции совпали [6]. В 2011 г. поток эмигрантов уменьшился по сравнению с 2010 г., но остался очень высоким – 54 тыс. эмигрантов в год, что в 2,5 раза превышало эмиграцию 2009 г.

Основными направлениями эмиграции стали Великобритания, Ирландия, Норвегия, Испания и США [6]: странами – реципиентами литовской миграции являются экономически благополучные государства. Кроме того, в первой десятке стран-реципиентов прочно закрепились Беларусь и Россия, продолжающие принимать своих возвращающихся сограждан. Важнейшим направлением трудовой эмиграции долгие годы считались США, ключевой центр литовской трудовой эмиграции с начала прошлого века. По статистике, каждый третий литовец, уезжающий в США до 2004 г. в качестве туриста, в деловую поездку, на учебу или к родственникам в гости, обратно в Литву не возвращался [1].

«Несколько иная ситуация сложилась с эмиграцией в Западную Европу. Еще накануне вступления в ЕС некоторые страны Западной Европы ослабили ограничительные меры на приток рабочей силы из Литвы. Уже несколько лет литовских медиков ждут в Швеции. В Скандинавские страны, в Великобританию, в Ирландию официально на сезонные работы приглашалась литовская молодежь. Для многих студентов из Литвы летние заработки на клубничных, помидорных и иных полях Запада стали средством улучшения финансовых возможностей, а также бесплатной практикой по усовершенствованию своего английского языка» [1].

До 2004 г. рос поток нелегальных эмигрантов в страны Европейского союза, поскольку государства – члены ЕС терпимо относились к нелегалам из тех стран, которые должны были присоединиться к ЕС 1 мая 2004 г. Литовцы активно мигрировали накануне этой даты в Западную Европу, чтобы успеть занять хорошие рабочие места. Те эмигранты, которые приехали официально после вступления Литвы в ЕС, смогли устроиться, как правило, на более низкооплачиваемую и трудоемкую работу. Многие из них начали возвращаться домой [1].

Среди эмигрантов из Литвы преобладают молодые, бессемейные и образованные люди. Например, в 2005 г. пятую часть эмигрантов составляли литовцы в возрасте 25–29 лет, 16,3% – в возрасте 20–24 лет, 12,9% – в возрасте 30–34 лет и 8,8% – в возрасте 35–39 лет, а жители в возрасте от 60 лет и старше – только 2,9% [2]. В 2010 г. 55% эмигрантов – это люди от 20 до 35 лет, причем женщины составляли 52% эмигрантов.

В том же году лица со специальным средним или высшим образованием составляли 50%, а с высшим и профессиональным образованием 25% [5]. В 2011 г. 63% от общего числа эмигрантов составляли люди в возрасте от 15 до 34 лет, а в возрасте от 15 до 44 лет –78%, в том числе значительная часть из них с высшим образованием. Нельзя не отметить такого последствия эмиграции молодежи, как утечка мозгов [6].

Молодые люди в возрасте до 34 лет составляют 41% населения Литвы, в возрасте до 44лет – 54%. Эмиграция молодежи увеличивает социальную нагрузку на трудоспособное население страны, которому приходится содержать большое количество нетрудоспособных. Среди эмигрантов только 0,5% составляют граждане в возрасте от 65 лет, а среди всего населения Литвы их число составляло в 2012 г. – 18%.

В долгосрочной перспективе эмиграция молодежи ведет к старению населения Литвы [9]. В последние годы выросло количество уезжающих семей. Если прежде уезжающие родители предпочитали на время своего пребывания за границей оставлять детей у родственников, то после вступления Литвы в ЕС уезжающие родители все чаще берут детей с собой, что снижает вероятность возвратной миграции в будущем [5].

В связи с эмиграцией в Литве наблюдается дефицит квалифицированной рабочей силы. По данным 2007 г., в Литве было «26,7 тыс. свободных рабочих мест. Это в 1,4 раза больше, чем в 2006 г. Больше всего в Литве не хватает квалифицированных рабочих различных отраслей, ремесленников, профильных специалистов в различных областях, работников сектора услуг, механиков и неквалифицированной рабочей силы. Дефицит кадров также наблюдается среди госслужащих, чиновников, работников судебной сферы, менеджеров среднего и высшего звена и руководителей предприятий» [6].

Кстати, денежные переводы эмигрантов составляют всего лишь 4,6% от ВВП [6], поэтому Литва вряд ли превратится в страну, зависящую от денежных переводов эмиграции.

Что касается иммиграции, то этнический состав иммиграции в Литву менялся в первое десятилетие ее независимости. В 1990–1992 гг. 10% от общего числа литовских мигрантов – это поляки, 14 – украинцы, 23 – литовцы, 43% – русские. К 2000 г. поток русских мигрантов уменьшается вдвое, т.е. до 21%, а литовцев, наоборот, увеличивается до 44%. Украинцы, желающие въехать в Литву, составили 5% от всех мигрантов, поляки – 4,5% [3].

Иммиграция в 2011 г. увеличилась в 3 раза. При этом 89% иммигрантов составили возвращающиеся жители Литвы. Основной поток иммиграции приходится на те же страны, которые принимают у себя литовских эмигрантов, – Великобритания, Ирландия, США, Испания, Норвегия, Германия. Возвращались зачастую те, кто приехал в страны Западной Европы после 1 мая 2004 г., поскольку из-за наплыва в ЕС эмигрантов спрос на рабочую

силу упал, снизилась и зарплата. «Прибывшие на работу после 1 мая получают нередко половину того, что получали литовцы год-два тому назад. Поэтому участились случаи, когда литовцы возвращаются с Запада, потеряв деньги и надежды, поскольку заработок уже не оправдывает расходов на западную жизнь и жертв в плане личной жизни (прежде всего, разделенная семья, чужая обстановка, языковой и культурный барьер, моральное унижение от отношения к мигранту как к слуге со стороны местных жителей)» [1].

Большинство среди иностранных иммигрантов составляют жители России, Беларуси, Украины.

В докризисный период (2005–2008) число иностранных работников росло, но сократилось в период кризиса (2010–2011). Иностранцы не равноправны при приеме на работу, так же как, впрочем, и представители национальных меньшинств, являющиеся гражданами Литвы.

Социологи Н. Касаткина и В. Бересневичуте провели опрос не только представителей литовских этнических меньшинств, но и литовцев, работающих в государственных структурах. Социологи приводят, в частности, мнение психолога из службы занятости: «Люди, не литовского происхождения, которые регистрируются на этом портале [службы занятости] составляют значительную долю всех желающих. Однако, по словам психолога, если есть 5 кандидатов на одну позицию и один из них русский, вероятность того, что последний будет выбран, не равна 1/5, а ниже. Если есть 2 кандидата, один русский и один литовец, вероятно, будет выбран литовец. То же самое можно наблюдать в случае поляков. Некоторые работодатели даже просят не предлагать русских и польских кандидатов, другие (а это большинство) ведут себя завуалировано, не предоставляя никаких конкретных объяснений» [7]. Есть однако и примеры того, когда представители меньшинств ведут бизнес, предпочитая представителей своего народа. В свое время банк *Snoras* имел русских владельцев, акционеров, здесь была и значительная доля русскоговорящего персонала [7].

Из топ-20 руководителей предприятий в среднем двое не-литовцы, как правило, один иностранец и местный русский или поляк. Это относится к сферам рекламы, маркетинга, бизнес-консалтинга, строительства, продажи, услуг. Аудит является исключением; из 21 крупнейших национальных компаний пять находятся в ведении не-литовцев (два – у русских и три – у поляков) [7]. Хотя средний уровень безработицы в Литве – 13,8%, среди русских он – свыше 20%, среди поляков – 17,8%, литовцев – 12,8%. Цифры не разнятся кардинально, однако среди представителей этнических меньшинств уровень безработицы всё же выше.

Данные социологов Н. Касаткиной и В. Бересневичуте свидетельствуют, чем более престижна профессия, тем выше в ней представительство литовцев, которые преобладают, например, среди парламентариев, старших долж-

ностных лиц, служащих, специалистов – до 89%. В сфере торговли и обслуживания более или менее представлены поляки и русские – 8 и 7% занятых в этих сферах соответственно. Среди поляков и русских больше, чем литовцев, и квалифицированных рабочих (18, 19 и 13% соответственно), и неквалифицированных (11, 8 и 7% соответственно) [7].

Самое большое количество разрешений на работу иностранцам дается водителям-дальнобойщикам: 68% от всего количества разрешений, а также представителям некоторых рабочих специальностей (сварщикам, ремонтникам) и поварам [6]. «По данным опроса по заказу МОМ – Вильнюс как отделение, – три четверти жителей Литвы считают, что иммиграция из третьих стран является негативным явлением. Большинство из них считают, что иностранцы повышают конкуренцию и, следовательно, заработная плата падает…С другой стороны, молодые и высококвалифицированные люди более склонны верить в перспективы иммиграции, в частности в то, что высококвалифицированные работники выгодны для экономики Литвы.

Подавляющее большинство респондентов (79,2%) указали, что средства массовой информации, а не личный опыт, сформировали их мнение о трудовых мигрантах» [6].

Таким образом, если представители национальных меньшинств, являющиеся гражданами Литвы, испытывают трудности при приеме на работу и не всегда могут претендовать на место квалифицированного сотрудника, то иммигрантам, особенно на фоне негативного отношения местного населения к иммиграции, получить работу значительно сложнее.

На современном этапе, в 2015–2016 гг., отток населения из Литвы ежегодно составляет 1,5%, т.е. примерно 50 тыс. человек в год. Эта тенденция является достаточно стабильной начиная с 2009 г., периода развития мирового экономического кризиса, и ее не смогло поколебать даже вступление Литвы в зону евро с 1 января 2015 г. [8]. Представляется, что она будет сохраняться и в дальнейшем, если макроэкономическая ситуация в стране значительно не улучшится.

Библиография

1. Бегство из Литвы: Массовая трудовая эмиграция на Запад после вступления в ЕС // REGNUM от 11.06.2004. URL: https://regnum.ru/news/290906.html (Дата обращения: 15.01.2017.)

2. Доклад по осуществлению конвенции Европейского союза об основах защиты национальных меньшинств в Литовской Республике, согласно части I статьи 25. 2001 // Visagino bendruomenes fondas: URL: http://www.vbfondas.lt/upload/Konvencija.htm (Дата обращения: 12.01.2017.)

3. Касаткина Н.В. Особенности адаптации этнических групп в современной Литве // Социс. – 2004. – № 5. – С. 46–54.

4. Литва попала в девятку самых стабильных стран Евросоюза // REGNUM-Беларусь от 14.12.2012. URL: https://regnum.ru/news/1605011.html (Дата обращения: 16.01.2017.)

5. Миграция в Литве: Факты и цифры. Вильнюс: Вильнюсское бюро Международной организации по миграции. – 2011. – С. 12.

6. About migration in Number // Europos migracijos tinklas (EMT). URL: http://123.emn.lt/en/migration-institutions (Дата обращения: 20.01.2017.)

7. Kasatkina N. & Beresneviciute V. Ethnic structure, inequality and governance of the public sector in Lithuania // United Nations Research Institute Development, 2004. URL: http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/untc/unpan016521.pdf (Дата обращения: 18.01.2017.)

8. Migration and migrant population statistics // Eurostat, Statistics Explained. Март 2017. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?oldid=236348 (Дата обращения: 21.01.2017.)

9. Population at the beginning of the year by place of residence, age (5 years groups), sex // Statistics Lithuania. Январь 2013. URL: http://db1.stat.gov.lt/statbank/selectvarval/ saveselections.asp?MainTable=M3010206&PLanguage=1&TableStyle=&Buttons=&PXSId=3212&IQY=&TC=&ST=ST&rvar0=&rvar1=&rvar2=&rvar3=&rvar4=&rvar5=&rvar6=&rvar7=&rvar8=&rvar9=&rvar10=&rvar11=&rvar12=&rvar13=&rvar14 (Дата обращения: 15.01.2017.)

References

Begstvo iz Litvy: Massovaya trudovaya emigratsiya na Zapad posle vstupleniya v YES // REGNUM ot 11.06.2004. URL: https://regnum.ru/news/290906.html (Data obrashcheniya: 15.01.2017.)

Doklad o zashchite prav cheloveka v Litovskoy Respublike, soglasno chasti I stat'i 25. 2001 // Visagino bendruomenes fondas: URL: http://www.vbfondas.lt/upload/Konvencija.htm (Data obrashcheniya: 12.01.2017.)

Kasatkina N.V. Osobennosti adaptatsii etnicheskikh grupp v sovremennoy Litve // Sotsis. – 2004. – N 5. – P. 46–54.

Litva popala v devyatku samykh stabil'nykh stran Yevrosoyuza // REGNUM-Belarus' ot 14.12.2012. URL: https://regnum.ru/news/1605011.html (Data obrashcheniya: 16.01.2017.)

Migratsiya v Litve: Fakty i tsifry. Vil'nyus: Vil'nyusskoye byuro Mezhdunarodnoy organizatsii po migratsii. – 2011. – P. 12.

About migration in Number // Europos migracijos tinklas (EMT). URL: http://123.emn.lt/en/migration-institutions (Data obrashcheniya: 20.01.2017.)

Kasatkina N. & Beresneviciute V. Ethnic structure, inequality and governance of the public sector in Lithuania // United Nations Research Institute Development, 2004. URL: http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/untc/unpan016521.pdf (Data obrashcheniya: 18.01.2017.)

Migration and migrant population statistics // Eurostat, Statistics Explained. Март 2017. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?oldid=236348 (Data obrashcheniya: 21.01.2017.)

Population at the beginning of the year by place of residence, age (5 years groups), sex // Statistics Lithuania. Январь 2013. URL: http://db1.stat.gov.lt/statbank/selectvarval/saveselections.asp?MainTable=M3010206&PLanguage=1&TableStyle=&Buttons=&PXSId=3212&IQY=&TC=&ST=ST&rvar0=&rvar1=&rvar2=&rvar3=&rvar4=&rvar5=&rvar6=&rvar7=&rvar8=&rvar9=&rvar10=&rvar11=&rvar12=&rvar13=&rvar14 (Data obrashcheniya: 15.01.2017.)

А.М. Сереброва

БОРЬБА С «ИСЛАМСКИМ ГОСУДАРСТВОМ»: ВОЙНА И ПОЛИТИКА

Аннотация. *Анализируются причины, позволившие боевикам «Исламского государства» укрепить свои позиции в странах Ближнего Востока. Подробно рассмотрены иракский и сирийский театры военных действий, а также состояние антитеррористической коалиции. На основании существующих противоречий между участниками борьбы против «Исламского государства» дается прогноз возможных конфликтов в регионе.*

Ключевые слова: *международный терроризм, исламский радикализм, «Исламское государство», сирийский кризис.*

Сереброва Анастасия Михайловна – аспирантка кафедры глобалистики факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: aserebro23@yandex.ru

A.M. Serebrova. The Fight Against the «Islamic State»: The War and Politics

Abstract. *The author studies the reasons that allowed the militants of the «Islamic state» to strengthen their positions in the Middle East. The article provides a detailed analysis of the Iraqi and the Syrian theaters of war and the state of anti-terrorist coalition. Basing on the existing contradictions between the fighters against the «Islamic state» the author makes a forecast of the future probable conflicts in the region.*

Keywords: *international terrorism, Islamic radicalism, Islamic state, the Syrian crisis.*

Serebrova Anastasia Mikhailovna – postgraduate student of the Department of Global studies, the Faculty of Global processes, Lomonosov Moscow State University. E-mail: aserebro23@yandex.ru.

Среди вызовов, с которыми пришлось столкнуться мировому сообществу в XXI в., одно из первых мест занимает террористическая угроза. Согласно данным Глобального индекса терроризма 2015 (ГИТ), представленного

Институтом экономики и мира Сиднейского университета [15], за последние 15 лет было совершено свыше 61 тыс. терактов, в результате которых погибли более 140 тыс. человек. При этом количество жертв росло год от года. Если в 2000 г. этот показатель был равен 3329, то в 2014 г. составил 32 685. В 2014 г. количество терактов – по сравнению с 2013 г. – выросло на 61%. Список стран, которым хотя бы раз пришлось столкнуться с терроризмом, пополнили еще восемь. К 2015 г. таких стран стало 67.

Одной из причин подобного «осложнения болезни» является активизация деятельности исламских радикальных движений и группировок. Бациллы исламского радикализма уже поразили Америку, Африку, Азию, а также страны Европейского союза, где с января 2015 по июль 2016 г. погибли не менее 306 человек и около 1 тыс. получили ранения [8]. Тем не менее главным очагом этой «инфекции» по-прежнему остается Ближний Восток. Ирак, Афганистан, Пакистан, Сирия – именно на эти страны приходится 57% терактов и 78% погибших в 2014 г. Главным носителем и распространителем угрозы в регионе и за его пределами выступает запрещенная в России группировка «Исламское государство» (ИГ), также известная как ИГИЛ или ДАИШ. В 2013 г. ИГИЛ взяло на себя ответственность за 77% произошедших в мире террористических актов, а в 2014 г. уже 95% случаев атак террористов были делом рук этой организации. Эффективных методов борьбы, с помощью которых можно было бы окончательно уничтожить этот источник террора, пока не нашли.

Феномену «Исламского государства» посвящена не одна статья как в научной литературе, так и в научно-популярных изданиях. 29 июня 2014 г. (в первую ночь Священного месяца Рамадан) Абу Бакр аль-Багдади, лидер исламистской террористической организации «Исламское государство», заявил о намерении создать Всемирный халифат. 5 июля в иракской мечети в Мосуле аль-Багдади нарек себя халифом [5]. Создав государствоподобное образование, радикальные исламисты продемонстрировали немалые геополитические амбиции.

По упоминанию в СМИ ИГИЛ вскоре обошло и «Аль-Каиду», бывшую некогда «террористической организацией № 1» в мире, и «Джабхат ан-Нусру», пик медийной популярности которой пришелся на 2013 г. [9]. На наш взгляд, существует несколько факторов, способствовавших трансформации ИГИЛ из заурядной террористической группировки в главный источник террористической угрозы.

Организационно-управленческие ресурсы. Один из факторов такой трансформации – разветвленная и гибкая внутренняя структура ИГИЛ, структура, способная восстанавливаться даже в критических условиях. Так, например, после ликвидации в 2010 г. полевого командира Абу Айюба аль-Масри, а затем в феврале 2011 г. его преемника Ан-Насера Лидинилла Абу

Сулеймана организация не пришла в упадок. У ИГИЛ выверенная иерархичная система «государственной службы», включающая двух заместителей (амиров) халифа, 12 губернаторов (вали), которые отвечают за подконтрольные территории в Ираке и Сирии, и кабинет министров. Поэтому смерть главаря не ведет к прекращению активности группировки.

Важной характеристикой управленческого ресурса является его качественный состав. В рядах джихадистов ИГИЛ немало профессиональных военных. В том числе кадровые офицеры и сотрудники спецслужб бывшей армии Саддама Хусейна.

Материально-финансовые ресурсы. Второй фактор устойчивости ИГИЛ – наличие значительных материальных ресурсов. По данным исследовательского центра HIS Markit, в месяц доход ИГИЛ составляет 80 млн долл. [17], а в декабре 2015 г. бюджет группировки был равен 2 млрд долл. [18]. Наличие подобных крупных финансовых потоков отличает «Исламское государство» от других террористических группировок исламистского толка. Для сравнения на рис. 1. представлены бюджеты наиболее «медийных» террористических групп.

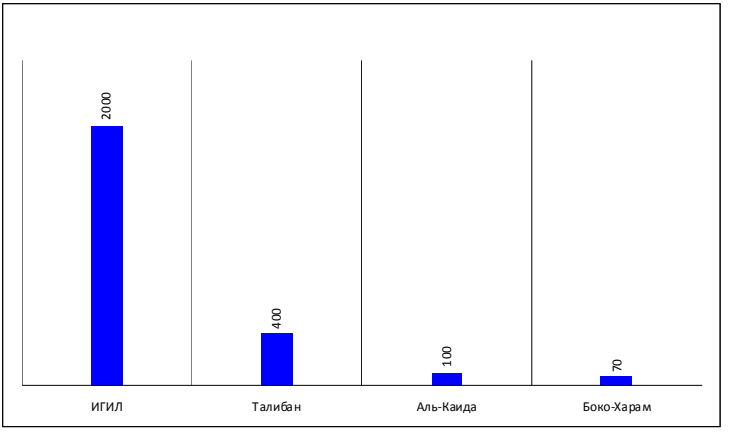

Рис. 1. Бюджет исламистских террористических группировок в 2014 г., млн долл.

Источник: Составлена автором по материалам программы «Вести. Экономика» от 23.06.2014 [12].

Российские и международные эксперты выделяют различные источники финансирования «Исламского государства». Достаточно широкий перечень такого рода источников приводит Е.С. Бирюков [2, с. 6–30]. Он выделяет в качестве основных наркоторговлю, рэкет, конфискации, торговлю людьми, артефактами и сырьем, офшорные инвестиции, деятельность исламских банков, дотации из средств благотворительных фондов и спонсорство отдельных лиц. Последний пункт также нашел отражение в докладе, представленном Кристин Духайме [16, с. 3], специалистом по противодействию коррупции и финансированию терроризма. Как отмечает Духайме, «согласно данным Министерства финансов США, первичным источником финансирования "Исламского государства" выступают индивидуальные собственники и организации из Катара и Кувейта».

А.В. Федорченко и А.В. Крылов, описывая финансово-экономическую систему ИГИЛ, называют пять основных источников получения прибыли: традиционные исламские системы налогов и денежных переводов, законная финансовая деятельность, нелегальный теневой бизнес и экспроприация [10].

Мы предлагаем систематизировать вышеперечисленные источники, взяв за основу классификации два критерия: локация получения дохода и правомерность источника финансирования. Объединение этих критериев позволяет выделить четыре группы (см. табл. 1).

Таблица 1

ИСТОЧНИКИ ПОЛУЧЕНИЯ ДОХОДА «ИСЛАМСКИМ ГОСУДАРСТВОМ»

1. Легальные внутренние – *закят* (регулярные обязательные отчисления верующих в рамках исламской системы налогообложения) – *садака* (добровольные жертвования верующих на благотворительные нужды)	**2. Легальные внешние** – *хаваля* (мусульманская система денежных переводов исламскими банками)
3. Нелегальные внутренние – *экспроприация* (отчуждение собственности путем захвата или принудительной сдачи)	**4. Нелегальные внешние** – *теневой бизнес* (наркоторговля, продажа нефти)

Источник: Составлено автором по опубликованным материалам [2; 16; 10].

Информационные ресурсы. Наконец, третий фактор устойчивости ИГИЛ – эффективная пропагандистская деятельность, в результате которой ряды боевиков неустанно пополняются молодежью. Пропаганда неосуществима без двух основных компонентов: идеологии и технологии. ИГИЛ обладает обоими этими компонентами.

Идеология «Исламского государства» представляет собой набор тезисов салафитского толка, в которых предлагается исламский вариант социального возрождения в условиях системного социально-политического, экономического и идеологического кризисов. Исследователи Д.И. Моторин и В.Д. Коваленко отмечают, что, несмотря на идеалистическую направленность, идеологии ИГИЛ – «ввиду практической ориентированности на обнищавшие в результате войн слои населения» – присущ консолидирующий потенциал [7].

Современные технологии (средства обработки и передачи информации) выступают главным инструментом распространения идеологии. Первостепенную роль в этом играют социальные сети. Как отметил Муваффака аль-Рубаи, бывший член иракского Управляющего совета, занимавший с 2004 по 2009 г. должность советника по национальной безопасности Ирака, «благодаря твиттеру и фейсбуку 30 тыс. солдат иракских сил безопасности бросили оружие, сняли с себя военную форму и без боя оставили Мосул» [6].

Таким образом, борьба с ИГИЛ представляет собой сложный многоаспектный процесс, состоящий из нескольких взаимосвязанных аспектов: социально-идеологического, экономического и военно-политического, который будет наиболее подробно рассмотрен в данной статье.

Если до 2013 г. группировка насчитывала около 4 тыс. человек, то по данным журнала «Economist», опубликованным в июне 2014 г., на стороне ИГИЛ воевали не менее 11 тыс. человек [19]. Из них от 3 до 5 тыс. находятся в Сирии и 6 тыс. – в Ираке. Таким образом, именно эти две страны выступают основными театрами военных действий.

* * *

Ирак. Ирак можно назвать «малой родиной» ИГИЛ, поскольку именно с этой страной связан период становления организации. После свержения режима Саддама Хусейна в 2003 г. радикальные исламисты получили возможность беспрепятственного проникновения на территорию Ирака. В 2006 г. семь разрозненных группировок суннитского толка объединились в «Совещательное собрание моджахедов» (другое название «Совет моджахедов шуры»), а после того, как к ним примкнули еще четыре организации, 15 октября 2006 г. было объявлено о создании «Исламского государства Ирака» (ИГИ), впоследствии пополнявшегося рядом мелких группировок. ИГИ выступало за очищение ислама и освобождение Ирака от западной антитеррористической коалиции. В 2013 г. название группировки поменялось на «Исламское государство в Ираке и Шаме» (термин Левант является латинизированным аналогом арабского понятия аш-Шам, под которым подразумевается регион, объединяющий территорию Ливана, Сирии, Палестины и части Иордании), что подчеркивало планы дальнейшей экспансии террористов.

Мировое сообщество стало воспринимать организацию всерьез, когда летом 2014 г. ИГИЛ начала наступление на север Ирака, а к осени того же года контролировала уже около 45% территории страны. За несколько месяцев были взяты крупные города, в числе которых Мосул (третий по величине город-миллионер в Ираке, административный центр провинции Найнава) и Киркук (центр одноименной провинции, богатой нефтеносными месторождениями). Меньше чем за год группировка исламистов распространила свое влияние в «суннитском треугольнике», состоящем из шести провинций. Условные «вершины» этого «треугольника» на севере Ирака в Эр-Рамади, Тикрите и в центральной части страны в Багдаде.

Можно выделить несколько причин, объясняющих достижение столь масштабных военных успехов за короткий промежуток времени.

Умелое использование внутрирелигиозных противоречий. В Ираке ставка была сделана на недовольство части суннитских племен, проживающих на севере. Они были недовольны тем, что руководящие посты в стране сконцентрированы в руках шиитов, ущемляющих их права. Главными сторонниками ИГИЛ в Ираке являются «баасисты», т.е. выходцы из партии «Баас», которая лишилась статуса «правящей» и была запрещена после свержения Саддама Хусейна. Дебаасификация затронула в первую очередь офицеров-суннитов бывшей саддамовской армии, не допускавшихся к службе в новых вооруженных силах. В то же время в поддержке со стороны «баасистов» оказалось заинтересованным руководство ИГИ. Оно начало активно привлекать на свою сторону представителей бывшей иракской военной элиты, выдвигая их на «ключевые посты в Военном совете группировки» [4, с. 29–30]. Это способствовало реорганизации ИГИ и созданию внутри нее полноценных боеспособных армейских структур. Так, в январе 2014 г. «баасистами» был основан «Главный военный совет иракских революционеров», силы которого сыграли решающую роль при захвате городов Фалуджа и Рамади.

Стратегически верно выбранное направление удара. Как уже было отмечено выше, «Исламское государство» распространило свое влияние в пределах «суннитского треугольника», т.е. той части территории Ирака, где преобладающим является суннитское население. Выбор этого района был обоснован не только его конфессиональной характеристикой, но и важным стратегическим значением «вершин треугольника». Тикрит, центр провинции Салах-эд-Дин, является малой родиной Саддама Хусейна. Костяк Вооруженных сил составляют бывшие «саддамовцы» – а значит, взятие города было символом, вдохновившим террористов на дальнейшие победы. Не менее важным является контроль над провинцией Анбар, центр которой расположен в городе Эр-Рамади. Как отмечает сотрудник Института Ближнего Востока Ю.Б. Щегловин, эта территория «является своеобразной “реперной точкой”» [11]. Поскольку через Анбар проходит 90% логистических коридоров

материально-технического снабжения, контроль над провинцией означает не только фактическое кураторство над всем «суннитским треугольником», но и единство ирако-сирийского фронта.

Непрерывное пополнение ресурсов, или «эффект снежного кома». Первые два пункта можно рассматривать как причины первоначальных успехов ИГИЛ в военной сфере. Вместе с тем они оказали косвенное воздействие на запуск «эффекта снежного кома»: ресурсы, переходившие в руки исламистов после обретения контроля над иракскими территориями, формировали прочную материальную базу для дальнейшего продвижения в глубь страны. Взятие Мосула, например, означало получение контроля над нефтяными месторождениями и, следовательно, расширение структуры теневого бизнеса. Кроме того, как отмечает Б.В. Долгов, боевикам удалось захватить большое количество вооружения американского производства, брошенного Иракской армией в ходе отступления. Стоит также учесть человеческий ресурс, непрерывно пополняющийся как за счет добровольцев, так и за счет пленных. В итоге «Исламское государство» смогло позволить себе ведение боевых действий не только на Иракском, но и на Сирийском фронтах.

Сирия. Уже более пяти лет события в Сирии формируют современную военно-политическую повестку дня. Вспыхнувшие в 2011 г. антиправительственные волнения достаточно быстро разрослись до полномасштабной гражданской войны, а с вмешательством сил международной коалиции и активизацией террористических структур этот клубок противоречий стал еще более запутанным.

Можно выделить четыре «пласта» конфликта (рис. 2)

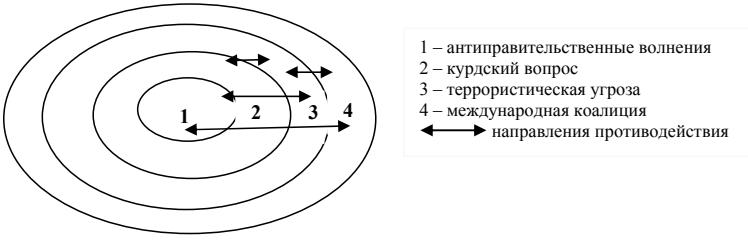

Рис. 2. «Пласты» конфликта в Сирии

Источник: Составлено автором.

Как видно из рис. 2, после вторжения на территорию Сирии в 2014 г. боевики «Исламского государства» ведут боевые действия одновременно на трех направлениях: во-первых, ИГИЛ, поддерживая оппозицию, противостоит

законному правительству страны во главе с Башаром Асадом; во-вторых, мощное сопротивление исламистам оказывают сирийские курды, и наконец с терроризмом борется международная коалиция. В то же время за 2014–2015 гг. исламисты смогли достичь значительных результатов: совместно с антиправтельствами силами ИГИЛ контролировало 80% территории страны, в том числе город Ракка, выбранный столицей непризнанного государства.

Успешность «Исламского государства» в Сирии имела под собой следующие основания.

Поддержка суннитского населения. Распределение власти с учетом этнорелигиозных признаков является одной из причин гражданской войны в Сирии. Как и в Ираке, боевики «Исламского государства» опирались на суннитское население страны. Захваченные районы отдаленной провинции Ракка были населены преимущественно мусульманами-суннитами и не оказывали должного сопротивления.

Бездействие международной коалиции. В период распространения ИГИЛ на территории Сирии ведущие страны НАТО во главе с США не предпринимали активных действий, чтобы противостоять этому наступлению. Напротив, международная коалиция оказывала поддержку всем оппозиционным силам, выступавшим за свержение сирийского президента Башара Асада.

С 2014 по 2015 г. коалиция во главе с США смогла освободить лишь около 1% контролируемой «Исламским государством» территории, а 170 нанесенных американскими ВВС авиаударов по позициям исламистов на севере Ирака поразили менее 100 боевиков [3, с. 27]. До вмешательства России в конфликт результаты борьбы с ИГИЛ были весьма скромными.

По оценкам специалистов, территория, контролируемая ИГИЛ, уменьшается. По данным HIS Markit [20], в январе 2015 г. «Исламское государство» оккупировало 90 800 км^2. За год этот показатель снизился на 15%, составив 78 000 км^2. За первые девять месяцев 2016 г. боевики потеряли еще порядка 14% занимаемой территории, всё же сохранив за собой около 65 500 км^2 в Ираке и Сирии (площадь, сопоставимая с территорией Шри-Ланки). Эти потери во многом стали результатом активизация деятельности международной коалиции, но в первую очередь Российской Федерации, помогающей Иракской и Сирийской армиям в борьбе с терроризмом.

* * *

Помимо международной коалиции, задействованной на обоих фронтах, в соответствии с театрами военных действий выделяются еще две основные группы противодействующих «Исламскому государству» сил (см. табл. 2).

Таблица 2

ПРОТИВНИКИ «ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА»

Противники ИГ в Ираке	*Противники ИГ в Сирии*	*Международная коалиция*
• Иракская армия «американского образца» • Иракская армия «иранского образца» (шиитская милиция) • «Пешмерга» (Вооруженные силы Иракского Курдистана)	• Сирийские вооруженные силы во главе с Б. Асадом • Силы народной самообороны • «Хезболла» (ливанская шиитская группировка) • Партия Демократического единства (сирийские курды)	• Россия • США + страны – союзники Персидского залива (Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ, Бахрейн, Иордания) • Иран («Корпус стражей исламской революции» и добровольцы)

Источник: Составлена автором.

Как видно из таблицы 2, ИГИЛ противостоит достаточно мощный блок, включающий две ядерные державы и военные силы локального значения. Однако, несмотря на достигнутые успехи, коалиция продвигается по территориям, оккупированным ИГИЛ, медленно. Сложившаяся ситуация объясняется не только мощью противника, но и политическими противоречиями внутри блока. Рассмотрим несколько конфликтных осей.

США – Ирак – Иран. Соединенные Штаты Америки являются одним из ключевых игроков на Ближнем Востоке. Стратегия их деятельности базируется на идее глобального лидерства. Эта стратегия продиктована прагматичным подходом к анализу политической ситуации в регионе.

Действия США в отношении Ирака стали одной из причин, спровоцировавшей затянувшийся иракский кризис. После вторжения в Ирак в 2003 г. и свержения Саддама Хусейна США способствовали приходу во власть Нури ал-Малики, представителя шиитской общины. После того как новый премьер-министр решает проводить политику сближения с Ираном, претендентом на лидерство в регионе, США сделали ставку на оппозиционные силы, наиболее боеспособными из которых стало «Исламское государство».

Примечательно, что в 2014 г., в период расцвета ИГИЛ, в Ираке спровоцирован новый правительственный кризис: в результате давления оппозиции и США вынужден уйти в отставку Нури ал-Малики. Временное ослабление центральной власти в стране позволило боевикам «Исламского государства» получить дополнительное время для наращивания боеспособности.

США и западная коалиция – Свободная армия Сирии – Сирийское правительство – страны Персидского залива – Иран – Россия. В Сирии террористическая угроза является лишь одним из пластов общей конфликтогенной зоны. На рисунке 2 показано, что силы международной коалиции задействованы не только в борьбе с «Исламским государством», но и в разрешении внутрисирийского конфликта. В данном процессе обнаруживаются

сразу несколько сторон, соперничающих за влияние в регионе: США vs Россия, Саудовская Аравия vs Иран.

С момента перерастания народных волнений в гражданскую войну Запад выступает на стороне сирийской оппозиции. Такой же позиции придерживаются нефтедобывающие страны Персидского залива (Саудовская Аравия, Кувейт, Катар), предложившие оппозиционной Асаду «Свободной сирийской армии» создать тренировочную базу на своей территории. Единодушие в данном вопросе неслучайно. Дестабилизация обстановки в Сирии является важным фактором сдерживания амбиций Ирана.

Для России укрепление позиций в Средиземном море является важной стратегической задачей, а единственная военная база, позволяющая это сделать, расположена в Тартусе. Смена дружественного нашей стране режима вряд ли позволила бы России сохранить позиции в этом регионе. В то же время для России в Сирии главным является нивелирование террористической угрозы.

Приход к власти исламистов, выступающих на стороне оппозиции, может нанести значительный урон национальной безопасности России. Как отмечает директор Центра изучения стран Ближнего Востока и Центральной Азии С.А. Багдасаров, «значительная часть тех, кто воюет там – узбеки, таджики и так далее, – были завербованы среди гастарбайтеров, которые работали на территории России» [1, с. 134]. Даже если представители перечисленных национальностей вернутся не в Россию, а на родину, потенциальная угроза для нашей страны по-прежнему будет сохраняться. Возвращение этих людей в бывшие центральноазиатские советские республики, по-прежнему тесно связанные с Россией, вполне может создать в этих республиках ситуацию хаоса. Кроме того, радикально настроенные молодые люди могут вернуться и в Россию – в поисках работы.

США и западная коалиция – Ирак – Иракский Курдистан – Турция. Наиболее боеспособной силой в Ираке является курдское вооруженное формирование «Пешмерга», бойцы которого сдерживают «Исламское государство» на линии фронта в провинции Киркур. Иракским курдам западная коалиция во главе с США оказывает активную поддержку, поставляя военное снаряжение и гуманитарную помощь, проводя совместные учения. В частности, с сентября 2014 г. Германия направила «Пешмерге» более 2 тыс. т оружия на сумму 90 млн евро. В настоящий момент около 150 немецких военнослужащих базируются в Эрбиле, столице Иракского Курдистана, и решением бундесвера тренировочная миссия будет продлена до 2018 г. [13].

На фоне усиления связей с западной коалицией всё более напряженными становятся отношения Иракского Курдистана с Ираком. В результате краха режима Саддама Хусейна курды получили значительную автономию и намерены провести референдум о независимости. Безусловно, официальный

Багдад выступает против подобных стремлений, но периодически возникающие столкновения (как, например, в 2016 г. между курдскими силами и шиитскими ополченцами) лишь накаляют обстановку. В феврале 2017 г. во время встречи с немецкой делегацией премьер-министр Регионального правительства Курдистана (КРГ) Нечирван Барзани заявил, что «кроме военной координации между КРГ и иракским федеральным правительством в текущей операции в Мосуле, в связях между ними не произошло никаких других улучшений» [14].

В независимости Иракского Курдистана заинтересованы США и страны ЕС, поскольку с отделением Эрбиля (столицы Иракского Курдистана) от Багдада они получают возможность, во-первых, еще больше ослабить Ирак, а во-вторых, создать в регионе лояльное своей политике государство. Есть вероятность, что данный шаг спровоцирует «эффект домино»: вслед за иракскими курдами о своей независимости могут заявить сирийские и турецкие курды. Последние составляют значительную общину в Турции. При этом власти Турции придерживаются политики неоосманизма и единства страны, ведут борьбу с Рабочей партией Курдистана. Соответственно, вполне вероятно, что курдский вопрос может стать «яблоком раздора» между Турцией и ее союзниками по НАТО.

Таким образом, в борьбе с «Исламским государством» участники коалиции руководствуются в первую очередь собственными политическими интересами в регионе. Подобный подход значительно уменьшает эффективность совершаемых действий. Кроме того, даже в случае победы над главным источником террористической угрозы велика вероятность возникновения конфликтов между участниками коалиции. А это, в свою очередь, создает благоприятные условия для возрождения и усиления ИГ. Поэтому важной составляющей борьбы с «Исламским государством» является выработка четкой стратегии послевоенного устройства в регионе, главным образом в Ираке и Сирии, а также решение курдского вопроса.

Библиография

1. Багдасаров С.А. Ближний Восток: Вечный конфликт. М.: Издательство «Э», 2016. 288 с.

2. Бирюков Е.С. Финансовые пружины международного терроризма и его угроза безопасности терроризма. Ключевые источники финансирования терроризма. Часть 1 // Обозреватель – Observer. 2016. № 1 (312). С. 6–30.

3. Долгов Б.В. «Исламское государство»: Причины возникновения и перспективы // Арабский кризис: Угрозы большой войны / Под общей ред. А.М. Васильева; отв. ред. А.Д. Саватеев, А.Р. Шишкина. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 16–29.

4. Тарасевич Е.А. Исламское возрождение иракской партии «Баас» // Арабский кризис: Угрозы большой войны / Под общей ред. А.М. Васильева; отв. ред. А.Д. Саватеев, А.Р. Шишкина. М.: ЛЕНАНД, 2016.

5. Куприянов А. Возвращение халифа. Как «Аль-Каида» случайно восстановила Исламский халифат и что из этого вышло // Lenta.ru. 2014. URL: https://lenta.ru/articles/2014/09/11/isis/ (Дата обращения: 29.09.2016.)

6. Майкл Вайсс, Хасан Хасан. Обаяние жестокости и радикализма // Россия в глобальной политике. 2015. № 5. URL: http://globalaffairs.ru/number/Obayanie-zhestokosti-i-radikalizma-17740 (Дата обращения: 29.01.2017.)

7. Моторин Д.И., Коваленко В.Д. Специфика информационной борьбы запрещенных в России террористических организаций «Аль-Каида» и ИГИЛ // Научный журнал «Общество: Политика, экономика, право». 2016. № 5. URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/ pep/2016/5/politics/motorin-kovalenko.pdf (Дата обращения: 29.01.2017.)

8. Сидорчик А. Это – война. Пять крупнейших терактов в Европе в 2015–2016 гг. // Аргументы и факты. 2016. URL: http://www.aif.ru/society/safety/eto_-_voyna_pyat_krupneyshih_teraktov_evrope_v_2015-2016_godah (Дата обращения: 24.08.2016.)

9. Столповский О. Феномен «Исламского государства», или Очередной Франкенштейн на мировой арене. Интервью с экспертом по вопросам Ближнего Востока Арминэ Акопяном // Интернет-портала Antiterrortoday.com. 2014. URL: http://antiterrortoday.com/ru/eksklyuziv/5856-fenomen-islamskogo-gosudarstva-ili-ocherednoj-frankenshtejn-na-mirovoj-arene (Дата обращения: 24.08.2016.)

10. Федорченко А.В., Крылов А.В. Феномен «Исламского государства» // Вестник МГИМО. 2015. № 2 (41). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-islamskogo-gosudarstva (Дата обращения: 29.01.2017.)

11. Щегловин Ю.Б. Ирак: О ситуации в провинции Анбар // Институт Ближнего Востока. 2015. URL: http://www.iimes.ru/?p=24351 (Дата обращения: 15.02.2017.)

12. 7 самых богатых террористических группировок в мире // Вести. Экономика. Эфир от 23.06.2014. URL: http://www.vestifinance.ru/articles/44210 (Дата обращения: 12.11.2016.)

13. Германия продолжит военное обучение Пешмерга в 2017 г. // RIATAZA. 2017. URL: http://riataza.com/2017/01/13/germaniya-prodolzhit-voennoe-obuchenie-peshmerga-v-2017-godu/ (Дата обращения: 15.02.2017.)

14. Премьер-министр Курдистана провел совещание с немецкой делегацией // KURDISTAN.RU. 2017. URL: http://kurdistan.ru/2017/02/03/news-28477_Premer-ministr_Kurdistana_provel_soveschanie_s_nemeckoy_delegaciey.html (Дата обращения: 15.02.2017.)

15. Global Terrorism Index 2015: Measuring and understanding the impact of terrorism // Institute for Economics and Peace, 2015. URL: http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/11/2015-Global-Terrorism-Index-Report.pdf (Дата обращения: 24.08.2016.)

16. Christine Duhaime. Terrorist Financing and the Islamic State // Duhaime Law. 2015. P. 3. URL: http://www.duhaimelaw.com/wp-content/uploads/2015/04/White-Paper-Terrorist-Financing-Methods1.pdf (Дата обращения: 24.08.2016.)

17. Lianna Brinded. The ISIS economy pulls in $80 million A MONTH in revenue for the terror group // Business Insider. 2015. URL: http://www.businessinsider.com/how-much-and-how-isis-makes-money-2015-12 (Дата обращения: 07.11.2016.)

18. Richard Spencer. How Isil make their money // Financial Times. 2015. URL: http://www.telegraph.co.uk/news/2016/03/18/how-isil-make-their-money/ (Дата обращения: 12.11.2016.)

19. Two Arab countries fall apart // The Economist. 2014. URL: http://www.economist.com/news/middle-east-and-africa/21604230-extreme-islamist-group-seeks-create-caliphate-and-spread-jihad-across (Дата обращения: 12.11.2016.)

20. Islamic State Caliphate Shrinks by 16 Percent in 2016 // IHS Markit, 2016. URL: http://news.ihsmarkit.com/press-release/aerospace-defense-security/islamic-state-caliphate-shrinks-16-percent-2016-ihs-markit- (Дата обращения: 15.02.2017.)

References

Bagdasarov S.A. Blizhnij Vostok: Vechnyj konflikt. Moscow: Izdatel'stvo «Je», 2016. 288 p.

Birjukov E.S. Finansovye pruzhiny mezhdunarodnogo terrorizma i ego ugroza bezopasnosti terrorizma. Kljuchevye istochniki finansirovanija terrorizma. Chast' 1 // Obozrevatel' – Observer. 2016. N 1 (312). P. 6–30.

Dolgov B.V. «Islamskoe gosudarstvo»: Prichiny vozniknovenija i perspektivy // Arabskij krizis: Ugrozy bol'shoj vojny / Pod obshhej red. A.M. Vasil'eva; otv. red. A.D. Savateev, A.R. Shishkina. Moscow: LENAND, 2016. P. 16–29.

Tarasevich E.A. Islamskoe vozrozhdenie irakskoj partii «Baas» // Arabskij krizis: Ugrozy bol'shoj vojny / Pod obshhej red. A.M. Vasil'eva; otv. red. A.D. Savateev, A.R. Shishkina. Moscow: LENAND, 2016. P. 30–29.

Kuprijanov A. Vozvrashhenie halifa. Kak «Al'-Kaida» sluchajno vosstanovila Islamskij halifat i chto iz jetogo vyshlo // Lenta.ru. 2014. URL: https://lenta.ru/articles/2014/09/11/isis/ (Data obrashhenija: 29.09.2016.)

Majkl Vajss, Hasan Hasan. Obajanie zhestokosti i radikalizma // Rossija v global'noj politike. 2015. N 5. URL: http://globalaffairs.ru/number/Obayanie-zhestokosti-i-radikalizma-17740 (Data obrashhenija: 29.01.2017.)

Motorin D.I., Kovalenko V.D. Specifika informacionnoj bor'by zapreshhjonnyh v Rossii terroristicheskih organizacij «Al'-Kaida» i IGIL // Nauchnyj zhurnal «Obshhestvo: Politika, jekonomika, pravo». 2016. N 5. URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/pep/2016/5/politics/motorin-kovalenko.pdf (Data obrashhenija: 29.01.2017.)

Sidorchik A. Jeto – vojna. Pjat' krupnejshih teraktov v Evrope v 2015–2016 godah // Argumenty i fakty. 2016. URL: http://www.aif.ru/society/safety/eto_-_voyna_pyat_krupneyshih_teraktov_evrope_v_2015-2016_godah (Data obrashhenija: 24.08.2016.)

Stolpovskij O. Fenomen «Islamskogo gosudarstva», ili ocherednoj Frankenshtejn na mirovoj arene. Interv'ju s jekspertom po voprosam Blizhnego Vostoka Arminje Akopjanom // Internet-portala Antiterrortoday.com. 2014. URL: http://antiterrortoday.com/ru/eksklyuziv/5856-fenomen-islamskogo-gosudarstva-ili-ocherednoj-frankenshtejn-na-mirovoj-arene (Data obrashhenija: 24.08.2016.)

Fedorchenko A.V., Krylov A.V. Fenomen «Islamskogo gosudarstva» // Vestnik MGIMO. 2015. N 2 (41). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-islamskogo-gosudarstva (Data obrashhenija: 29.01.2017.)

Shheglovin Ju.B. Irak: O situacii v provincii Anbar // Institut Blizhnego Vostoka. 2015. URL: http://www.iimes.ru/?p=24351 (Data obrashhenija: 15.02.2017.)

7 samyh bogatyh terroristicheskih gruppirovok v mire // Vesti. Jekonomika. Efir ot 23.06.2014. URL: http://www.vestifinance.ru/articles/44210 (Data obrashhenija: 12.11.2016.)

Germanija prodolzhit voennoe obuchenie Peshmerga v 2017 godu // RIATAZA. 2017. URL: http://riataza.com/2017/01/13/germaniya-prodolzhit-voennoe-obuchenie-peshmerga-v-2017-godu/ (Data obrashhenija: 15.02.2017.)

Prem'er-ministr Kurdistana provel soveshhanie s nemeckoj delegaciej // KURDISTAN.RU. 2017. URL: http://kurdistan.ru/2017/02/03/news-28477_Premer-ministr_Kurdistana_provel_soveschanie_s_nemeckoy_delegaciey.html (Data obrashhenija: 15.02.2017.)

Global Terrorism Index 2015: Measuring and understanding the impact of terrorism // Institute for Economics and Peace, 2015. URL: http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/11/2015-Global-Terrorism-Index-Report.pdf (Data obrashhenija: 24.08.2016.)

Christine Duhaime. Terrorist Financing and the Islamic State // Duhaime Law. 2015. P. 3. URL: http://www.duhaimelaw.com/wp-content/uploads/2015/04/White-Paper-Terrorist-Financing-Methods1.pdf (Data obrashhenija: 24.08.2016.)

Lianna Brinded. The ISIS economy pulls in $80 million A MONTH in revenue for the terror group // Business Insider. 2015. URL: http://www.businessinsider.com/how-much-and-how-isis-makes-money-2015-12 (Data obrashhenija: 07.11.2016.)

Richard Spencer. How Isil make their money // Financial Times. 2015. URL: http://www.telegraph.co.uk/news/2016/03/18/how-isil-make-their-money/ (Data obrashhenija: 12.11.2016.)

Two Arab countries fall apart // The Economist. 2014. URL: http://www.economist.com/news/middle-east-and-africa/21604230-extreme-islamist-group-seeks-create-caliphate-and-spread-jihad-across (Data obrashhenija: 12.11.2016.)

Islamic State Caliphate Shrinks by 16 Percent in 2016 // IHS Markit, 2016. URL: http://news.ihsmarkit.com/press-release/aerospace-defense-security/islamic-state-caliphate-shrinks-16-percent-2016-ihs-markit (Data obrashhenija: 15.02.2017.)

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

И.К. Богомолов

РУССКИЕ ПОДДАННЫЕ В АВСТРО-ВЕНГРИИ И ГЕРМАНИИ В ИЮЛЕ–ОКТЯБРЕ 1914 г.

Аннотация. *В статье анализируется положение русских подданных, в августе 1914 г. застигнутых мировой войной на территории Германии и Австро-Венгрии. Показано противоречивое отношение к русским властей и местных жителей, основные причины перемен в положении русских к началу сентября 1914 г. Доказана значительная роль сюжета о «мытарствах» русских подданных в Центральных державах для конструирования образа врага в прессе и общественном мнении России периода Первой мировой войны.*

Ключевые слова: *Россия, Германия, Австро-Венгрия, Первая мировая война, русские туристы, образ врага.*

Богомолов Игорь Константинович – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИНИОН РАН.

I.K. Bogomolov. Russian Citizens in Austria-Hungary and Germany in July-October 1914

Abstract. *The article analyzes the state of Russian citizens, caught by the World War in Germany and Austria-Hungary in August 1914. It studies a controversial attitude of the authorities and local citizens to Russians and the main reasons that changed their position by the early September, 1914. A significant role of the plot about the «ordeals» of Russian citizens in the Central Powers in creating the image of the enemy in press and public opinion of Russia during the First World War has been proved.*

Keywords: *Russia, Germany, Austria-Hungary, World War I, Russian tourists, the image of the enemy.*

Bogomolov Igor Konstantinovitch – candidate of Historical sciences, Research scientist of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of sciences (INION RAS).

Проблемы военного плена и интернирования вражеских подданных в годы Первой мировой войны привлекают большое внимание современных исследователей. Одна из главных причин – совершенно исключительные масштабы и последствия войны 1914–1918 гг. Даже если учесть дискуссионность вопроса о том, относится ли Первая мировая война к разряду «тотальных» [25], ее важнейшая роль в «тотализации» военных конфликтов новейшей эпохи не вызывает сомнений [30, с. 4]. В числе основных признаков этого процесса было вовлечение в войну самых широких слоев населения. Совершенно новыми были и пути, по которым война входила в жизнь человека. Все большее значение приобретала национальная идентификация, отводившая на второй план «подданство» как формальный признак принадлежности к империи. В 1914 г. большую популярность приобрел взгляд на разразившуюся войну как на столкновение народов, наций и даже рас, вследствие чего зона конфронтации изначально выходила за пределы фронтов и охватывала глубокий тыл воюющих государств. Борьба с «внутренним врагом», расцвет шпиономании и шовинизма привели к тому, что представитель «вражеской» нации не мог чувствовать себя в безопасности в своей родной стране. Тем не менее начало войны не заставило принять необходимых мер предосторожности тех, кто жил и работал на территории новых врагов своей «исторической» родины [31]. Так, в России не спешили закрываться немецкие магазины, газеты, журналы, общества и школы. Среди «русских немцев» поначалу бытовала уверенность, что они как русские подданные имеют полное право оставаться и спокойно жить в России [15, с. 208–209]. Схожие настроения были и у русских туристов, встретивших войну на территории Германии и Австро-Венгрии.

Судьба русских путешественников во вражеских государствах практически обойдена вниманием исследователей. Это приводит к двум крайностям при разработке темы. Одни авторы рассматривают материалы о «немецких зверствах» над русскими едва ли не как доказанные факты, не требующие критического осмысления [33]. Другие исследователи ставят под сомнение саму возможность полноценного исследования темы ввиду того, что подавляющее большинство источников по сути своей необъективны и тенденциозны. В связи с этим стоит отметить, что еще с 1914–1915 гг. источниковая база за редкими исключениями практически не меняется [36]. В 2014–2015 гг., к 100-летию войны, дело ограничилось переизданием некоторых пропагандистских книг и брошюр, в которых затронут сюжет о «мытарствах» русских за границей, но лишь частично и в соответствии со стоявшей тогда задачей демонизации врага [4]. Бóльшая же часть воспоминаний и дневниковых записей русских туристов 1914 г. по теме до сих пор не использовались.

Между тем взгляды русских путешественников на свое пребывание во вражеских странах, на политику правительств и отношение местного населе-

ния различны, а иногда – диаметрально противоположны. Разница во взглядах, при учете личности рассказчика и характера самого источника (формат и задачи издания, его политическую направленность, характер отношений с властями и т.д.), позволяет увидеть многообразную и противоречивую, но целостную картину событий. Исследование данного сюжета важно еще и потому, что именно русские туристы первыми ощутили на себе процессы «тотализации» войны, почувствовав себя «врагом» еще до начала боевых действий и шовинистических кампаний. Фактор «русских шпионов» оказал прямое воздействие на политику властей и настроения общества в Германии. В России же слухи о жестоком обращении немцев с беззащитными соотечественниками стали основанием для переоценки смысла и характера мирового конфликта.

Летний сезон 1914 г. протекал спокойно и в очередной раз подтвердил исключительную популярность в русском обществе немецких и австрийских курортов. Только Карлсбад накануне войны принимал ежегодно десятки тысяч туристов из России [19, с. 52]. В этот период в германских и австрийских городах находились на учебе, гастролях, соревнованиях и в командировках русские студенты, писатели, артисты, музыканты и спортсмены. Выставки и конференции привлекали тысячи туристов и специалистов по разным отраслям знаний. В первой половине 1914 г. только по организованным Обществом распространения технических знаний (ОРТЗ) поездкам Германию и Австро-Венгрию посетили 3148 человек, в том числе Берлин – 1019 человек, Вену – 1214 [45, с. 15]. Значительную часть русского «представительства» в Германии и Австро-Венгрии составляли рабочие, каждое лето пересекавшие границу в поисках сезонной работы. По приблизительным данным, к 1 августа 1914 г. только на территории Германии находились около 250 тыс. русских рабочих [39, с. 241], в основном занятых на полевых работах в пограничных районах Восточной Пруссии. Большое число прибывших из России трудились на различных должностях в австрийских и германских городах и курортах.

Для многих русских подданных срочный незапланированный отъезд зачастую был связан с большими трудностями. Показательна в этом отношении история с русскими шахматистами на международном турнире, начавшемся накануне войны в немецком городе Мангейме. Представители России лидировали в двух группах любителей, А. Алёхин возглавлял турнир мастеров. По словам знаменитого гроссмейстера, слухи об ухудшении международной обстановки русскую делегацию особенно не тревожили, и предупреждению русского консула в Мангейме о серьезности положения поверили немногие. Большинство же предпочло продолжить турнир и не отвлекаться на «посторонние вещи» [7]. Среди сторонников этой тактики были и немецкие

гроссмейстеры. Так, легендарный шахматист Зигберт Тарраш, даже на фоне начавшейся в Германии мобилизации, настаивал на продолжении игры, ссылаясь на аналогичное решение организаторов турнира в Баден-Бадене во время франко-прусской войны 1870 г. [26, с. 43].

Значительная часть туристов отправилась за границу в последний месяц мира, нередко – в последние его недели и дни [36, с. 75]. Кратчайший путь в Париж через Берлин выбрал в эти дни и русский посол во Франции А.П. Извольский, так же поступали и многие другие чиновники и представители высшей знати [17, с. 90]. Для каждого из них «все было, в сущности, ясно: назревал международный конфликт. Но сердце упорно не хотело не только принять его, но поверить в его возможность» [14, с. 144].

Публиковавшиеся в немецких и австрийских газетах новости были зачастую крайне противоречивы, но, казалось, что очередной кризис вновь «заболтают дипломаты» [28]. Убеждения немцев и австрийцев в разорительности и бессмысленности войны слышались «со всех сторон, в вагонах, ресторанах, в разговорах между знакомыми» [4, с. 26]. Многие путешественники стали свидетелями многотысячных антивоенных манифестаций, которые только укрепляли веру, что «и на этот раз» война не примет общеевропейских масштабов [4, с. 35]. Эти надежды усиливали и «шовинистические выступления», имевшие «вид, очень далекий от чего-то серьезного, с чем действительно следовало бы считаться» [29, с. 11]. Именно так воспринял произошедшее незадолго до войны сожжение на площади в Киссингене макета Кремля генерал А.А. Брусилов. Брусиловы испытали «тяжелые впечатления от… немецкой наглости», но не собирались прерывать лечение, так как «еще не отдавали себе настоящего отчета о положении вещей» [2, с. 48]. Решение о выезде из Германии Брусилов принял только 28 июля 1914 г. вопреки заверениям князя Ф.Ф. Юсупова в том, что войны не будет [2, с. 48].

Особенно сильно разницу в настроениях прессы и основной массы населения чувствовали туристы. Судя по их воспоминаниям, обстановка на курортах не только не менялась, но наоборот, под «бодрый оптимизм немецких официозов», становилась еще более располагающей [46]. В результате многие отдыхающие до последнего не поддавались на уговоры своих осторожных соотечественников и отказывались покидать курорты, так как попросту не видели причин для «бегства» [49, с. 5]. В этом их всячески поддерживали хозяева курортов и отелей, не заинтересованные в разгар сезона потерять значительную часть клиентов. Администрация отелей гарантировала своим гостям полную безопасность и заботу о них «чуть ли не именем австрийского правительства» [3, с. 103]. Постояльцы с готовностью внимали этим словам, будучи уверены, что «Вильгельм с Николаем расцелуются, и большой войны не будет» [20, с. 128]. Это отражалось и на настроениях в России. Между тем управляющий генкосульством России в Вене Е.С. Протопопов в своем докладе

в МИДе отметил, что сразу после объявления Австрией ультиматума Сербии австрийцы практически перестали запрашивать визы в Россию. Но русские туристы «с непонятной беспечностью все продолжали прибывать на территорию Австрийской империи» [27, с. 426].

Последние июльские дни 1914 г. заставили русских туристов обратить гораздо более серьезное внимание на международное положение в Европе. Быстро распространялись слухи о срочном выезде находившихся в Австро-Венгрии и Германии высших сановников, крупных банкиров и членов императорской фамилии. Даже размеренная курортная жизнь не могла оградить туристов от многочисленных манифестаций, нарастающего беспокойства на улицах и на вокзалах; невозможно было игнорировать и «воинственные» газетные заголовки. Уже 31 июля немецкие и австрийские банки начали отказывать в обмене валюты и выдаче денежных переводов из России, в то время как запасы наличных марок у многих туристов быстро таяли.

Туристов задерживали и слухи о крайне напряженной ситуации на железнодорожном транспорте, о переполненных поездах, панике и неразберихе на вокзалах. Осложнился и выбор направления выезда на родину. Наиболее безопасным считался путь через Швейцарию и Италию, однако он включал не только железнодорожные, но и морские переправы. Тех, кто все же решился на путешествие по Средиземному морю и по нейтральной территории, ждали переполненные вокзалы, пристани и гостиницы, отсутствие билетов на пароходы и поезда [45, с. 45]. Вторым вариантом был проезд по железной дороге через Берлин и Восточную Пруссию. Этот путь стоил дешевле и был гораздо быстрее и привычнее для русских путешественников: граница с Германией в отличие от границы с Австрией еще не была закрыта [43, с. 55]. Как пишет журналист И.Н. Холчев, он решил вместе с другими русскими туристами поехать в Берлин, «рассудив, что там… мы скорее найдем охрану и достанем билеты до России» [3, с. 102]. Однако это преимущество Берлина обернулось для русских еще большими трудностями. С 30 июля по 1 августа в немецкой столице скопились десятки тысяч русских подданных, фактически они парализовали работу центрального вокзала. В результате большинство из них не успели воспользоваться последними прямыми поездами в Россию и оказались в одном из важнейших центров германской мобилизации. Те, кто сумел выехать по направлению к пограничному русскому городу Александрову, в большинстве случаев задерживались в Торне и других восточно-прусских городах. Известный историк Н.И. Кареев, к примеру, считал удачей тот факт, что был задержан в Дрездене, а не в Берлине, где, «конечно, попал бы на несколько дней в тюрьму» [4, с. 12].

Отказ русских туристов покидать вражеские государства был зачастую связан с их откровенным нежеланием менять свои планы [49, с. 5]. Для многих из них это была первая поездка в Европу, редкая возможность «вырваться

из ограниченного мира… своего медвежьего уголка России» [45, с. 17]. К тому же они были уверены, что немцы и австрийцы не допустят грубого обращения с теми, кто к войне никакого отношения не имеет. «Ведь есть же разум и совесть не только у людей, но и у народов. Ведь в двадцатом веке мы, наконец, живем!», – воспроизводил свои эмоции в тот момент юрист Н.П. Карабчевский [17, с. 22]. Мысль о том, что «если бы даже и война, то ведь все же мы живем в XX веке», разделяла в эти дни и Л. Гуревич [14, с. 145].

Однако германские и австрийские власти видели ситуацию по-другому: прежде всего они не хотели дать возможность выехать в Россию военным, в том числе отставным. Границы были закрыты и для тысяч мужчин призывного возраста – рабочих, служащих, моряков. Многие из них получили статус военнопленных и покинули Германию и Австро-Венгрию только уже после войны.

Массовый и быстрый выезд русских был возможен только при постоянном сообщении с Данией, Швейцарией и Италией, однако власти этих стран не собирались жертвовать подвижным составом. Редкие пассажирские поезда после 1 августа передвигались в основном только по территории Германии и Австро-Венгрии. Но в них попасть было почти невозможно. «В купе ехало по 15–20 человек, всю дорогу стояли даже в уборных, некоторых втаскивали в окошки, тогда как других новые волны беглецов выталкивали с занятых мест на платформу», – вспоминал застигнутый войной в германии философ Б.А. Гуревич [13, с. 123].

Сложившаяся на железных дорогах обстановка серьезно беспокоила германские и австрийские власти: во-первых, пассажирские составы затрудняли ход мобилизации, а во-вторых, существовала опасность, что за границу сумеют выехать обладатели военных тайн и ценных сведений. Нельзя сказать, что к подобному развитию событий не готовились, полиция и контрразведка располагали достаточной информацией о находившихся в Германии и Австро-Венгрии военных чинах, агентах, «враждебно настроенных» иностранных журналистах. Многие из них были арестованы практически сразу после начала войны [39, с. 240]. Но, например, военному атташе в Берлине полковнику П.А. Базарову удалось выехать из Германии вместе с русским посольством.

Особое опасение у немцев вызывали русские подданные. С одной стороны, среди них могли находиться шпионы и диверсанты, с другой – значительную часть составляли женщины и дети, а большинство мужчин в силу возраста и состояния здоровья не могли быть призваны даже в тыловые части. Противоречивость и непоследовательность действий немцев бросалась в глаза многим путешественникам [53]. Неоднократными были случаи, когда в течение дня туристы получали разрешение на выезд от одного чиновника, но через некоторое время задерживались другим [16].

Тем не менее стремление максимально засекретить мобилизационные мероприятия и не допустить утечки важной информации побуждали немцев принимать самые решительные меры. Уже 2–3 августа 1914 г. германские и австрийские власти начали препятствовать выезду всех вражеских подданных, включая женщин и детей. Формально эти задержки могли быть временными, но решение оставалось за конкретными чиновниками или полицейскими и зависело от многих субъективных факторов.

Значительное влияние на отношение к вражеским подданным оказывала усиливающаяся шпиономания. Призывая граждан к ловле шпионов, все воюющие правительства стремились резко поднять «патриотические» настроения. Ситуация в Германии и Австро-Венгрии в этом смысле имела свои особенности. Согласно популярной в предвоенной Германии теории «вражеского окружения» [52, с. 100], вероломному нападению на Центральные державы[1] предшествовала активная разведывательная деятельность противников, и в этом смысле большое количество застигнутых войной за границей русских приходилось для властей очень кстати.

Немецкая и австрийская печать активно распространяла слухи о наличии разветвленной шпионской сети, подготовленной Петербургом для срыва мобилизации в стане своих противников. Особенно сильно это сработало в Берлине, где к 1 августа 1914 г. скопилась значительная масса русских подданных, которые к тому же предпочитали действовать и передвигаться по городу группами. Места их наибольшего скопления (здания посольств и консульств, берлинский магистрат, полиция) были хорошо известны и служили «настоящей ловушкой» для полиции и городской толпы [45, с. 63]. Результатом стали многочисленные уличные инциденты, избиения, принудительная доставка «русских шпионов» в полицейские участки. Нападению на улицах Берлина подверглись чины русского посольства, отъезжавшие из Германии [27, с. 719]. Попытки укрыться в отелях также были в большинстве случаев безуспешны: среди местного населения быстро распространялись сведения о местах проживания русских. В воспоминаниях неоднократно описывалось, как их забрасывали камнями, как громили отели и пансионы, где останавливались туристы из России [17, с. 98].

Захлестнувшая Германию шпиономания быстро вышла из-под контроля властей и стала создавать больше проблем, чем пользы. Пресса стран Антанты публиковала анекдотичные истории о поиске по всей Германии машины, «набитой русским золотом», о стрельбе в городах по облакам, принятым за дирижабли, и по звездам, принятым за вражеские световые сигналы [42]. Даже если учесть, что эти истории в основном были преувеличением или пропа-

1. В годы Первой мировой войны Центральными державами обычно называли Германию и Австрию.

гандистским мифом, они в определенной степени отражали настроения в немецком обществе. Убежденность в засилии вездесущих русских и английских шпионов разделяли и властные верхи, требовавшие от местных гражданских и военных чинов особой бдительности. В результате «до выяснения обстоятельств» в тюрьмы попадали не только мужчины, но и женщины, причем нередко их разделяли с мужьями и детьми [45, с. 63]. Предлогом для ареста могли послужить прогулки по городу, находка при обыске отрывков писем и просто «подозрительный вид» [17, с. 94]. Аресту подверглись самые разные люди, в обычной жизни объединенные разве что только национальной принадлежностью. «А кого только нет среди нас! Князь, граф, барон, тайный советник, камер-юнкер, члены Государственной думы…», – вспоминал С. Знаменский свое пребывание в Ростоке [45, с. 93].

Нельзя сказать при этом, что местные чиновники и военные арестовывали русских исключительно из-за своей ненависти к ним. «Я не думаю.., чтобы тут было намеренное издевательство со стороны властей, – полагал Н.И. Кареев, – ибо видел.., как им самим хотелось бы поскорее нас сплавить» [18, с. 102]. Решающее значение имело стремление «выслужиться» и боязнь прослыть в глазах начальства и населения слишком «мягким» по отношению к врагам [5]. А вот туристка А.И. Страхович, например, отмечала, что на желании русских выехать из Германии «нагревали руки» многие немецкие чиновники.

Благосклонность официальных лиц далеко не всегда объясняется только материальными мотивами. Так, утром 3 августа 1914 г. в полицию Вены за советом, «как быть нам, русским эмигрантам», обратился Л.Д. Троцкий. Там ему сообщили, что со дня на день выйдет приказ об аресте всех без исключения сербов и русских. По совету полицейских и с помощью лидера австрийских социал-демократов Виктора Адлера в тот же день Троцкий выехал в Швейцарию [50, с. 231]. В отличие от Троцкого, В.И. Ленин не избежал репрессий австрийских властей. Находившийся к началу войны в галицийской деревне Поронин, Ленин был обвинен местным старостой в шпионаже в пользу России и 8 августа арестован. Подозрительность старосты сочеталась с настроениями местных жителей, для которых Ленин в первую очередь был русским, а не борцом с царизмом. При обыске ленинской квартиры жандармский вахмистр принял статистические данные в статье по аграрному вопросу за шифрованную запись [11, с. 17].

В тюрьме городка Новый Тарг (Галиция) Ленин не только обдумывал «задачи и тактику партии большевиков» [23, с. 559], но и направил письмо директору краковской полиции с просьбой «во избежание недоразумений» подтвердить, что он является политическим эмигрантом и социал-демократом [24, с. 2]. Австрийская полиция изначально давала понять, что удерживать Ленина нет никаких оснований и его освобождение было вопросом времени [11, с. 18]. Тем не менее соратникам следовало торопиться: об

аресте Ленина стало известно петербургскому градоначальству, которое обязало штаб Юго-Западного фронта в случае занятия Нового Тарга передать Ленина русской полиции [22, с. 150]. 11 августа Н.К. Крупская обратилась за помощью к В. Адлеру. Обращение не осталось без внимания, Адлер дважды ходатайствовал за Ленина перед министром внутренних дел Австро-Венгрии. Уже через десять дней после ареста Ленин был освобожден «за отсутствием оснований для возбуждения судебного преследования», уехал в Краков, а затем, без особых препятствий, – в нейтральную Швейцарию [23, с. 482]. Австрийское правительство справедливо рассудило, что на свободе «Ульянов смог бы оказать большие услуги при настоящих условиях» [21, с. 161].

Если заинтересованность Берлина и Вены в русских социал-демократах объяснима, то некоторые другие случаи освобождения из германского плена остались для современников загадкой. Проходивший в Германии курс лечения от тяжелой болезни юрист и философ Б.А. Гуревич так описывал процедуру своего осмотра специальной комиссией: «Больных… принимают сурово, недоверчиво, чахоточных считают годными к военной службе, близоруким объясняют, что они годны в офицеры. Редко кому удается получить желанную бумагу – негоден к службе, может выехать из Германии. И мы ведем бумажную войну… сочиняем изумившие бы нас самих в другое время доводы» [13, с. 129]. Шахматист Ф. Богатырчук на подобной комиссии «начал врать с таким бесстыдством, какого доселе никогда в себе не замечал», заявив об обморожении пальцев на ногах и боли в животе после игры в футбол. К своему большому удивлению, он получил разрешение на выезд, притом, что некоторые его коллеги-шахматисты, негодные к службе, вынуждены были остаться в Германии [26, с. 45]. По воспоминанию Н.П. Карабчевского, некоторым русским призывного возраста «стоило немалых денег», чтобы комиссия «нашла» у них различные болезни, при этом ни заключение комиссии, ни даже отметка в паспорте «выезд разрешается» не гарантировали выезд [17, с. 122].

Неоднозначно оценивали русские туристы и отношение к себе рядовых немцев и австрийцев. С одной стороны, в воспоминаниях и свидетельствах приводится множество примеров проявлений враждебности населения к русским. Многих туристов не только избивали на улицах, но и выселяли из отелей и пансионов, отказывали в обслуживании. Презрение к себе русские туристы испытывали со стороны официантов, лакеев, лавочников, еще неделю назад бывших вежливыми и почтительными [40]. С другой стороны, были и примеры помощи, защиты от полиции и толпы. За долгую и сложную дорогу домой русские путешественники неоднократно встречали в Германии и Австрии «проявления истинно человеческой чуткости, и трогательные, побеждающие действительность, отношения» [13, с. 116]. Однако об этих случаях приходилось упоминать «как о чем-то особенном» [49, с. 41].

В основном же речь шла не столько о враждебности, сколько о безразличии [9]. Большинство немцев не хотели участвовать в избиениях ни в чем не повинных людей, но при этом боялись обвинений в пособничестве врагу. Поэтому помощь была, как правило, скрытой и спонтанной [45, с. 90].

Вместе с тем большинство хозяев отелей и пансионатов – для кого русский туризм был доходным делом – поначалу не только не выгоняли русских гостей, но всячески уговаривали их остаться, однако волна шпиономании и ежедневные уличные манифестации все же сделали свое дело. В первые дни августа 1914 г. русские подданные повсеместно столкнулись со стремлением хозяев избавиться от них. Главным предлогом стала неспособность многих гостей оплачивать дальнейшее проживание. Тем же, кто мог платить, откровенно говорили о боязни репрессий со стороны властей и улицы [17, с. 104]. Случалось, что владельцы использовали все доступные средства, чтобы оставить русских у себя [49, с. 45].

К концу своего первого месяца война становилась обыденностью, победы уже не вызывали у немцев и австрийцев первоначальных восторгов, постепенно менялось и отношение местных жителей [45, с. 100]. На первый план выходили экономические проблемы, вследствие чего шпиономания и вообще интерес к русским пошли на убыль. В немалой степени этому способствовали власти, которые в сентябре 1914 г. значительно ослабили контроль над вражескими подданными [36, с. 75]. Н.И. Кареев признавал: «Правительственное удостоверение, что мы не лазутчики и не отравители, сделало свое дело, и мимо нас люди проходили равнодушно, когда мы несколько забывались и говорили на родном языке» [18, с. 93].

В результате оставшиеся в Германии и Австро-Венгрии русские подданные возвращались к жизни, в общих чертах похожей на довоенную. Прежде всего они получили возможность поселиться где им угодно и свободно перемещаться по улицам. Правила пребывания вражеских подданных по-разному трактовались в разных городах и местностях. Если в Ростоке обязательным условием была только ежедневная отметка в комендатуре в 8 часов вечера, то, например, в Гамбурге русские не имели права собираться на улице группами, говорить в публичных местах на русском языке и уезжать из города без особого на то разрешения. Исключение составляли только поездки во Франкфурт для посещения местного испанского консульства. Малейшее отклонение от этих правил грозило тюремным заключением [17, с. 75].

Однако вместе с облегчением режима немецкие и австрийские власти практически полностью сняли с себя попечение о вражеских подданных (за исключением военнопленных). Магистраты отказывали в предоставлении пособий, мотивируя это большим количеством нуждающихся среди местных жителей [45, с. 62]. Чтобы заработать, женщины устраивались горничными и нянями, некоторые уходили в больницы и приюты для бедных [17, с. 63].

В ответ на свалившиеся беды русские стали объединяться для взаимной помощи и поддержки. Так, в Ростоке группа из нескольких сотен русских создала совет старост, распределявший «хлебный фонд» для поддержки малоимущих, общую кассу, куда стали поступать денежные переводы из России. Задержанные в Ростоке организовали небольшую библиотеку, шахматный кружок и курсы по изучению английского языка, выпустили даже один номер рукописного журнала под названием «Пленник» [45, с. 96]. Бедность и нужда заставляли «отбрасывать всякие предрассудки», учиться стирать, шить, самостоятельно вести хозяйство. «Непривычные к физическому труду, мы страшно уставали от этого и тратили времени гораздо больше, чем надо... Заправской прачке, вероятно, противно было бы смотреть на мою работу», – вспоминала свою жизнь в германской столице А.И. Страхович [49, с. 65].

Защиту интересов России и ее подданных в Германии и Австро-Венгрии взяла на себя нейтральная Испания. Испанские посольства в Берлине и Вене, а также консульства в других городах вели сбор информации о русских подданных, ходатайствовали об их освобождении из заключения, о переводе им денег и выезде на Родину [37, с. 68]. В решении этих трудных задач испанские дипломаты в Центральных державах изначально столкнулись с огромными организационными трудностями, нехваткой людей и средств. В первые дни войны посольство Испании посещали сотни русских подданных, для многих из них это было буквально последнее пристанище.

Во многом благодаря активной деятельности испанских дипломатов уже в начале августа 1914 г. в Петербурге были получены по телеграфу первые списки находящихся во вражеских государствах русских подданных. МИД публиковал эти материалы, всего было четыре списка, датированные периодом с 26 июля по 30 сентября 1914 г. (по старому стилю). Первый список оказался самым внушительным по объему: только в отделе «Германия» перечислено более 2500 человек. Помимо имени и фамилии (нередко – только фамилии) указывалось место нахождения человека и запрашиваемая им сумма. Последующие списки уменьшались по мере выезда русских подданных на Родину. Так, в четвертом списке в отделе «Германия» числится только 355 человек, при этом больше половины отмечены как выехавшие, часть мужчин отмечена как «военнопленные», некоторые помечены как раненые и умершие. Списки увеличивались только в отделе «Дания» вследствие организованного массового выезда из Германии через эту нейтральную страну. Не уменьшались и списки находившихся в Бельгии и Швейцарии; туда многие русские сумели выбраться самостоятельно, однако на дальнейший путь не хватало средств, которые и запрашивались с указанием адреса и счета. В последних двух списках помещалось уже больше информации, например «здоров, Париж, вступил в иностранный полк» [48, с. 32], «здоровье лучше в настоящее время, благодарит за деньги» [48, с. 2].

Помощь оказывалась и из России. Ю.Я. Соловьев, до августа 1914 г. служивший советником русского посольства в Мадриде, после начала войны был переведен в Петербург. В МИДе ему было поручено возглавить справочный стол для оповещения близких и родственников оставшихся в Германии и Австро-Венгрии русских [27, с. 361]. Соловьев вынужден был отказаться от личных встреч и завел систему коллективных приемов, так как большинству «приходилось говорить почти одно и то же, к сожалению, малоутешительное» [47, с. 257]. Но со временем Соловьеву удалось наладить дело, и каждый задержанный во вражеских странах русский подданный мог теперь ежемесячно получать до 300 руб., в исключительных случаях пересылалось 500 руб. В первый же день открытия этих операций родные и близкие перечислили справочному столу около 45 тыс. руб. [47, с. 258].

Тем временем в самой Германии русские делали попытки самоорганизации и взаимодействия с дипломатами и властями. На второй день войны Н.И. Кареев и группа русских туристов в Дрездене попросили о помощи местного испанского консула, однако тот сослался на отсутствие распоряжений из посольства и признался, что он «как немец» оказывать помощь русским не собирается [18, с. 91]. Обратившись в испанское посольство в Берлине, Кареев получил в ответ «официозное письмо», согласно которому вся судьба русских подданных находится исключительно в руках немцев [18, с. 94]. Тогда Кареев обратился к своему коллеге, немецкому историку профессору Теодору Шиману, известному своими антирусскими высказываниями [52, с. 80]. Тем не менее Шиман с готовностью откликнулся на просьбу и сообщил о ситуации в имперскую канцелярию [18, с. 97]. 9 августа 1914 г. Кареев выехал в Берлин для участия в совещании по поводу судьбы русских подданных в Германии. На совещании в здании «Дойче банка» присутствовали около 30 человек, среди которых были, в частности, издатель И.А. Ефрон, князь Д.И. Бебутов, инженер Ф.Е. Енакиев, член Думы А.И. Чхенкели. Помимо именитых русских в специально образованную комиссию вошли немецкие ученые – Т. Шиман, доктор права Бернгард Кан, историки Гуго Симон и Эдвард Фукс. Они значительно облегчили работу с магистратами, комендатурами и отдельными чиновниками. На первом заседании комиссии было решено создать два комитета: для сбора денег и для их распределения между русскими подданными в виде пособий.

Во многом благодаря работе комиссии уже к середине августа 1914 г. вопрос о массовом выезде русских из Германии был принципиально решен Берлином. Для обсуждения организационных вопросов на расширенном совещании от комиссии были представлены Кареев, Енакиев, Кан, Симон и Фукс. Они составили свои списки отъезжающих и порядок распределения мест и билетов, согласно которому каждый поезд состоял из вагонов трех классов, на 400 мест в I и II классах, и на 800 – в III классе. Каждый пассажир

I класса должен был оплатить проезд двух пассажиров III класса, а каждый пассажир II класса – по одному пассажиру III класса. Так предполагалось увезти наибольшее количество людей в одном поезде. Однако уже на начальном этапе в распределение вмешалась берлинская комендатура. Были значительно изменены и списки отъезжающих, многих перевели на более поздние сроки отправления. Так, по замыслу Кареева, с первым поездом должны были уехать 130 учительниц – экскурсанток ОРТЗ, однако в составленном комендатурой списке их осталось только 55, причем билет действовал не до Петербурга, как планировалось, а только до шведского города Евле. Жалобы и протесты русских членов комиссии не принимались: их попросту не пускали в комендатуру [18, с. 100].

Несмотря на все организационные трудности и препятствия 23 августа первый «русский» поезд отправился из Берлина. С собой запрещалось провозить фотоаппараты, любые бумаги и письма. Позднее специальные составы с русскими стали уходить и из других городов Германии. К середине осени 1914 г. большая часть русских подданных – женщин, детей и мужчин, не подлежавших призыву, – выехала с территории Германии и Австро-Венгрии [27, с. 488].

Однако каким бы ни был путь на Родину, он в большинстве случаев сопровождался сильнейшим стрессом, психологическими и физическими травмами. Важно отметить, что на представления русских о «мытарствах» и «мучениях» большое влияние оказывали имущественное положение и социальный статус. Привыкшие к совершенно другому отношению, состоятельные и именитые русские подданные зачастую преувеличивали враждебность к себе со стороны немцев и недооценивали морально-психологический эффект от начала войны. Для этой части русских туристов, и вообще для женщин и стариков «немецкими зверствами» были не только физическое воздействие (избиения, насилие, закидывание камнями и т.п.), но и разнообразные формы «издевательств» и морального унижения [6]. С особым недовольством в русской прессе сообщалось, к примеру, о задержке поезда вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, или об «умышленном курении» немецких солдат в купе великого князя Константина Константиновича [8].

Воспоминания рядовых туристов зачастую либо не были записаны, либо оставались на страницах дневников. В лучшем случае их свидетельства были опубликованы позднее, в конце 1914 – начале 1915 г., в различных сборниках и малотиражных изданиях.

Попытки документально подтвердить факты жестокого обращения с русскими туристами начались только с середины 1915 г. Эта задача была возложена на созданную 4 мая 1915 г. «Комиссию для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками» – Чрезвычайную следственную комиссию (ЧСК). Формально ЧСК должна была

получать сведения о военных преступлениях от армейского командования, бывших военнопленных, а также от отдельных лиц, находившихся в Германии и Австро-Венгрии после начала войны. Однако на практике командование из соображений секретности не спешило делиться с Комиссией сведениями [1, с. 41]. Не проявили большой активности и сами путешественники: в фонде ЧСК обнаружены всего два дела – о пребывании в германском плену русского консула в Кёнигсберге З.М. Поляновского и члена Думы А. Алёхина [44]. Обращение ЧСК за свидетельствами именно к ним объясняется тем, что Поляновский и Алёхин были выпущены значительно позднее основной части русских подданных (в октябре 1915 и начале 1916 гг. соответственно).

Возвращение основной части русских подданных из Германии и Австро-Венгрии происходило на фоне роста германофобии в русской прессе и в обществе в целом. Постепенно менялись акценты в интерпретации истоков и причин начала войны: от кайзера и его окружения вина за развязывание конфликта перекладывалась на весь немецкий народ. Ведущую роль в этом играли националистические издания («Новое время», «Свет», «Голос Руси», «Московские ведомости» и др.) [38]. В этом смысле сюжет о жестоком обращении с русскими туристами в Германии пришелся очень кстати и попал на благодатную почву. На примерах отношения немцев к русским туристам доказывалось, что война изначально выходила за рамки армий и фронтов, «спустилась» на бытовой уровень и вообще была не обычным конфликтом между правителями, а «решающей битвой славянства и германизма» [12].

Соответствующей была и репрезентация сюжета о русских в Германии: всеобщее «озверение» немцев и практическое отсутствие фактов доброжелательного отношения или помощи [34]. Опубликованные в националистической прессе воспоминания туристов нередко подвергались правке и сокращению, предпочтение отдавалось тем рассказам и отдельным местам из них, которые «содержат негатив по отношению к Германии» [51, с. 181]. В таком же виде свидетельства русских туристов попадали на страницы пропагандистских книг и брошюр о «немецких зверствах». Характерна структура большинства из этих изданий: в начале повествования обязательно упоминались «мытарства» русских в Германии и Австро-Венгрии и только затем следовали военные преступления армий. Благодаря этому складывалась прямая сюжетная и логическая связь: «немец», еще недавно участвовавший в издевательствах и насилиях над русскими туристами, отправляется на фронт, где совершает аналогичные преступления. Именно поэтому «зверства» преподносились как «немецкие», и совершали их «немцы», под которыми подразумевались и военные, и гражданское население.

Однако не вся русская печать участвовала в этой «демонизации» немецкого народа. Ведущие либеральные издания («Русское слово», «Речь», «Русские ведомости», «День» и др.) изначально считали войну порождением

германского милитаризма [35]. Нападки на немцев исключительно за их национальную принадлежность эти газеты считали необоснованными и несправедливыми. Нараставшей антинемецкой истерии они противостояли в том числе с помощью публикации тех воспоминаний, где нередко встречались примеры доброжелательного отношения немцев к русским туристам [10]. Несогласие с огульным обвинением немцев и австрийцев в преступлениях их правительств высказывалось и в обществе. Так, М.М. Пришвин 13 августа 1914 г. оставил следующую запись в дневнике: «Приехал [Лев] Шестов (из Германии. – *И. Б.*) и подтвердил все мои соображения и предчувствия.., что никаких особенных зверств нет, просто тяжелое путешествие в военное время» [41, с. 84].

Германофобия стремительно охватывала русское общество. К началу сентября 1914 г. в прессе разгорелись серьезные дискуссии, в которых сторону «националистической» интерпретации характера войны занимало все большее число либеральных журналистов. Один из них, В.Г. Тардов (Т. Ардов) на страницах газеты «Утро России» признавал: «Мы воюем… не с правительством… не с “измами”, присущими германскому “рейху”, а с народом, который породил все эти феномены» [32]. В этой перемене настроений, в росте германофобии и последовавшей затем борьбе с «немецким засильем» важнейшую роль сыграла судьба десятков тысяч русских подданных, застигнутых Мировой войной в тылу вражеских государств.

Библиография

1. Асташов А.Б. Нарушение законов и обычаев на Русском фронте Первой мировой (по материалам российской Чрезвычайной следственной комиссии) // Новая и новейшая история. 1914. № 2. С. 35–46.
2. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Вече, 2013. 286 с.
3. Быховский В.В. Немецкие зверства (рассказы потерпевших и очевидцев). М.: С.Ф. Гришин, 1914. 104 с.
4. В немецком плену. М.: ГПИБ, 2015. 221 с.
5. В Ростоке // Русские ведомости. 1914. 5 сентября.
6. В стране дикарей // Новое время. 1914. 14 августа.
7. Вечернее время. 1914. 13 октября.
8. Вечерняя хроника // Новое время. 1914. 8 августа.
9. Возвращение на родину // Русские ведомости. 1914. 6 августа.
10. Впечатления о Германии накануне объявления войны // Русские ведомости. 1914. 6 августа.
11. Ганецкий Я.С. О Ленине: Отрывки из воспоминаний. М.: Партиздат, 1933. 79 с.
12. Германская культура // Новое время. 1915. 9 апреля.
13. Гуревич Б.А. В плену // Русская мысль. 1915. Кн. 2.
14. Гуревич Л. Возвращение домой // Русская мысль. 1914. Кн. 10.
15. Дённингхаус В. Революция, реформа и война. Немцы Поволжья в период заката Российской империи. М.: РОССПЭН, 2015. 327 с.
16. Зверства немцев // Новое время. 1914. 12 августа.

17. Карабчевский Н.П. Мирные пленники. В курортном плену у немцев. Пг.: Тип. Т-ва Екатерингоф. печ. дела, 1915. 132 с.

18. Кареев Н.И. В недавнем плену у немцев // Русские записки. 1914. № 1. С. 89–103.

19. Крючков И.В. Карлсбад: Взлет и падение имперского курорта // Туризм и культурное наследие: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. Вып. 5. С. 45–53.

20. Кудрявцев Ф. Повесть о моей жизни. СПб.: Звезда, 2014. 316 с.

21. Ленин в жизни: Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков. М.: ОЛМА-Пресс, 2004. 637 с.

22. Ленин в Италии, Чехословакии, Польше: Памятные места. М.: Изд-во полит. литературы, 1986. 171 с.

23. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 26. М.: Изд-во полит. литературы, 1969. 707 с.

24. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 49. М.: Изд-во полит. литературы, 1964. 591 с.

25. Магадеев И.Э. Первая мировая как тотальная война // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 3–16.

26. Мангейм-1914 // Шахматы в СССР. 1991. № 11.

27. Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сборник документов / Министерство иностранных дел Российской Федерации. Тула: Аквариус, 2014. 960 с.

28. Мобилизованная Европа // Современное слово. 1914. 19 июля.

29. Могиленский Е.А. Дневник заложника: 7 месяцев плена в Карлсбаде. Пг.: Тип. «Двигатель», 1915. 226 с.

30. Нагорная О.С. Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии / Дис… д-ра ист. наук. Челябинск, 2011.

31. Накануне // Современное слово. 1914. 18 июля.

32. Наше мщение // Утро России. 1914. 27 августа.

33. «Немецкая армия… может конкурировать с воинами каннибалов» // Военно-исторический журнал. 1998. № 3. С. 21–31.

34. Озверевшие немцы // Новое время. 1914. 11 августа.

35. Охота на немцев // Русские ведомости. 1914. 12 октября.

36. Паликова Т.В. М.В. Танский о пребывании русских в Германии в начале Первой мировой войны // Вестник Бурятского университета. 2014. № 7. С. 74–78.

37. Петрова А.А. Посредническая и гуманитарная деятельность Испании в годы Первой мировой войны в восприятии российской общественности (по материалам газеты «Новое время» за 1914–1917 гг.) // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 3. С. 68–73.

38. Письма к ближним // Новое время. 1914. 27 сентября.

39. Плохотнюк Т.А. Российско-германские трансграничные перемещения населения (1871–1925 гг.): Историко-компаративный анализ. Дис… доктора ист. наук. Ставрополь, 2004.

40. Претерпевшие в Германии ученицы гимназии // Новое время. 1914. 13 октября.

41. Пришвин М.М. Дневники. 1914–1917. СПб.: Росток, 2007. 604 с.

42. Прокламация штутгартского полицмейстера // Новое время. 1914. 11 сентября.

43. Резанов А.С. Немецкие зверства. Пг.: М.А. Суворин, 1914. 220 с.

44. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13159. Оп. 4. Д. 222, 860.

45. Русские учителя за границей. Возвращение домой. М., 1915.

46. С последним поездом // Речь. 1914. 29 июля.

47. Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. М.: Соцэкгиз, 1959. 415 с.

48. Список русских подданных, застигнутых войной за границей. Вып. 4 (с 13 по 30 сентября 1914 года). Пг.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1914. 44 с.

49. Страхович А.И. В Берлине во время войны. Пг.: Жен. тип., 1914. 88 с.

50. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М.: Панорама, 1991. 624 с.

51. Филимонов В.А. Н.И. Кареев и Первая мировая война: Взгляд очевидца и рефлексия историка // Образ войн и революций в исторической памяти: Материалы Междунар. науч. конф., Пятигорск, 24–25 апреля 2009 г. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. С. 178–186.

52. Цимбаев К.Н. Великая Германия. Формирование немецкой национальной идеи накануне Первой мировой войны. М.: РГГУ, 2015. 258 с.

53. Черная книга о жестокости немецкой. Пг.: Тип. «Грамотность», 1915. 96 с.

54. Якубовский М.И. 190 дней в Чертовой башне. Впечатления и переживания пленного русского чиновника в Вене. Пг.: Библиотека Великой войны, 1915. 80 с.

References

Astashov A.B. Narushenie zakonov i obychaev na Russkom fronte Pervoj mirovoj (po materialam rossijskoj Chrezvychajnoj sledstvennoj komissii) // Novaja i novejshaja istorija. 1914. N 2. P. 35–46.

Brusilov A.A. Moi vospominanija. M., 2013. 286 p.

Byhovskij V.V. Nemeckie zverstva (rasskazy poterpevshih i ochevidcev). M.: S.F. Grishin, 1914. 104 p.

Chernaja kniga o zhestokosti nemeckoj. Petrograd: Tip. «Gramotnost'», 1915. 96 p.

Cimbaev K.N. Velikaja Germanija. Formirovanie nemeckoj nacional'noj idei nakanune Pervoj mirovoj vojny. Moscow: RGGU, 2015. 258 p.

Djonninghaus V. Revoljucija, reforma i vojna. Nemcy Povolzh'ja v period zakata Rossijskoj imperii. Moscow: ROSSPJeN, 2015. 327 p.

Filimonov V.A. N.I. Kareev i Pervaja mirovaja vojna: Vzgljad ochevidca i refleksija istorika // Obraz vojn i revoljucij v istoricheskoj pamjati: Materialy Mezhdunar. nauch. konf., Pjatigorsk, 24–25 aprelja 2009 g. Pjatigorsk: PGLU, 2009. P. 178–186.

Ganeckij Ja.S. O Lenine: Otryvki iz vospominanij. Moscow: Partizdat, 1933. 79 p.

Germanskaja kul'tura // Novoe vremja. 1915. 9 aprelja.

Gurevich B.A. V plenu // Russkaja mysl'. 1915. Kn. 2.

Gurevich L. Vozvrashhenie domoj // Russkaja mysl'. 1914. Kn. 10.

Jakubovskij M.I. 190 dnej v Chertovoj bashne. Vpechatlenija i perezhivanija plennogo russkogo chinovnika v Vene. Petrograd: Biblioteka Velikoj vojny, 1915. 80 p.

Karabchevskij N.P. Mirnye plenniki. V kurortnom plenu u nemcev. Pg: Tip. T-va Ekateringof. pech. dela, 1915. 132 p.

Kareev N.I. V nedavnem plenu u nemcev // Russkie zapiski. 1914. N 1. P. 89–103.

Krjuchkov I.V. Karlsbad: Vzlet i padenie imperskogo kurorta // Turizm i kul'turnoe nasledie: Mezhvuz. sb. nauch. tr. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2008. Vyp. 5. P. 45–53.

Kudrjavcev F. Povest' o moej zhizni. Saint-Petersburg, 2014. 316 p.

Lenin v Italii, Chehoslovakii, Pol'she: Pamjatnye mesta. Moscow, 1986. 171 p.

Lenin v zhizni: Sistematizirovannyj svod vospominanij sovremennikov, dokumentov jepohi, versij istorikov. Moscow: OLMA-Press, 2004. 637 p.

Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: V 55 t. T. 26. Moscow: Izd-vo polit. literatury, 1969. 707 p.

Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: V 55 t. T. 49. Moscow: Izd-vo polit. literatury, 1964. 591 p.

Magadeev I.Je. Pervaja mirovaja kak total'naja vojna // Novaja i novejshaja istorija. 2014. N 4. P. 3–16.

Mangejm-1914 // Shahmaty v SSSR. 1991. N 11.

Ministerstvo inostrannyh del Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny: Sbornik dokumentov / Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii. Tula: Akvarius, 2014. 960 p.

Mobilizovannaja Evropa // Sovremennoe slovo. 1914. 19 ijulja.

Mogilenskij E.A. Dnevnik zalozhnika: 7 mesjacev plena v Karlsbade. Petrograd: Tip. «Dvigatel'», 1915. 226 p.

Nagornaja O.S. Rossijskie voennoplennye Pervoj mirovoj vojny v Germanii / Dis… d-ra ist. nauk. Cheljabinsk, 2011.

Nakanune // Sovremennoe slovo. 1914. 18 ijulja.

Nashe mshhenie // Utro Rossii. 1914. 27 avgusta.

«Nemeckaja armija… mozhet konkurirovat' s voinami kannibalov» // Voenno-istoricheskij zhurnal. 1998. N 3. P. 21–31.

Ohota na nemcev // Russkie vedomosti. 1914. 12 oktjabrja.

Ozverevshie nemcy // Novoe vremja. 1914. 11 avgusta.

Palikova T.V. M.V. Tanskij o prebyvanii russkih v Germanii v nachale Pervoj mirovoj vojny // Vestnik Burjatskogo universiteta. 2014. N 7. P. 74–78.

Petrova A.A. Posrednicheskaja i gumanitarnaja dejatel'nost' Ispanii v gody Pervoj mirovoj vojny v vosprijatii rossijskoj obshhestvennosti (po materialam gazety «Novoe vremja» za 1914–1917 gg.) // Obshhestvo. Sreda. Razvitie. 2015. N 3. P. 68–73.

Pis'ma k blizhnim // Novoe vremja. 1914. 27 sentjabrja.

Plohotnjuk T.A. Rossijsko-germanskie transgranichnye peremeshhenija naselenija (1871–1925 gg.): Istoriko-komparativnyj analiz. Dis… doktora ist. nauk. Stavropol', 2004.

Preterpevshie v Germanii uchenicy gimnazii // Novoe vremja. 1914. 13 oktjabrja.

Prishvin M.M. Dnevniki. 1914–1917. Saint-Petersburg: Rostok, 2007. 604 p.

Proklamacija shtutgartskogo policmejstera // Novoe vremja. 1914. 11 sentjabrja.

Rezanov A.S. Nemeckie zverstva. Petrograd: M.A. Suvorin, 1914. 220 p.

Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA). F. 13159. Op. 4. D. 222, 860.

Russkie uchitelja za granicej. Vozvrashhenie domoj. Moscow, 1915.

S poslednim poezdom // Rech'. 1914. 29 ijulja.

Solov'ev Ju.Ja. Vospominanija diplomata. Moscow, 1959. 415 p.

Spisok russkih poddannyh, zastignutyh vojnoj za granicej. Vyp. 4 (s 13 po 30 sentjabrja 1914 goda). Petrograd: Tip. V.F. Kirshbauma, 1914. 44 p.

Strahovich A.I. V Berline vo vremja vojny. Petrograd: Zhen. tip., 1914. 88 p.

Trockij L.D. Moja zhizn'. Opyt avtobiografii. Moscow, 1991. 624 p.

V nemeckom plenu. Moscow: GPIB, 2015. 221 p.

V Rostoke // Russkie vedomosti. 1914. 5 sentjabrja.

V strane dikarej // Novoe vremja. 1914. 14 avgusta.

Vechernee vremja. 1914. 13 oktjabrja.

Vechernjaja hronika // Novoe vremja. 1914. 8 avgusta.

Vozvrashhenie na rodinu // Russkie vedomosti. 1914. 6 avgusta.

Vpechatlenija o Germanii nakanune ob#javlenija vojny // Russkie vedomosti. 1914. 6 avgusta.

Zverstva nemcev // Novoe vremja. 1914. 12 avgusta.

З.С. Бочарова

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ ВО ФРАНЦИИ В 1920–1930-е ГОДЫ

Аннотация. *В статье рассматривается процесс адаптации национального законодательства Франции по отношению к иностранным гражданам, в частности к русским изгнанникам. К бывшим подданным Российской империи нельзя было применить законы прежнего государства, а также законы Советской России, так как они не являлись ее гражданами. На формирование французского законодательства и административной практики оказали влияние признание Францией Советского Союза в 1924 ., ратификация международных актов – Соглашения (1928), а затем Конвенции (1933) о правовом положении русских и армянских беженцев. К концу 1920-х годов эмигранты, чтобы уравняться в правах с местным населением, стремились к натурализации.*

Ключевые слова: *русские беженцы, Ф. Нансен, В.А. Маклаков, русское зарубежье.*

Бочарова Зоя Сергеевна – доктор исторических наук,
профессор кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
E-mail: zsbotcharova@mail.ru

Z.S. Bocharova. The Legal Status of Russian Refugees in France in the 1920–1930-ies

Abstract. *The article studies the process of adapting national laws of France to foreign citizens and to Russian exiles in particular. It was not possible to apply the laws of the former state and the laws of the Soviet Russia to the former subjects of the Russian Empire, as they were not its citizens. France had formed its legal system and the administrative practice after the recognition of the Soviet Union in 1924 and the ratification of international acts – the Treaty (1928) and then the Convention (1933) on the legal status of Russian and Armenian refugees. By the end of 1920-ies the emigrants sought naturalization to receive equal rights with local population.*

Keywords: *Russian refugees, F. Nansen, V.A. Maklakov, the Russian Émigré.*

Bocharova Zoja Sergeevna – Doctor of Historical sciences, Professor of the UNESCO Department on Global problems of Lomonosov Moscow State University. E-mail: zsbotcharova@mail.ru

Франция является одной из самых гостеприимных стран, у нее давние миграционные традиции. Конституция Франции, написанная во время Великой французской революции в 1793 г., хотя и не была применена, предоставляла убежище иностранцам, борющимся «за дело свободы» и вынужденных покинуть свое государство. Становление же соответствующего национального законодательства происходило уже в XX в. и шло параллельно с формированием правовой базы для решения проблем беженцев на межгосударственном уровне. Речь шла прежде всего об урегулировании положения тех лиц, которые остались без попечения правительства государства своего происхождения.

Для русских изгнанников, ушедших в эмиграцию после революционных потрясений 1917 г. и Гражданской войны, Франция стала своеобразным виртуальным политическим центром трансграничной Зарубежной России, сформировавшейся в 1920–1930-е годы. Французское правительство сыграло не последнюю роль в ликвидации правового вакуума, в котором оказались россияне, не признавшие советскую власть. Уникальность их положения заключалась в прецеденте – за ними не стояло государство, которое защищало бы их интересы: Российская империя перестала существовать (а право умирает вместе с государством), а принимать помощь и защиту от созданной на ее развалинах Советской России (позже – Советского Союза) изгнанники не желали. Русская пореволюционная эмиграция стала катализатором разработки международных норм относительно правового режима беженцев.

Началась борьба за признание мировым сообществом особого статуса лиц, оказавшихся без защиты своего отечества. Нельзя сказать, что состояние бесподданства (apolid) было неизвестно международному праву. Оно считалось недопустимым (и сегодня считается), поскольку установилась практика равноправности подданных и иностранцев. Во многих государствах (Франция, Италия, Бельгия, Голландия, Швейцария и др.) личный статут иностранца (его личная дееспособность, семейное и наследственное право) определялся в международной сфере его национальным законом, а не местожительством (domicil). Бесподданные, «эти международные бродяги» (Лоран), с одной стороны, могли пользоваться правами, а с другой – были свободны от обязанностей, налагаемых на граждан государств, оставаясь в привилегированном положении [20, с. 127–130]. Но массовость, значимость, авторитет лидеров зарубежья, отсутствие «национального права» заставили мировое сообщество иначе посмотреть на проблему. Благодаря усилиям российской эмиграции, верховного комиссара по делам беженцев Лиги Наций и доброй

воле правительств к началу 1930-х годов сформировались принципиальные положения международных правовых норм, регулировавших статус беженцев. На этом опыте основывается и современная юридическая практика.

По инициативе французской секции в Лиге Наций был составлен проект об учреждении Верховного комиссариата по делам русских беженцев для координации усилий государств. Франция одной из первых ратифицировала международные акты об особом юридическом статусе русских эмигрантов – Соглашение от 30 июня 1928 г. и Женевскую конвенцию от 28 октября 1933 г. о юридическом статусе русских и армянских беженцев. И не только потому, что играла активную роль на мировой арене, но и в силу наличия многочисленной русской эмиграции в стране. По оценке В.Ф. Зеелера, выпустившего в 1937 г. справочник «Русские во Франции», их число составило почти 100 тыс. человек [15, с. 3].

Следует выделить три этапа урегулирования положения русской эмиграции: 1) до признания СССР Францией, т.е. до 1925 г. (формально 28 октября 1924 г.) с вехой – 1 января 1923 г., когда были введены нансеновские паспорта [подробнее см.: 3, с. 74–116]; 2) 1925–1930 гг.; 3) с 1930 по 1939 г. Первые два периода стали временем формирования правовых основ взаимоотношений беженцев и власти. Третий начинается после ратифицированного французским правительством 11 января 1930 г. постановления о правовом положении русских и армянских беженцев в связи с межправительственным соглашением, принятым 30 июня 1928 г.

Урегулирование правового положения русских предполагало деятельность по ряду направлений. Следовало создать соответствующие учреждения, в ведении которых находилась бы эта категория иностранцев; определить, какому правовому режиму, т.е. каким законам, надлежало им подчиняться; выработать документы для проживания в стране; условия реализации права передвижения по Франции, а также въезда – выезда; возможности трудоустройства.

В 20–30-е годы Российское дипломатическое представительство играло важную посредническую роль между эмиграцией и французским правительством. Налаживание отношений Франции с СССР встревожило русских изгнанников. В.А. Маклаков, посол Временного правительства, не успевший вручить верительные грамоты, вступил в переговоры с французскими торгово-промышленными кругами, деятелями парламентского комитета. Затем 28 марта 1924 г. в российском посольстве обсуждался вопрос о создании специального органа для защиты интересов русской колонии на случай возможного признания Францией советского правительства и последующем упразднении существующего посольства [14, с. 243]. Следовало продумать, как обезопасить частные и полугосударственные российские учреждения во Франции от захвата их советской стороной, какому законодательству будут

подлежать эмигранты. В результате из представителей русских общественных организаций в июле 1924 г. был создан Эмигрантский комитет [8, с. 23–25]. 21 октября того же года эмигрантская газета «Последние новости» опубликовала заявление В.А. Маклакова о судьбе русских беженцев во Франции, в котором он подчеркивал, что в связи с ожидающимся признанием Францией СССР «для известного числа беженцев будет благом, если им обеспечат получение французского гражданства». Риск остаться «массой без отечества» для огромного большинства тех, кто бежал от советской власти, был вызван угрозой ликвидации легального представительства. В.А. Маклаков настаивал на временном сохранении посольства, консульств для того, «чтобы сделать возможным существование наших соотечественников за границей», обеспечив им правовую защиту. Представители русских общественных организаций, собравшиеся под его председательством, выработали меморандум о положении русских беженцев во Франции и вручили его французскому правительству. Эмигрантскому комитету пришлось упорно бороться с их бесправием и добиваться для них не только права на жительство, но и права на труд, и не в порядке единичных разрешений в том или ином случае, а в введении единых законных норм, регулировавших жизнь русских во Франции.

После признания Францией Советского Союза 28 октября 1924 г. вместо российского посольства и консульств были учреждены офисы по делам русских беженцев. Центральный офис возглавлял В.А. Маклаков. При нем была учреждена должность представителя верховного комиссара по делам русских беженцев Ф. Нансена, на которую был назначен М. Пан [8, с. 18]. Общественной поддержкой В.А. Маклакову стал Эмигрантский комитет. Деятельность как центрального, так и местных офисов (в Париже, Марселе, Ницце и Лионе) регламентировалась циркуляром МИДа от 9 мая 1925 г., направленным префектам, и декретом президента Франции от 11 января 1930 г. Офисы признавались правительством учреждениями, исполнявшими обязанности консульств по делам русских беженцев [16, с. 197]. Во внутренней жизни офисы продолжали руководствоваться указаниями В.А. Маклакова.

Самые серьезные меры по урегулированию статуса русских беженцев предпринимались во Франции после вступления в законную силу межправительственного Соглашения «О правовом положении русских и армянских беженцев» 1928 г., т.е. с 1 февраля 1930 г. В.Ф. Зеелер следующим образом оценил ратификацию 11 января 1930 г. французским правительством этого Соглашения: «Так долго, в течение многих лет, ждавший своего признания статут русских беженцев, наконец, принят, прошел через законодательные учреждения, утвержден Президентом и распубликован в законном порядке – стал законом. Нельзя сказать, что этим сполна и в благоприятном смысле разрешен весь беженский вопрос, что лучшего желать нельзя: еще многое

в правовом положении эмигранта русского остается и неясным, и неудовлетворительным, но статус настолько расширил и, главное, уяснил и уточнил наше положение во Франции, что признание его надлежит считать явлением несомненно значительным, и важным, и положительным» [15, с. 9].

В соответствии с принятым Соглашением 1928 г. русские беженцы уравнивались в правах с французскими гражданами на предоставление им преимуществ, которые имеют иностранцы на условиях взаимности, гарантировалось соблюдение принципа невысылки. Пункт 7 Соглашения рекомендовал относиться к высылаемым благожелательно, считаться с невозможностью скорого выезда. Также предусматривалось узаконение института представителя верховного комиссара Ф. Нансена, который наделялся консульскими правами и назначался с согласия министра иностранных дел Франции. Но это не повлекло за собой изменений в деятельности беженских офисов. Они продолжали выдавать документы. Лишь в тех случаях, когда закон предъявлял особо повышенные требования, на выданных в офисах официальных бумагах ставилась подпись и печать представителя Ф. Нансена [10; 4, с. 18–19].

Легально въехавший во Францию россиянин пользовался равными с другими иностранцами правами, беспрепятственно получал удостоверение личности (карт д'идантите), если желал остановиться в стране на срок более двух месяцев. Удостоверение было обязательно для всех лиц старше 15 лет и давало право на повсеместное жительство и свободу передвижения в пределах Франции и ее колоний, поступление на работу, пользование французскими лечебными учреждениями. Для проживания в стране русские старые дореволюционные паспорта, выданные российскими миссиями, не имели никакого значения.

Беженцы получали карт д'идантите на основании национального паспорта. Для ее получения русским чинам, служившим во французской армии (в частности в составе русского экспедиционного корпуса, отправленного русским царем в 1916–1917 гг. на французский и македонский фронты, насчитывалось 750 офицеров и 45 тыс. нижних чинов), достаточно было свидетельства, а в иностранном легионе – увольнительного [11, с. 135].

Заявление о карт д'идантите подавалось на специальном бланке, выдаваемом бесплатно в префектуре. В нем эмигрант указывал, в том числе, фамилию и адреса двух французских граждан, которые, в случае надобности, могли дать справку о просителе. К прошению прилагались паспорт, с которым иностранец прибыл во Францию (с визой французского консула), 4 фото, удостоверение о месте жительства (сертифика де домисиль), заверенное комиссаром полиции, и сбор за карт д'идантите. По поводу этого свидетельства Дон-Аминадо, известный своими афоризмами, сочинил двустишие: «Приспособьте декольте к вашим карт д'идантите!» [18, с. 89].

Свидетельство о личности было трех видов. Первое (carte sans profession) выдавалось лицам: а) не имевшим права работать или служить, б) служащим, зарабатывающим 18 тыс. фр. в год и более 160 фр. в день, в) занятыми свободными профессиями, не состоявшим ни на какой службе. Второе выдавалось: а) студентам или учащимся учебных заведений, не профессионального характера (список учебных заведений имелся в префектуре), б) журналистам и писателям, состоявшим в союзах иностранной прессы, или в соответствующих синдикатах, в) ученым, г) служащим и рабочим, прибывшим во Францию по контрактам, или получившим разрешение на работу от Министерства труда или его административных учреждений (в провинции). Третья разновидность карты – бесплатная – предназначалась для участников Первой мировой войны, состоявших в рядах французских полков или иностранного легиона.

Стоимость этих свидетельств о личности, продолжительность их действия варьировались. У Саши Черного читаем в одной из сатирических заметок за 1925 г.: «Вопрос о карт-д'идантите разрешен, наконец, декретом Президента республики окончательно: писатели при обмене платят 10 франков» [17]. Видимо, в 1926 г. плата резко возросла. Для лиц, не имевших постоянной работы, она была весьма обременительной. На 1930 г. удостоверения первого вида приобретались за 100 франков, льготные, второго вида, – за 20. В 1935 г. была опубликована информация о том, что карт д'идантите, выдаваемая на три года, будет стоить 160 франков вместо 220. Такса за льготную карт д'идантите (студентам, писателям, журналистам и др.) оставалась без перемен – 35 франков.

Политическим эмигрантам карт д'идантите выдавалась на пять лет и возобновлялась автоматически. Отобрана могла быть только в случае высылки, на основании судебного решения. Кроме постоянной карт д'идантите существовала ограниченная, выдававшаяся на срок, указанный в визе (обычно шесть месяцев) [16, с. 76–80].

Процедура получения карт д'идантите отнимала немало времени у эмигрантов. Так, Н.В. Кодрянская в своей книге об А.М. Ремизове приводит такой эпизод. А.М. Ремизову нужно было возобновить в префектуре этот документ (он жил в Париже на рю Буало, № 7). В то время в префектуре приходилось выстаивать в очереди часами, иногда по два дня. Когда Алексей Михайлович собрался пойти, было очень холодно, и он оделся не совсем обычно: поверх пальто закутался в длинную красную женскую шаль, перевязав ее на груди крест-накрест, как это делают бабы. На голову надел еще вывезенную из России странной формы высокую суконную шапку, опушенную мехом. Странно одетый, сгорбленный, маленький, в очках, с лохматыми, торчащими вверх бровями, в невероятно больших калошах, зашагал в префектуру. С прошением, расписанным им самим и разукрашенным разными заставками и закорючками,

он без задержки прошел в здание. При виде такого необычайного посетителя ряды очереди разомкнулись. Чиновники, конечно, тоже сразу обратили внимание на него и на его прошение, один подозвал его вне очереди. Ремизов потом, посмеиваясь, рассказывал: «Чиновник оказался большим любителем каллиграфии и пришел в восторг от моего прошения». Оно обошло всю префектуру, и его автор получил свое удостоверение без проволочки, что обычно так легко не делалось [9, с. 15–16]. Те, кто видел автографы А.М. Ремизова, поймут, о чем идет речь.

1 января 1923 г. во Франции были введены нансеновские паспорта («сертификат д'идантите»). Не все русские эмигранты приняли их, ибо получение такого паспорта означало признание без гражданства: той России, юридическую связь с которой подтверждал старый национальный паспорт, уже не существовало, а советский паспорт они не хотели иметь. С 1930 г., после ратификации Соглашения о юридическом положении русских и армянских беженцев 1928 г., нансеновские паспорта выдавались только беженцам, покинувшим Россию до 28 октября 1924 г., т.е. до даты признания Францией советского правительства. Эти паспорта могли получить лица старше 15 лет в префектуре того департамента, где эмигрант проживал, на основании национального паспорта и карт д'идантите. Нансеновские паспорта заменяли заграничные, а до их введения, т.е. до 1923 г., визы проставлялись в национальные паспорта.

В справочнике «Русские во Франции» указывалось, что лица, въехавшие в страну в 20–30-е годы с советским паспортом, но не возобновлявшие его в течение пяти лет, могли также ходатайствовать о выдаче нансеновского паспорта в МВД Франции для облегчения выезда за границу [15, с. 9–25]. Однако с 1930 г. в Эмигрантский комитет стали обращаться бывшие советские граждане с просьбами о помощи, так как французское правительство прекратило выдавать нансеновские паспорта этой категории иностранцев после ратификации Соглашения 1928 г. Оно не отказывалось считать обладателей советских паспортов политическими эмигрантами (рефюжье), давать им привилегии эмигрантов, право убежища, не выдавать их по требованию советских властей и т.д. Но предоставление нансеновского паспорта означало бы признание их лицами без гражданства, т.е. апатридами. У бывших советских граждан оставался обычный путь – натурализация.

Нансеновские паспорта призваны были главным образом обеспечить беженцам доступ в те государства, в которых находились советские дипломатические представительства, и где, соответственно, старые паспорта, свидетельствовавшие о юридической связи с прежней государственностью, не признавались. Для пребывания в стране нансеновский паспорт был необязателен. Если визировались прежние паспорта, требовалась предварительная виза

старых российских консульских учреждений. Они же покровительствовали и нансенистам.

Во Франции (так же, как и в Италии, Бельгии, Голландии, Швейцарии и других странах) личный статус иностранца (его личная дееспособность, семейное и наследственное право) обычно определялся его национальным законом, а не местожительством (domicil). До признания СССР французские суды игнорировали действие декрета ВЦИК от 15 декабря 1921 г. о лишении гражданства некоторых категорий лиц, находившихся за границей, и рассматривали эмигрантов как российских граждан, подчиненных дореволюционному праву. Об этом говорил на съезде русских юристов в Берлине 3 октября 1922 г. присяжный поверенный П. Дубинский. Во Франции российские события рассматривались как еще не законченный революционный процесс. Более того, французская судебная практика исходила из признания фактического отсутствия правосудия в России. П. Дубинский высказался за «симбиоз» советского законодательства, положений X тома Свода законов Российской империи и практики французских судов [см.: Руль. Берлин, 1922. 4 октября].

28 апреля 1925 г. Министерство юстиции разослало циркуляр «О законодательстве, подлежащем применению в отношении русских во Франции» прокурорам судебных палат по вопросу о юридическом статусе русских во Франции. В отношении актов и законов, совершенных до 28 октября 1924 г. (дата признания СССР Францией) циркуляр предоставлял судам определять их юридическое значение на основании русского закона, при действии коего они были совершены [21]. Относительно деяний, произошедших после признания СССР, к русским эмигрантам применялось французское право как закон их нового места жительства (domicil).

Так, лица, вступавшие в брак во Франции, регистрировали его в мэрии. Церковный брак мог быть заключен только после гражданского и был необязателен. Для заключения брака в мэрию следовало представить карт д'идантите, сертификат де домисиль (свидетельство на право жительства), метрические выписки о рождении. Церковный развод, произведенный за границей в государствах, где таковой был действителен, являлся действительным также и во Франции. В делах о разводах французские суды применяли положения, представляющие собой комбинацию русских дореволюционных законов с французскими. Вопрос о поводах для разводов решался по старым русским законам, сам развод совершался по французским законам [7, с. 65].

Единообразие судебной практики по делам русских беженцев установилось после принятия Соглашения 30 июня 1928 г. Рекомендации Лиги Наций были согласованы с основными законами Французской Республики. Работа кодификационного характера была проведена во французских отдельных министерствах. Изменений в законодательном порядке, т.е. приспособления

законодательства к новым требованиям, потребовали вопросы о правоспособности русских эмигрантов, вступивших в брак за границей, и об освобождении русских на суде от залога, который обычно платили иностранцы. При этом вполне оправданно звучало заявление Министерства внутренних дел о том, что среди русских необходимо различать, с одной стороны, беженцев, с другой – граждан СССР. Наиболее пристального внимания требовали вопросы, решавшиеся в административном порядке, а не в суде: о труде, высылках, визах, признании за беженцами преимуществ, обусловленных началами взаимности, и т.д.

Преступность в беженской среде была низкая, но даже условно осужденные иностранцы должны были покинуть страну. Для того чтобы выехать из страны, требовалась виза. Европейские страны давали визы крайне неохотно. Возникала тупиковая ситуация. Французские власти чуть ли не контрабандой провозили нарушителей закона через свою границу, но таким же порядком переправляли их назад. Так, русского рабочего с фабрики Рено, получившего условно двухмесячный срок за драку в баре, депортировали к ближайшей границе – с Бельгией, здесь его арестовали за нелегальный переход и выслали обратно. Во Франции его задерживали за неисполнение приговора суда и вновь депортировали – и так без конца. В Россию русский не мог быть выслан. Зачастую беженцы подвергались высылке без особых на то причин [6, с. 130]. Оказавшись в безвыходном положении, когда подчас даже на устройство дел не давалось время, высылаемому приходилось искать защиты не только Эмигрантского комитета, но и Лиги защиты прав человека и гражданина.

21 ноября 1934 г. Союз русских адвокатов во Франции обратился к министру юстиции с письмом по поводу высылки русских из Франции. Российские юристы обратили внимание министра на несоответствие, которое существовало между законом 1849 г., предусматривавшим высылку иностранцев, и наличием группы иностранцев без отечества. В письме, в частности, говорилось: «Неподчинение русских беженцев распоряжению о высылке не есть акт неповиновения или нарушения закона, а невозможность, фактическая и юридическая, перейти границу соседнего государства без визы. Несмотря на наличие непреодолимой силы, суды выносят обвинительные приговоры, считаясь с вопросом формально и не входя в обсуждение мотивов неисполнения административного распоряжения» [12]. Поскольку готовился закон об ужесточении наказания за неподчинение распоряжению о высылке, Союз русских адвокатов при поддержке французского политического деятеля сенатора Г. Готро просил содействия в применении пункта 7 декрета президента от 17 января 1930 г., рекомендовавшего не прибегать к высылке русских беженцев, и Конвенции 1933 г.

В октябре 1935 г. были введены новые нормы наказания для иностранцев, не подчинившихся приказу о высылке. Прежде высылка и наказание за неподчинение нормировались законом от 3 декабря 1849 г., согласно которому «всякий иностранец, высланный из Франции и возвратившийся на ее территорию без разрешения правительства, предается суду и подлежит заключению в тюрьме сроком от 1 до 6 месяцев». Рост числа иностранцев во Франции, международное экономическое и политическое положение, простота передвижения и т.д. затрудняли административный контроль. В результате последовало увеличение срока наказания – от шести месяцев до двух лет. Но и здесь для русских беженцев были сделаны исключения. Условия применения этого закона по отношению к апатридам специально оговаривались инструкцией министра внутренних дел, чем писали «Последние новости» 3 ноября 1935 г.

Главным вопросом для эмигрантов оставалось получение средств к существованию. Им предлагалась работа, как правило, в копях, в сельском хозяйстве. Даже если русские находили другую работу, отказываясь от тяжелой, то Бюро труда не давало разрешения на нее. Если все же устраивались на работу в отраслях, где среди французов была безработица, Бюро труда оказывало давление на хозяина, чтобы русского заменили французом [ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 551]. Начиная с декабря 1925 г. прекратилось поступление контрактов на работы во Францию в местное отделение МБТ в Константинополе [19]. Со второй половины 1929 г. уменьшился приток во Францию фабрично-заводских рабочих, выписываемых по контракту из Эстонии, Польши, Болгарии и других стран, испытывавших экономический кризис.

К массовой безработице, которая коснулась, в первую очередь, иностранцев, привели технические нововведения, в частности «американизация» автомобильных заводов. Переход к звуковому кино повлек за собой отказ от статистов. Развитие электрических граммофонов и радио вытеснило механическую музыку из кафе и синема. Все это сужало возможности трудоустройства для беженцев. На попечении благотворительных организаций, ранее оказывавших помощь только детям, инвалидам, старикам, нетрудоспособным, оказывались молодые и физически здоровые люди, не имевшие заработка. В практике применения трудовых норм одним из самых суровых законов стал закон от 1 августа 1926 г., по которому запрещалось работать по найму без разрешения властей. Для рабочих-иностранцев вводилась 20%-ная норма (четыре француза – один иностранец). В 1932 г. во Франции вышел другой закон о 10%-ной норме иностранцев в отношении права на труд. Непреложность этого закона французский делегат оговорил при подписании Конвенции 1933 г. Тем самым закон ограждал национальный труд от конкуренции иностранцев. Рабочая сила в промышленности Франции распределялась крайне неравномерно. Отрасли, наиболее привлекательные для российских беженцев,

были обеспечены собственными кадрами. Для некоторых видов труда требовался ценз оседлости. Так, устроиться шофером такси можно было только после пятилетнего пребывания в стране или при наличии родившегося во Франции ребенка [5, с. 30]. Почти невозможен был переход из сельскохозяйственных отраслей в промышленность. После 1935 г. торговлю вразнос запретили тем иностранцам, которые прожили в стране менее пяти лет. Нарушение этого правила, писали «Последние новости» 3 ноября 1935 г., вело к штрафу от 5 до 15 франков или к аресту сроком от одного до пяти дней.

Карт д'идантите рабочей категории не выдавалась без рабочей карточки. Рабочую карточку нельзя было получить без «благоприятного отзыва» Министерства труда. В Министерстве труда следовало получить разрешение на трудоустройство в определенной области. Иностранцы, прибывшие во Францию по контрактам, заключенным за границей, пользовались правом на рабочую карт д'идантите. Если иностранец прибывал без контракта, но желал устроиться на работу, он должен был в течение восьми дней обратиться в префектуру (мэрию, комиссариат), подать прошение о карт д'идантите «без профессии», уплатив 100 франков. Найдя работодателя, он получал от него рабочий сертификат (или контракт) с указанием о согласии принять на службу данное лицо, если оно получит разрешение от Министерства труда. Рабочего должны были принять на срок не менее года. Контракт заверялся у комиссара полиции по месту жительства. Министерство труда назначало медицинское освидетельствование (за 30 франков), после чего выдавало avis fovorabl («благоприятный отзыв») разрешение на работу. Затем можно было получать рессеписе или новую карт д'идантите. Предприниматель, принявший на работу иностранца, не имевшего рабочей карты, или получившего неблагоприятный отзыв Министерства труда, мог быть оштрафован на 500–1000 франков. Иностранный рабочий в таком случае рисковал никогда не получить разрешение на работу и даже быть высланным из Франции. Иностранцы, прожившие во Франции более пяти лет, освобождались от необходимости получения avis fovorabl. Этот порядок кратковременно был отменен в 1930 г., но восстановлен с января 1931 г. Иностранцы, прибывшие в страну после 1 января 1930 г. без рабочих контрактов, заключенных за границей, получить avis fovorabl не могли (по соглашению министерств иностранных дел и труда) [16, с. 81–85]. К этому времени такие контракты Францией практически не выдавались. Для возобновления рабочей карты потерявший работу беженец должен был вновь обратиться в Министерство труда, представив карт д'идантите, паспорт, с которым прибыл во Францию, доказательства пребывания во Франции и рабочее свидетельство в двух экземплярах (см.: «Последние новости» от 17 ноября 1935 г.).

Закон 8 августа 1935 г. установил особую карту артизана (ремесленника) и строгую регламентацию ее выдачи. Ремесленники были приравнены

к рабочим. Ремесленники-иностранцы отныне были не вправе заниматься своей профессией, если не имели специальной карты д'идантите ремесленника. Они выдавались на основе прошения и анкеты в комиссариате полиции или в мэрии. Выдавала такую карту комиссия при Министерстве труда. Однако на практике в работе отказывали. «Последние новости» от 3 декабря 1938 г. сообщали об одном русском парикмахере в Париже, в карт д'идантите которого значилось: «парикмахер за свой счет». Когда срок карты истек, в префектуре потребовали выбрать карту артизана (ремесленника), а Министерство труда в этом отказало. Далее поступило предписание властей немедленно закрыть салон, иначе владельцу грозил штраф и высылка.

Безработица обрекала на нищенское, полуголодное существование. Именно такое свидетельство находим в архиве Королевского музея армии и военной истории Бельгии, фонда Объединения бывших воспитанников императорского Александровского лицея, XV С(1)-1. В 1938 г. бывший лицеист Б.В. Балашев, проживавший с 1923 г. в Ницце писал председателю этого Объединения В.Н. Коковцову: «Не имея постоянной работы вот уже несколько лет, я нахожусь в более чем стесненном материальном положении. С момента увеличения платы за carte d'identité я уже не имел возможности ее возобновлять, ввиду чего на меня нарос штраф за 11 лет. В настоящее время при новом суровом законе об иностранцах дальше оставаться без документов было невозможно, и я начал хлопотать по этому делу. Выяснилось, что мне придется заплатить штраф, хотя и в уменьшенном размере, но все-таки это выразится в сумме не менее 500 франков. Достать эти деньги я совершенно не могу, так как при моих заработках веду полуголодную жизнь». Заметим, что в 1938 г. штраф с рабочих карт составлял 20 франков в месяц, с нерабочих – 100. Казначей Объединения Ф. Кичч 24 июля 1938 г. в письме В.Н. Коковцову подтвердил тяжелое положение Б.В. Балашева и свидетельствовал, что однокашники собрали для него деньги, на которые удалось получить временное свидетельство о личности, рессеписе, но далеко не полную сумму (500 франков – штраф и нансеновский сбор). (Префектура (мэрия или комиссариат в провинции) сначала выдавала иностранцу рессеписе, которое через три месяца обменивалось на карт д'идантите.) Дополнительно Ф. Кичч разъяснял, что рабочую карту получить Б.В. Балашеву не удалось, ибо этот процесс был длительным, решавшимся в нескольких инстанциях. Ниццский префект не снял с Балашева штрафа, но уменьшил его сумму.

Когда «сидение на чемоданах» затянулось, чтобы не оказаться на дне жизни, обеспечить возможность социального лифта, если не себе, то детям, эмигранты стали задумываться о переходе во французское гражданство. Натурализация во Франции до 1927 г. была многоступенчатой и длительной. После принятия нового закона иностранцы, в том числе нансенисты, могли подать прошение, прожив беспрерывно во Франции уже не десять, а всего

три года [1, с. 112]. Прошение заполнялось на гербовой бумаге (3 франка 60 сантимов) на имя министра юстиции, подавалось префекту департамента лично. Если иностранцу было менее 21 года, прошение должно было быть подписано не только им, но и его отцом или опекуном, или прилагалось письменное согласие семейного совета. Для натурализации требовались также национальный паспорт (или нансеновский), с которым прибыл ходатайствующий, доказательства трехлетнего пребывания во Франции (сертификат де домисиль, заверенный комиссаром, квитанции об уплате квартирной платы), квитанции об уплате налогов, документ об отбытии воинской повинности, карт д'идантите, метрическое свидетельство о рождении или выданный мировым судьей документ, его заменявший, рабочее свидетельство, заверенное комиссаром полиции. Российские эмигранты должны были представить еще свидетельство о национальности, выданное организацией беженцев [16, с. 92–93]. Перевод документов на французский язык должен был сделать присяжный переводчик. Процесс натурализации занимал примерно один год. Льготы предоставлялись мужчинам, женатым на француженках, для которых ценз оседлости сокращался до одного года со дня прибытия во Францию, а также лицам, окончившим высшие учебные заведения во Франции, либо оказавшим стране особые услуги. У безработных шансов на положительное решение не было.

Следующий этап начался в 1938 г., когда 12 ноября во Франции вышли новые правила натурализации. Закон устанавливал для иностранцев различия между понятиями «résidence» (временное проживание) и «domicile» (постоянное проживание). Длительность пребывания во Франции играла большую роль при натурализации. Отныне каждый иностранец, возбуждавший ходатайство о натурализации, должен был сам предоставлять доказательства того, что его «résidence» или «domicile» во Франции соответствует требованиям закона. Мировым судьей производилось дознание с целью установления моральных качеств кандидата, его лояльности при условии, что лицу, возбудившему ходатайство, более 15 лет. До сих пор иностранка, выходившая замуж во Франции за француза, автоматически приобретала права французской гражданки. Теперь же автоматически она гражданства не приобретала, но имела право об этом ходатайствовать. Для этого иностранка заполняла специальный формуляр, который передавался далее в Министерство юстиции, а власти уже производили дознание с целью выяснения моральных качеств и лояльности кандидата и могли отказать. Француженка, выходившая замуж за иностранца на французской территории, сохраняла свое гражданство (см.: «Последние новости». Париж, 1938. 14 декабря).

С 1926 по 1936 г. число натурализовавшихся русских возросло более чем в 2 раза, т.е. с 8% – в 1926 г., 13 – в 1931 г. до почти 18% – в 1936 г. от общего числа российских эмигрантов в стране. В декабре 1938 г. префект Сены Виллэ

говорил, что 99% сыновей иностранцев, родившихся во Франции и тем самым имевших право выбора гражданства в момент достижения ими совершеннолетия, желали остаться французами, отбывали воинскую повинность [2, с. 141].

Депутат французского парламента М. Рюкар во время беседы с корреспондентом «Последних новостей» (9 августа 1936 г.) говорил, что число подавших прошение о натурализации с каждым годом возрастало, особенно после ограничений для иностранного труда в 1926 и 1932 гг. К середине 1930-х годов число лиц, желавших натурализоваться, доходило до 100 тыс. в год. Персонал бюро по натурализации не справлялся с таким потоком. Он же отмечал, что беспрепятственно во французское гражданство принимали отцов семейств, а 50% молодых людей, признанных годными к военной службе, – дети натурализованных. Причем ходатайства, поданные женщинами, как правило, не удовлетворялись, ибо женщины, желавшие стать француженками, могли легко это сделать, выйдя замуж за француза. Ходатайства мужчин-холостяков, особенно старше определенного возраста, допускаемого для отбывания воинской повинности, как правило, не удовлетворялись. Поощрялась натурализация здоровых и достойных элементов. Исключение было сделано для иностранцев, сражавшихся за Францию; родителей французских детей; лиц, женатых на француженках. Правда, главную массу натурализованных составляли не русские, а рабочие Бельгии и Италии, которым охотно предоставляли это право, и в виде исключения – поляки (на севере).

В 1931 г. во Франции насчитывалось 82 908 русских, обладателей нансеновских паспортов, и 10 980 человек бывших русских, получивших французское подданство. В 1936 г. их было уже 77 767 и 13 810 соответственно. В Париже в 1937 г., по официальной статистике, проживали 32 915 русских беженцев, не имевших французского гражданства, еще 1582 имели советские паспорта [8, с. 32].

Опыт российского зарубежья 1920–1930-х годов по установлению сбалансированных отношений между диаспорами, властями и международными организациями, а также анализ форм и способов самоорганизации остается актуальным и по сей день, хотя эмигрантам и удалось блокировать агрессивную среду, связанную с суровыми условиями конкуренции на трудовом рынке, закрытостью местной системы здравоохранения, ограничениями в получении образования и т.д., но лишь в незначительной степени. Современное французское законодательство в отношении предоставления убежища восприняло многое из опыта 1920–1930-х годов. Выведенная на мировой уровень русская беженская проблема, стала универсальной, постоянной и одной из самых острых в международных отношениях и на национальном уровне. Но при этом ее основное содержание – людские страдания – затерялось в политических схватках держав и их военных конфликтах.

Библиография

1. Бойко Ю.В. О влиянии смешанных браков на процессы социальной адаптации россиян во Франции 1920-х годов // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. М.: ИРИ РАН, 1996. С. 105–114.

2. Бойко Ю.В. Переписи населения Франции как источник по истории социальной адаптации российских эмигрантов // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. М.: ИРИ РАН, 1997. С. 135–147.

3. Бочарова З.С. Нансеновский паспорт: История создания и практика применения // Нансен. Человек и миф. Международная конференция. Москва – 26 октября 2011 года. М., 2011. С. 74–116.

4. Бюллетень Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей. 15 января 1930 г. Париж: Земгор, 1930. № 56.

5. Бюллетень Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей. 15 марта 1930 г. Париж: Земгор, 1930. № 57–58.

6. Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И. Три столицы изгнания: Константинополь. Берлин. Париж. М.: Спас, 1999. 206 с.

7. Кельман Е.И. Советское право за рубежом. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. 95 с.

8. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж: Librarie des Cinq Continents, 1971. 347 с.

9. Кодрянская Н.В. Алексей Ремизов. Париж: б/и, 1959. 329 с.

10. Маклаков В.А. Новые элементы в улучшении положения русских беженцев во Франции // Закон и суд. Рига, 1930. № 10. Ст. 336–340.

11. «Наши жалобы – глас вопиющего в пустыне». Судьба русских солдат французского иностранного легиона. 1920–1925 гг. / Сост. З.С. Бочарова // Исторический архив. 2011. № 2. С. 131–147.

12. Письмо Союза русских адвокатов во Франции к министру юстиции // Закон и суд. Рига, 1935. № 1 (51). Ст. 1833.

13. Постановление о правовом положении русских и армянских беженцев // Закон и суд. Рига, 1930. № 8. Приложение к № 8.

14. Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. 1923–1933 гг. Т. 6. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 1999. 559 с.

15. Русские во Франции. Справочник / Под ред. В.Ф. Зеелера. Париж: Сарач, 1937. 86 с.

16. Русский альманах: Справочник / Под ред. В.А. Оболенского и Б.М. Сарача. Париж: Сарач, 1931. 464 с.

17. Саша Черный. Начало сезона // Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. Сумбур-трава. Впервые опубликовано: Иллюстрированная Россия. 1925. № 28. URL: http://ruslit.traumlibrary.net/book/cherniy-ss05-03/cherniy-ss05-03.html#c004017 (Дата обращения: 10.02.2017.)

18. Седых А. Далекие, близкие. М.: Новое Русское Слово, 1995. 268 с.

19. Справка о положении русских беженцев в Константинополе, подготовленная представителем Всероссийского земского союза в Константинополе А.Л. Глазовым для М.Н. Гирса, 2 апреля 1926 г. // Новый исторический вестник. 2002. № 2 (7). С. 231–233.

20. Уляницкий В. Международное право. Томск: П.И. Макушин, 1911. 482 с.

21. Шефтель Я.М. К вопросу о юридическом статусе русских беженцев во Франции // Право и хозяйство. Париж, 1925. № 3. С. 8–9.

References

Bojko Ju.V. O vlijanii smeshannyh brakov na processy social'noj adaptacii rossijan vo Francii 1920-h godov // Istorija rossijskogo zarubezh'ja. Problemy adaptacii migrantov v XIX–XX vekah. Moscow: IRI RAN, 1996. P. 105–114.

Bojko Ju.V. Perepisi naselenija Francii kak istochnik po istorii social'noj adaptacii rossijskih jemigrantov // Istochniki po istorii adaptacii rossijskih jemigrantov v XIX–XX vv. Moscow: IRI RAN, 1997. P. 135–147.

Bocharova Z.S. Nansenovskij pasport: Istorija sozdanija i praktika primenenija // Nansen. Chelovek i mif. Mezhdunarodnaja konferencija. Moskva – 26 oktjabrja 2011 goda. Moscow, 2011. P. 74–116.

Bjulleten' Rossijskogo zemsko-gorodskogo komiteta pomoshhi rossijskim grazhdanam za granicej. 15 janvarja 1930 g. Parizh: Zemgor, 1930. N 56.

Bjulleten' Rossijskogo zemsko-gorodskogo komiteta pomoshhi rossijskim grazhdanam za granicej. 15 marta 1930 g. Parizh: Zemgor, 1930. N 57–58.

Ippolitov S.S., Nedbaevskij V.M., Rudencova Ju.I. Tri stolicy izgnanija: Konstantinopol'. Berlin. Parizh. Moscow: Spas, 1999. 206 p.

Kel'man E.I. Sovetskoe pravo za rubezhom. Moscow: Jurid. izd-vo NKJu RSFSR, 1927. 95 p.

Kovalevskij P.E. Zarubezhnaja Rossija. Istorija i kul'turno-prosvetitel'naja rabota russkogo zarubezh'ja za polveka (1920–1970). Parizh: Librarie des Cinq Continents, 1971. 347 p.

Kodrjanskaja N.V. Aleksej Remizov. Parizh: b/i, 1959. 329 p.

Maklakov V.A. Novye jelementy v uluchshenii polozhenija russkih bezhencev vo Francii // Zakon i sud. Riga, 1930. N 10. St. 336–340.

«Nashi zhaloby – glas vopijushhego v pustyne». Sud'ba russkih soldat francuzskogo inostrannogo legiona. 1920–1925 gg. / Sost. Z.S. Bocharova // Istoricheskij arhiv. 2011. N 2. P. 131–147.

Pis'mo Sojuza russkih advokatov vo Francii k ministru justicii // Zakon i sud. Riga, 1935. N 1 (51). St. 1833.

Postanovlenie o pravovom polozhenii russkih i armjanskih bezhencev // Zakon i sud. Riga, 1930. N 8. Prilozhenie k N 8.

Protokoly zagranichnyh grupp konstitucionno-demokraticheskoj partii. 1923–1933 gg. T. 6. Kn. 2. Moscow: ROSSPEN, 1999. 559 p.

Russkie vo Francii. Spravochnik / Pod red. V.F. Zeelera. Parizh: Sarach, 1937. 86 p.

Russkij al'manah: Spravochnik / Pod red. V.A. Obolenskogo i B.M. Saracha. Parizh: Sarach, 1931. 464 p.

Sasha Chernyj. Nachalo sezona // Sobr. soch. v pjati tomah. T. 3. Sumbur-trava. Vpervye opublikovano: Illjustrirovannaja Rossija. 1925. N 28. URL: http://ruslit.traumlibrary.net/book/cherniy-ss05-03/cherniy-ss05-03.html#c004017 (Data obrashhenija: 10.02.2017.)

Sedyh A. Dalekie, blizkie. Moscow: Novoe Russkoe Slovo, 1995. 268 p.

Spravka o polozhenii russkih bezhencev v Konstantinopole, podgotovlennaja predstavitelem Vserossijskogo zemskogo sojuza v Konstantinopole A.L. Glazovym dlja M.N. Girsa, 2 aprelja 1926 g. // Novyj istoricheskij vestnik. 2002. N 2 (7). P. 231–233.

Uljanickij V. Mezhdunarodnoe pravo. Tomsk: P.I. Makushin, 1911. 482 p.

Sheftel' Ja.M. K voprosu o juridicheskom statuse russkih bezhencev vo Francii // Pravo i hozjajstvo. Parizh, 1925. N 3. P. 8–9.

Л.П. Муромцева

НАСЛЕДИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ: ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Аннотация. *После 1991 г. многие деятели культуры в российском зарубежье приняли решение о передаче на родину музейных и архивных собраний. Программа возвращения культурных ценностей и архивов осуществляется через Российский фонд культуры, Дом русского зарубежья и другие государственные и общественные организации.*

Ключевые слова: *эмиграция, коллекция, культурное наследие, архивы, музеи, Российский фонд культуры, Дом русского зарубежья.*

Муромцева Людмила Петровна – кандидат исторических наук, доцент МГУ.

L.P. Muromtseva. The Heritage of Russian Emigration: Return to Motherland

Abstract. *After 1991 many cultural figures of the Russian expatriate community decided to transfer museum and archival collections to Motherland. The cultural values and archives are returned through the Russian Fund of culture, the House of Russian Émigré and other state and public organizations.*

Keywords: *emigration, collection, cultural heritage, archives, museums, the Russian culture Fund, the House of Russian Émigré.*

Muromtseva Lyudmila Petrovna – Candidate of Historical sciences, associate Professor of Lomonosov Moscow State University.

На протяжении всего периода существования российского зарубежья стояла проблема возвращения на родину собранных эмигрантами художественных, документальных и книжных собраний. Если до 1917 г. российские эмигранты, побуждаемые коллекционерской страстью и эстетическими пристрастиями, собирали за рубежом произведения искусства, книги преимущественно иностранного происхождения, то послереволюционная эмиграция руководствовалась прежде всего идеей сохранения памятников

отечественной истории и культуры, сбережения их для последующих поколений. Российская эмиграция 1920–1950-х годов старательно собирала и бережно сохраняла все, что осталось от русской культуры после шквала революций и войн.

В 1920–1930-е годы для большинства научной и культурной элиты российского зарубежья мысль о передаче большевистским властям памятников отечественной истории и искусства, находившихся за рубежом, представлялась неприемлемой. Однако некоторые примеры даров все же имели место, и возвращенные эмигрантами материалы, за редким исключением, поступали в фонды государственных музеев, архивов и библиотек СССР. Так, создатель Пушкинского музея в Париже А.Ф. Онегин не изменил решения, принятого еще до революции 1917 г., о передаче собрания музея Пушкинскому Дому в Петербурге. После смерти А.Ф. Онегина в 1925 г., согласно его завещанию, редчайшие реликвии в 1928 г. перевезли с берегов Сены на набережную Невы, в Пушкинский Дом [4, с. 32–34, 55–56]. Некоторые книги из собрания А.Ф. Онегина остались во Франции, их приобрела библиотека при Школе восточных языков в Париже [1, с. 260–272].

После смерти в 1946 г. в Лозанне (Швейцария) выдающегося библиографа и библиофила Н.А. Рубакина 80 тыс. изданий со знаком «РБ» («Рубакинская библиотека») были переданы в СССР, согласно его завещанию, и поступили в Государственную библиотеку СССР им. В.И. Ленина (ныне РГБ) [5, с. 898].

В 1940–1950-е годы некоторые представители консервативных слоев российской эмиграции приходят к мысли о возвращении на Родину своих личных архивных коллекций, книг, историко-культурных памятников. В 1943–1947 гг. полковник Я.М. Лисовой[1], проживающий в США, переслал в дар Государственной публичной исторической библиотеке редкие книги, брошюры, листовки, плакаты, газеты, журналы, альбомы, атласы [10, с. 412–415].

Волна патриотических чувств, охватившая эмиграцию во время Великой Отечественной войны, ее растущее понимание прочности большевистской власти и советского государства в целом во многом способствовала решению коллекционеров и владельцев семейных собраний о передаче этих материалов на Родину. Началось постепенное возвращение реликвий российской истории и культуры в Россию. Прежде всего, следует сказать о РКИМ – Русском культурно-историческом музее в Праге. Его основатель и заведующий В.Ф. Булгаков на экземпляре книги о РКИМ написал: «…Хоть это и капля

1. Полковник Яков Маркович Лисовой (1882–1965) – участник Белого движения на Юге России, с 1920 г. – в эмиграции в Турции, Франции, а затем в США.

в море в сокровище русской культуры, но все-таки я счастлив, что донес эту каплю до родных пределов» [6, с. 771]. Вот что отмечено в записной книжке В.Ф. Булгакова: «В 1948 году я выслал в Россию 25 ящиков с книгами, рукописями, предметами русской старины и более 150 работ русских художников: картины Репина, 15 картин Рериха, работы Билибина, Добужинского» [14, с. 38]. Первоначально собрания РКИМ поступили в МИД СССР, распределившего их среди крупнейших музеев Москвы и Ленинграда: Государственной Третьяковской галереи (51 картина); Театрального музея имени А.А. Бахрушина (48 картин, портретов, эскизов и других экспонатов); Государственного исторического музея (71 единица хранения – народная вышивка, два декоративных блюда, портреты, фотографии, карта Волги, составленная в XVII в. Адамом Олеарием и др.); Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина; Государственного Русского музея.

Фонды библиотеки и рукописного отдела РКИМ (материалы И. Бунина, А. Куприна, М. Цветаевой, Ф. Шаляпина и других известных деятелей культуры) были перевезены в Москву еще раньше (декабрь 1945 г.) в составе Русского зарубежного исторического архива (РЗИА), основанного в Праге в 1923 г., затем они оказались на хранении в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ныне Государственный архив Российской Федерации) и Центральном государственном архиве литературы и искусства – ЦГАЛИ (ныне Российский государственный архив литературы и искусства). В РГАЛИ наряду с документами попали портреты русских писателей, ученых, артистов, работы художника Л. Голубева-Багрянородного и рисунки К. Пясковского. Так, целостная коллекция РКИМ была, к сожалению, разобщена по музеям и архивам[2]. Лишь незначительная ее часть осталась в распоряжении Комитета советских граждан в Чехословакии.

В немалой степени возвращению на родину реликвий русской эмиграции способствовал авторитет историка искусства и коллекционера И.С. Зильберштейна, который вел переписку с «русскими парижанами» – искусствоведами и литературоведами, а в 1966–1967 гг. побывал в Париже, где встретился с некоторыми представителями эмигрантской интеллигенции. В своей автобиографии (1988) И.С. Зильберштейн писал: «Много ценного удалось отправить на родину во время трех моих поездок во Францию. Только в ЦГАЛИ я отправил 18 000 документов, в Центральный партийный архив – 2 автографа Ленина 1908 г. и автограф письма Горького к Ленину 1908 г. А что касается произведений изобразительного искусства, то это акварели П.Ф. Соколова, А.П. Брюллова, 2 сепии Т.Г. Шевченко, эскиз занавеса и 44 эскиза костюмов М.В. Добужинского к “Ревизору”. Их использовал в своей постановке

2. В фонде 10013 ГАРФ хранится коллекция предметов (1793–1920), поступившая в составе РЗИА в СССР.

Г.А. Товстоногов в ленинградском Большом драматическом театре. Отысканное мною за рубежом, кроме как в ЦГАЛИ и Центральный партийный архив, поступило еще в 16 библиотек, музеев и отделов рукописей» [22, с. 5].

В 1963 г. по инициативе общественных организаций был образован Советский комитет по культурным связям с соотечественниками за рубежом, переименованный в 1975 г. в Советское общество по культурным связям с соотечественниками за рубежом – Общество «Родина». В мае 1991 г. это общество было преобразовано в Советскую Ассоциацию по связям с соотечественниками, а с января 1992 г. оно носит название «Ассоциация по связям с соотечественниками за рубежом» (Ассоциация «Родина»), существующее и в настоящее время[3]. Благодаря участию в деятельности «Родины» ряда известных советских деятелей культуры, ученых, космонавтов, служителей церкви, обществу удалось завоевать определенный международный авторитет и установить контакты с представителями творческой интеллигенции российского зарубежья и их потомками: с детьми Ф. Шаляпина, с Н. Бенуа, Ю. Анненковым, Д. Бурлюком, Ю. и С. Рерихами.

Однако в 1950–1980 гг. реализация этой культурной миссии столкнулась со значительными препятствиями идеологического и организационного характера. Так, возвращаемые в СССР архивные материалы российской эмиграции сразу же попадали в «спецхраны» и оказывались недоступными для исследователей. К тому же эмиграция опасалась, что передаваемые советским властям документы деятелей Белого движения или участников Русской освободительной армии (РОА) могут быть использованы как повод для репрессий против их родственников, проживающих в СССР. Поэтому основной объем даров составляли произведения искусства, памятники истории и культуры дореволюционной эпохи, а также документы и материалы, связанные с историей революционного движения. В частности, С.М. Лифарем был подарен ряд раритетов из его пушкинской коллекции, М. Шагал пожертвовал музею изобразительных искусств имени А.С. Пушкина серию литографий, посвященных В. Маяковскому.

Из далекой Аргентины наследница Е.И. Корсаковой привезла в дар СССР ее собрание живописи. Одну из вещей – картину К. Коровина «Севастополь. Рыбачья бухта» (1916) – Министерство культуры СССР передало в Севастопольский художественный музей [23, с. 39]. Барон Э. Фальц-Фейн накануне Московской олимпиады 1980 г. отправил в дар советскому государству уникальные книги XVII–XIX вв. из библиотеки графини Евдокии Петровны Ростопчиной.

3. Ф. Р-9651. Оп. 2, 547 ед. хр., 1955–1985.

Коллекционер М. Жилинскас, проживавший в ФРГ, передал Художественному музею имени М.К. Чюрлёниса в Каунасе собрание из нескольких сотен картин, включая работы Пуссена, Энгра, Буше, Тьеполо, Греза, Цорна, Шагала, Маковского, Кандинского, Синьяка, Вламинка, Матейко, Курбе, Мурильо. Размещение картин в экспозиции убедило других коллекционеров в том, что их дары будут приняты с благодарностью: «В Каунас стали присылать картины из своих коллекций и другие литовцы, живущие в США, Канаде и Западной Европе. Аналогичные дары были сделаны представителями других национальных эмиграций музеям союзных республик. Например, парижанин А. Джиржян подарил ценную коллекцию картин художественной галерее Еревана» [2, с. 212].

Ряд реликвий из Франции от потомков А.И. Герцена получил Дом-музей А.И. Герцена в Москве [9, с. 217–222, 261–264]. Л. Бенатов прислал из Парижа в дар Русскому музею в Ленинграде четыре портретные зарисовки В.И. Ленина, выполненные Филиппом Малявиным. Передавались также и ценные научные архивы, в том числе известным австралийским ученым Р. Маклаем была передана в Академию наук СССР часть наследия его деда – ученого и путешественника Н.Н. Миклухо-Маклая. Выдающийся востоковед В.Ф. Минорский, скончавшийся в Англии, завещал свой научный архив и большую часть библиотеки Ленинградскому отделению Института востоковедения АН СССР [2, с. 213]. В 1980 г. собрание Пушкинского Дома обогатилось библиотекой и архивом эмигранта, известного историка-медиевиста П.М. Бицилли[4], в составе которых находились не только более 500 книг, журналов, но и адресованные ему письма И. Бунина, М. Алданова, В. Иванова, Н. Тэффи [20, с. 417].

Процесс возвращения в Россию историко-культурного наследия эмиграции активизировался с конца 1980-х годов. В этот период программа возвращения культурных ценностей и архивов осуществлялась через Советский (позднее – Российский) фонд культуры (РФК – президент Н.С. Михалков), созданный в ноябре 1986 г. [16, с. 415–417)]. Фонд культуры, «возникший уже на фоне новых веяний в политике и идеологии СССР, был с бóльшим доверием встречен за рубежом, чем общество “Родина” и другие подобные организации» [20, с. 416]. Через РФК по завещанию вдовы художника А.К. Ларионовой-Томилиной в Третьяковскую галерею в качестве дара поступили произведения М. Ларионова и Н. Гончаровой (станковые живописные и графические работы, проекты театрального оформления, эскизы росписей и книжных иллюстраций), а также их архив и библиотека, коллекция

4. Петр Михайлович Бицилли (1879–1953) – историк, филолог и литературный критик, профессор Новороссийского и Софийского университетов. В эмиграции с 1920 г., проживал в Сербии, а в 1924 г. переехал в Болгарию.

лубков и гравюр, собранная М. Ларионовым [15, с. 2–31]. Н.В. Вырубов передал из Франции Государственному художественно-культурному и дворцово-парковому музею-заповеднику «Гатчина» портреты Анны Александровны Щербатовой (1840-е годы, бумага, пастель); Павла Константиновича Александрова – сына великого князя Константина Павловича (1840-е годы); Александра Дмитриевича Львова (все кисти неизвестных художников); А.П. Александровой (работы О. Коппеля, бумага, пастель); гравюры середины XVIII в. с портретами царей Федора Иоанновича, Федора Алексеевича (И. Штенглин), Иоанна Алексеевича (Ф. Маттарнови). Немало ценных реликвий передал российским музеям известный коллекционер, выходец из России барон Э. Фальц-Фейн.

В США в целях возвращения в Россию книг и рукописей был создан общественный комитет «Книги для России» под руководством Л.С. Фламм-Оболенской. При его участии дарителями выступили более 300 человек Русской Америки. В РФК поступили книги и архивы из Толстовского фонда, от наследников О. Шидловского, Г. Вербицкого, И. Сикорского, С. Крежицкого, Е. Якобсон и др. [8, с. 19]. Через РФК было передано множество ценных изданий, например книги из коллекции поэта Н.Н. Туроверова. Фонд культуры способствовал не только передаче в российские библиотеки книг из-за рубежа, но и участвовал в популяризации литературного наследия российской эмиграции. Так, в 1995 г. усилиями РФК, Дома-музея Марины Цветаевой и московского издательства «Изоград» был издан, составленный В.В. Леонидовым, сборник избранных стихов Н.Н. Туроверова. А в 2000 г. был издан сборник «Двадцатый год – прощай, Россия!», в который вошли практически все известные на тот момент стихи и поэмы Н.Н. Туроверова.

В 1986 и 1988 гг. сыном русского контр-адмирала и бывшим гардемарином Российского флота, гражданином Франции Николаем Павловичем Остелецким были переданы в Музей истории Черноморского флота (Севастополь) от имени семей русских эмигрантов ряд флотских реликвий, в том числе огромный по площади (30 м^2) кормовой флаг линкора «Императрица Мария»; портрет (фото с литографии) адмирала П.С. Нахимова с его орденом св. Георгия IV степени; картины И.К. Айвазовского «Адмирал П.С. Нахимов на Малаховом кургане» (1893) и «Вице-адмирал В.А. Корнилов на палубе пароходо-фрегата “Владимир”» (1893); серебряная чарка, подаренная мичману Татарскому сослуживцами-офицерами заградителя «Прут», геройски погибшего в бою с немецким крейсером «Гебен» в октябре 1914 г. [23б, с. 64]. А.А. Ширинская (Манштейн) преподнесла этому же музею фарфоровую тарелку от столового сервиза из кают-компании крейсера «Алмаз» [24].

От И.И. Траскина в РФК поступили многие материалы: изображение герба рода Траскиных 1827 г.; рукопись И.В. Траскина «Родословная дворян Траскиных»; письма Л.Н. Толстого к О.Д. Траскиной; подорожная, датируе-

мая 15 ноября 1794 г., выданная Алексею Траскину в Варшаве с красной сургучной печатью и подписью А.В. Суворова. Среди даров, поступивших в фонд, – семейные реликвии, переданные России Анной Смирновой-Марли. Судьба этой женщины удивительна. Во время Второй мировой войны она становится музой Сопротивления, пишет знаменитый «Марш партизан», который теперь исполняют наравне с Марсельезой. Генерал де Голль говорил о ней: «Анна Марли сделала из своего таланта оружие для Франции». Ее деятельность отмечена высокими правительственными наградами Франции, в том числе орденом Почетного легиона. Среди предметов, переданных Анной Марли, – старинная икона, картины, в том числе «Пастораль» Д. Стеллецкого, золотая брошь – подарок короля Испании Хуана Карлоса, ряд книжных раритетов. Есть и редкая фотография Николая II на императорской яхте «Штандарт».

Коллекции Всероссийского музея декоративно-прикладного искусства, благодаря П. Толстой-Милославской (Франция) и при посредничестве РФК, пополнились несколькими образцами праздничной русской женской одежды XVIII–XIX вв. (в том числе: рубахой, сарафаном, головными уборами – «кокошником» из Каргополя, «кичками» из Орловской и Тамбовской губерний).

Французский математик и лингвист Ив Жантийом-Кутырин, племянник жены И.С. Шмелева, передал РФК личные вещи писателя (бронзовое распятие, визитные карточки, фотографии, кожаный кошелек, часть чернильного прибора), письма К. Бальмонта, З. Гиппиус-Мережковской. В апреле 2000 г. в Москву прибыл архив И.С. Шмелева, включавший черновики его произведений, переписку с И. Буниным, А. Куприным, Д. Мережковским, И. Ремизовым, И. Ильиным, А. Толстой, Т. Манном, Р. Ролланом, письма читателей 1920–1940-х годов, приходивших изо всех уголков зарубежной России. Особую ценность представляют неопубликованные статьи писателя, его дневники 1920-х годов. В архиве И. Шмелева сохранилась также черная тетрадь, в которую много лет он записывал сны о погибшем сыне [18а, с. 173–174]. 29 мая 2000 г. в Замоскворечье, на месте пересечения Большого Толмачевского и Лаврушинского переулков, был торжественно открыт первый в России памятник-бюст писателю И.С. Шмелеву. На следующий день в Донском монастыре состоялось перезахоронение праха И.С. Шмелева и его супруги.

В конце 1980-х – 1990-е годы процесс возвращения на Родину историко-культурного наследия российской эмиграции развивался под воздействием нескольких факторов. Решающую роль сыграли демократические преобразования в России: после 1991 г., когда Коммунистическая партия утратила власть в стране, многие деятели культуры в российском зарубежье приняли решение о передаче на Родину музейных и архивных собраний. Первые попытки восстановления идейных и культурных связей с российским обществом со стороны потомков «белой» эмиграции наблюдались уже на рубеже

1990-х годов. В этот период в России произошли решающие перемены, которые определили коренные изменения в общественном сознании и россиян, и эмиграции: «Национальное примирение в отношениях с российским зарубежьем стало свершившимся фактом» [21, с. 25]. Конгресс соотечественников, проходивший в Москве в августе 1991 г., явился официальным подтверждением этого примирения [19].

В конце 1980-х – начале 1990-х годов происходит общественная и официальная переоценка событий Гражданской войны в России и исторической роли Белого движения, что создает условия для контактов с организациями военных эмигрантов и возвращения на Родину памятников истории и культуры военной эмиграции, реликвий императорской семьи и других музейных предметов и документов, в которых отражалось идеологическое противостояние зарубежья и коммунистической власти. В частности, в начале 1990-х годов в Россию было передано собрание военной периодики М. Бореля [10, с. 415].

В 1990-е годы российские эмигранты, в том числе некоторые представители «первой волны», посещали свою историческую родину, причем Россия «после долгой разлуки с ней, после их многолетней эмиграции воспринималась ими уже не по территориальному признаку, а по своему внутреннему ощущению» [18, с. 16]. Особое значение в процессе духовного и культурного воссоединения российской эмиграции с метрополией стало возвращение в Россию многих деятелей литературы и искусства, ставших символами русского зарубежья разных эпох. В России стали проходить встречи потомков Льва Толстого, Александра Герцена, приезжавших из разных стран мира, и т.п. Зарубежные соотечественники посещали российские музеи, библиотеки, военные училища, встречались не только с представителями общественности, но и с официальными лицами.

В то же время ряд ведущих эмигрантских историко-культурных центров в этот период находился в сложном материальном положении. Их фонды хранились в неприспособленных, тесных помещениях, экспозиции не посещались, не было средств для найма технического персонала. Многие энтузиасты музейного дела и частные коллекционеры, будучи в преклонном возрасте, опасались, что собранные и сохраненные их самоотверженным трудом коллекции будут впоследствии расхищены, распроданы или переданы в западные хранилища, что противоречило самой идее музейного и архивного строительства зарубежной России.

8–12 сентября 1993 г. в Москве состоялась Международная научная конференция, которая замышлялась ее организаторами – Российской академией наук и Конгрессом соотечественников, – как «первый представительный форум отечественных и зарубежных ученых для обсуждения широкого круга вопросов, связанных с культурным наследием русской эмиграции». Конфе-

ренция стала беспрецедентной по количеству участников и разнообразию тематики докладов; ее участниками были инициированы многие направления в изучении истории и культуры российской эмиграции, которые осуществлялись в последующее десятилетие. К открытию конференции был выпущен сборник: «Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940-е годы» [13].

С середины 1990-х годов процесс возвращения эмигрантами культурных ценностей приобретает массовый характер. Документы по истории российского зарубежья поступают в ГА РФ, Российский государственный военный архив (РГВА), научный архив МГУ им. М.В. Ломоносова и др. Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы получила в 1993 г. в дар так называемую «Зерновскую коллекцию» – библиотеку видного религиозного мыслителя русского зарубежья Н.М. Зернова в количестве около 4 тыс. томов, хранившуюся ранее в Оксфорде; в библиотеку Российской академии наук в 1992 г. была направлена собранная в эмиграции книжная и журнальная коллекция А.В. Савина «Русский библиофил». В том же году библиотека РГГУ получила в дар архив и личную библиотеку Н.А. Троицкого – создателя Русской библиотеки в Мюнхене.

В этот период научно-исследовательские центры, библиотеки и архивы России не только получают в дар, но и покупают, благодаря помощи меценатов и благотворительных фондов, памятники искусства и культуры русского зарубежья. Так, РФК при поддержке алмазной фирмы «Де Бирс» и фонда Оппенгеймеров приобрел за рубежом архив М. Алданова, автографы С. Рахманинова, И. Бунина, А. Ремизова, Ф. Шаляпина, коллекцию печатных изданий (афиш, плакатов, буклетов, листовок), относящихся к российской эмиграции. В 1994 г. английским благотворительным фондом «Голицын – Петербургу» [3, с. 15] была учреждена Мемориальная библиотека Г.В. Голицына, разместившаяся в петербургском особняке графини Н.Ф. Карловой, внуком которой он являлся. Приоритетным направлением работы библиотеки стало пополнение ее изданиями российской эмиграции.

Живое участие в собирании книг, архивов, произведений искусства зарубежной России принимали деятели культуры России, прежде всего академик Д.С. Лихачёв, а также издательство «Наше наследие».

Одним из главных музейных центров российского зарубежья второй половины XX в. был музей Русско-американского культурно-просветительного и благотворительного общества «Родина» в Лейквуде (штат Нью-Джерси, США), основанный в 1957 г. Многие из тех, кто жертвовал и завещал обществу «Родина» исторические реликвии, книги и архивы, выражали желание, чтобы их вещи вернулись в Россию, когда она освободится от коммунистической диктатуры. В 1990-х годах Совет Старшин общества «Родина» во главе с Олегом Михайловичем Круминсом выполнил волю дарителей. В 1990–

2005 гг. в Россию из музея общества «Родина» были переданы ценные экспонаты и архивные документы, освещающие многие страницы истории России, в частности материалы о Российском императорском военно-морском флоте, жизни и деятельности выходцев из России в США и других странах мира.

Возвращение «Родины» в Россию началось в 1993 г. Тогда в Москве на выставке «Россия в двух войнах» в Центральном музее Вооруженных сил были представлены первые экспонаты из музея общества «Родина» – военные реликвии. У истоков этого проекта стояли сотрудники Центрального музея Вооруженных сил России во главе с директором А.К. Никоновым. После завершения работы выставки экспонаты «Родины» остались в Москве, в экспозиции музея, – такое решение принял Совет Старшин в Лейквуде.

В 1994 г. А.К. Никонов и его сотрудники сами побывали в Лейквуде и перевезли в Москву часть музейной коллекции – редкие образцы военной униформы, знамена, награды, фотографии; в 1996 г. была перевезена новая партия экспонатов. Тогда же в Лейквуд приезжал заместитель директора Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) Е.Л. Луначарский. О.М. Круминс передал ему письма и фотографии Императора Николая II и его семьи. Эти материалы «Родины» влились в обширнейший личный фонд последнего российского императора в ГА РФ.

Таким образом, в государственных хранилищах Москвы появились некоторые материалы «Родины». Все они были взяты из экспозиции Лейквудского музея, который в середине 1990-х годов практически не посещался и был «законсервирован». Кроме экспозиционных материалов, в Лейквуде оставались обширные музейные фонды, библиотека и архив. К сожалению, полуподвальное помещение музея «Родины» не отвечало условиям их хранения – не было технических средств для поддержания температурно-влажностного режима, а естественные климатические условия в Нью-Джерси являлись недопустимыми для хранения музейных предметов и документов. В августе 1998 г., благодаря усилиям РФК, коллекция «Родины» была отправлена в Москву и тем самым фактически спасена от гибели [23а, с. 39–41].

Возвращение на родину этой уникальной коллекции, собиравшейся нашими соотечественниками на протяжении многих лет, явилось поистине знаменательной акцией Фонда культуры. «Такого поступления культурные центры нашей страны не знали давно. А если учесть, что речь идет о бескорыстной передаче целой музейной коллекции из США, то аналогов этому дару просто не существует» [25, с. 493–502].

По решению Совета Старшин общества «Родина» военные экспонаты поступили на постоянное хранение в Центральный музей Вооруженных сил России, а остальные материалы, включая картинную галерею и архив, перешли в дар РФК. Со своей стороны фонд передал часть материалов «по принадлежности»: в Центральный военно-морской музей в Петербурге и Россий-

ский Государственный архив военно-морского флота – материалы по истории флота; в Российскую государственную библиотеку – редкие издания русского зарубежья. В собрании общества «Родина» находился, в частности, полный комплект «Морского сборника», выпускавшегося в Бизерте в 1921–1923 гг., машинописный «Журнал Исторической комиссии Общества бывших морских офицеров в Америке» за 1948–1949 гг. и другие материалы, вызвавшие значительный интерес исследователей. Всего фондом было передано в государственные хранилища более 5 тыс. единиц хранения. Изучение и введение коллекции в научный оборот продолжается и в настоящее время.

В 1999 г. членами «Общества ветеранов Великой войны в Сан-Франциско», а также их родственниками были переданы в Россию в общественное объединение «Музей и архив Белого движения» музейные экспонаты для изучения их российскими специалистами и организации совместных выставок. В их числе мундиры, погоны, награды, послужные списки, личные вещи участников антибольшевистских вооруженных формирований периода Гражданской войны в России 1917–1922 гг. Поступили и уникальные предметы, нуждавшиеся в срочной реставрации. На основе этих раритетов были устроены вызвавшие большой интерес выставки в музее Московского военного округа, Лефортовском филиале Музея истории Москвы, Музее-усадьбе Измайлово и других культурных центрах столицы. В экспозиции были включены и фотоматериалы о жизни Общества ветеранов Великой войны в Сан-Франциско.

В июле 1995 г. в Москве по решению Мэрии была учреждена библиотека-фонд «Русское зарубежье» (ныне – Дом русского зарубежья имени А.И. Солженицына), в которую уже поступило от наших зарубежных соотечественников, наряду с архивными и музейными материалами, немало редких книг, периодических изданий российской эмиграции, газетных и журнальных вырезок. Учредителями библиотеки-фонда стали Русский общественный фонд А.И. Солженицына, Правительство Москвы и издательство «YMCA-Press» [12, с. 397–399].

Книжное собрание библиотеки-фонда «Русское зарубежье» начиналось с большого дара издательства «YMCA-Press», возглавлявшегося Н.А. Струве, а также книг, подаренных М.И. Лифарь из коллекции ее мужа и поэтической библиотеки Вл. Смоленского. В настоящее время в фонде представлены книги из библиотеки старческого дома Земгора в Ганьи под Парижем, где жили представители творческой эмиграции. В собрании много книг с автографами: от Н. Тэффи, Р. Гуля, А. Седых, Б. Зайцева, С. Булгакова, А. Ремизова и др. [12, с. 398].

Общество русских ветеранов Великой войны и Объединение кадетов российских кадетских корпусов в Сан-Франциско в марте 2009 г. передали Дому русского зарубежья имени А.И. Солженицына книжное собрание и архивные

материалы Библиотеки имени генерал-лейтенанта барона А.П. Будберга (Сан-Франциско), созданной в 1925 г. Первый и многолетний председатель Общества русских ветеранов, генерал Алексей Павлович Будберг, военачальник и военный писатель, подарил библиотеке около 300 томов из личной коллекции. Кроме того, пополнение происходило за счет дарителей, которыми были практически все члены общества, друзья и гости. Отдельные редкие русские издания выкупались на аукционах, куда попадали из Советского Союза, о чем свидетельствуют соответствующие штампы. На момент передачи фонд библиотеки насчитывал свыше 20 тыс. книг, десятки наименований периодики общей численностью свыше 10 тыс. номеров и более 50 альбомов. В Военно-научном отделе библиотеки собрано около 700 изданий по философии войны, военной истории, истории Русской армии, по проблемам военного строительства, авиации, флота, по родам войск, специальным отраслям военного знания. Авторы работ – представители военной мысли в изгнании: П.Н. Богданович, А.В. Геруа, Н.Н. Головин, Ю.Н. Данилов, А.И. Деникин, В.Н. Доманевский и др. Более 3 тыс. томов насчитывает отдел беллетристики и поэзии – это книги дореволюционные, советские и эмигрантские. Имеется коллекция мемуаров. Среди особых раритетов – издания в заказных кожаных переплетах из библиотек Зимнего, Павловского, Александровского дворцов. Представлены экземпляры, принадлежавшие Александру I и Николаю II. Руководство Дома русского зарубежья и научная общественность Москвы высоко оценили факт поступления из-за рубежа практически в полной сохранности уникальной библиотеки известного эмигрантского объединения, с описью и даже со штампом для книг. Было принято решение о том, чтобы хранить это книжное собрание отдельно – как музейный комплекс и архивный фонд – в одном из залов Дома русского зарубежья [8, с. 15].

В 2000-е годы Дому русского зарубежья были переданы и многие другие материалы военно-исторической тематики. При содействии историка и библиографа Н.Н. Рутыча-Рутченко в Библиотеку-фонд из собрания полковника П.В. Колтышева поступили письма и статьи генерала А.И. Деникина. Наследники военного историка В.В. Звегинцова передали созданную им коллекцию изображений военных знаков отличия, знамен, обмундирования Русской армии разных лет.

После принятия Верховным Советом РСФСР в апреле 1991 г. Закона о реабилитации репрессированных народов, в перечень которых было включено казачество (как культурно-этническая общность) [9а], стало набирать силу движение по возрождению его исторических традиций, которые бережно сохранялись в российском зарубежье. В 1994, 1996, 1998 гг. общество «Родина» в Лейквуде передало в числе своих коллекций памятники, относящиеся к истории казачества, поступившие в Центральный музей Вооруженных сил в Москве. Однако происходивший в России процесс возрождения казачества

явился стимулом к значительно более масштабному историко-культурному проекту – возвращению на родину из США реликвий Кубанского казачьего войска.

После ряда встреч и непростых переговоров между представителями властей Краснодарского края, руководством Всекубанского казачьего войска (ВКВ), с одной стороны, и потомками кубанского казачества в США – с другой, которые велись с начала 1990-х годов, удалось, наконец, в 2005–2006 гг. достичь договоренности о передаче кубанских казачьих регалий на Родину. В числе возвращенных предметов были позолоченное блюдо Екатерины Великой, которое императрица подарила войсковому судье Антону Головатому на личной аудиенции в 1792 г., штандарт шестого кубанского пластунского батальона, а также черкеска и бешмет наместника на Северном Кавказе великого князя Михаила Романова, пернач-шестопер, подлинные чехлы от знамен, фотоальбом Первого екатеринодарского полка имени Захария Чепиги и другие памятные предметы. В конце октября 2011 г., когда состоялся последний акт передачи реликвий, в США оставались только насека наказного атамана Кубанского казачьего войска, изготовленная в 1904 г., знамена времен Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., портрет императрицы Александры Федоровны, шашка, кинжал и пояс Николая II [24а]. Всего на историческую родину было возвращено около 300 памятников истории и культуры кубанского казачества. Основная часть реликвий поступила на хранение в Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, знамена и некоторые другие предметы плохой сохранности проходят реставрацию в Москве [26].

В 1990–2000 гг. на процесс передачи историко-культурного наследия российской эмиграции оказывал влияние и такой фактор, как рост доверия зарубежных соотечественников к российским официальным представителям, посольствам. С 2004 г. структуры МИД РФ и находившиеся в их ведении Российские центры науки и культуры (РЦНК) в странах дальнего зарубежья начали получать денежные средства на развитие культурного сотрудничества с русскоязычными общинами. В этот период происходит преодоление дипломатами «устоявшегося за годы советской власти отстраненного отношения к проблемам соотечественников в дальнем зарубежье», постепенное «изживание застарелых психологических стереотипов» [11, с. 220–221]. В ряде случаев РЦНК инициировали поиск и передачу в Россию историко-культурных реликвий, сохраненных русской эмиграцией. Так, 20 марта 2009 г. по инициативе МИД РФ были возвращены на Родину 100 предметов искусства, документов и вещей, переданных на безвозмездной основе потомками хорошо известной в России семьи Хитрово. Министр иностранных дел С. Лавров, выступая на торжественной церемонии по случаю передачи этого дара, напомнил, что «эта семья дала России великих полководцев – Суворова

и Кутузова, была очень приближена к императорскому дому Романовых». МИД РФ сделал все возможное для доставки в Россию коллекции, в которую входят письма, редкие снимки супруги и дочерей последнего российского императора, настольный крокет цесаревича Алексея, а также подарки от царской семьи, в частности одно из пасхальных яиц, подаренных императрицей Александрой Федоровной своей фрейлине Маргарите Хитрово. Дипломатические структуры и РЦНК содействовали восстановлению и благоустройству историко-архитектурных памятников и эмигрантского некрополя, был восстановлен монумент русским воинам в Галлиполи (Турция). Однако за пределами России остается еще много заброшенных русских могил и памятных мест деятельности наших зарубежных соотечественников.

В 2000-е годы в процесс возвращения на родину памятников культуры и искусства российского зарубежья включились российские и иностранные меценаты, приобретающие на аукционах, в антикварных салонах и у частных коллекционеров картины, произведения декоративно-прикладного искусства, редкие книги, которые затем передаются в российские хранилища либо хранятся как частные собрания на территории России. Широкую известность получил факт приобретения и возвращения в Россию изделий фирмы Фаберже: в результате сделки, совершенной в феврале 2004 г., коллекция изделий Фаберже американского магната М. Форбса, выставленная на торги Sotheby's в Нью-Йорке, была приобретена целиком еще до аукциона российским предпринимателем Виктором Вексельбергом. По сведениям СМИ, сумма сделки составила не менее 100 млн долл. В апреле 2004 г. Вексельбергом был учрежден культурно-исторический фонд «Связь времен», миссией которого являлось возвращение в Россию культурных ценностей, вывезенных за пределы страны в XX в. Первым мероприятием фонда стала выставка «Фаберже: утраченный и обретенный», которая прошла в Кремле в мае–июле того же года. Коллекция была представлена на всеобщее обозрение в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Иркутске, Перми и в других российских городах. Осенью 2007 г. российский предприниматель Алишер Усманов выкупил коллекцию произведений русского искусства XVII–XX вв., которую в течение 30 лет собирали за границей Мстислав Ростропович и Галина Вишневская. Меценат заявил о своем твердом намерении передать приобретенное им уникальное собрание государству. Местом хранения и экспонирования коллекции был избран Константиновский дворец в Петербурге. В 2008 г. благотворительный фонд «Константиновский» прибрел при посредничестве фирмы Europactole Properties за 16 млн долл. основную часть уникальной коллекции произведений русских театральных художников из собрания Н.Д. Лобанова-Ростовского. Это событие было ознаменовано выставкой «Возвращение в Россию. Коллекция Лобановых-Ростовских» в Музее театрального и музы-

кального искусства Санкт-Петербурга, открывшейся 25 сентября 2008 г. [17, с. 194–196].

О новых документах по истории российской эмиграции и их возвращении на родину за последние три года рассказывается в каталоге выставки «Возвращенная история» [7].

Происходящие процессы подготовили почву для восприятия российским обществом того огромного культурного пласта, который представлял собой российское зарубежье XX в., прежде всего «классической» эпохи 1920–1930-х годов. В 1990-е годы сначала научная и творческая интеллигенция, а затем и более широкие слои населения России получили доступ к историко-культурному наследию российской эмиграции в области литературного и художественного творчества, научной мысли, религиозной культуры. На рубеже веков стал расширяться интерес к наследию российского зарубежья второй половины XX в., часть представителей которого смогла непосредственно вернуться на Родину или восстановить личные, общественные, творческие связи с российской интеллигенцией. Одним из важнейших элементов воссоединения метрополии и диаспоры стала передача российским музеям, архивам и библиотекам эмигрантских историко-культурных коллекций, которые в этот период нередко вызывали значительно бóльший интерес в России, нежели в эмигрантском или западном обществе.

Библиография

1. Апостол П.Н. А.Ф. Онегин (Жрец Пушкинского культа) // Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935–1937). Т. 1. М., 2000. 608 с.

2. Афанасьев А.Л. Полынь в чужих полях. Изд. 2-е. М., 1987. 320 с.

3. Афанасьев В.Г. Русское зарубежье и благотворительность // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг.: Сб. статей. СПб., 2000. 446 с.

4. Баскаков В.Н. Пушкинский Дом. 2-е изд. Л., 1988. 310 с.

5. Беспалова Э.К. Рубакин Николай Александрович // Библиотечная энциклопедия. М., 2007. 1300 с.

6. Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь. Воспоминания последнего секретаря Л.Н. Толстого. М., 2012. 864 с.

7. Возвращенная история. Документы по истории российской эмиграции. Выставка новых поступлений 2012–2014. М., 2015. 32 с.

8. Дом Русского зарубежья им. Александра Солженицына. М., 2009. 30 с.

9. Желвакова И.А. От Девичьего поля до Елисейских полей. Поиски и находки. Встречи и впечатления. М., 2005. 380 с.

9а. Закон РСФСР от 26.04.1991 № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» (в ред. Закона РФ от 01.07.93. N 5303-1).

10. Кириллова Н.Г., Кручинин А.С. Коллекция историка-эмигранта Я.М. Лисового в фондах Государственной публичной исторической библиотеки // Культурное наследие российской эмиграции, 1917–1940. М., 1994. Кн. 2. 519 с.

11. Кононова М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.). М., 2004. 240 с.

12. Королькова Т.А. Книги и рукописи русской эмиграции в собрании Библиотеки-фонда «Русское зарубежье» // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. СПб., 2000. 446 с.

13. Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. В 2 кн. М., 1994. 1040 с.

14. Лазарев В.Я. Хождение не за три моря. Тула, 1969. 96 с.

15. Ларионов М., Гончарова Н. «Парижское наследие» в Третьяковской галерее / Авторы-составители Е.А. Илюхина, И.В. Шуманова. М., 1999. 120 с.

16. Леонидов В.В. Собирание материалов по истории культуры Русского зарубежья Российским фондом культуры // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. СПб., 2000. 446 с.

17. Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха. Судьба. Коллекция. М., 2010. 584 с.

18. Окороков А.В. Знаки русской эмиграции 1920–1990. М., 2005. 176 с.

18а.Осьминина Е.А. Возвращение Ивана Шмелева // Москва. 2000. № 6.

19. Первый Конгресс соотечественников 19–31 августа 1991 г. Научно-информационные материалы. М., 1992. 175 с.

20. Пивовар Е.И. Российское зарубежье: Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008. 550 с.

21. Поляков Ю.А. История российского зарубежья – важное направление науки // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX – XX в.). Исторические очерки. М., 2006. 344 с.

22. Рефлекс цели: Собирательская деятельность Ильи Самойловича Зильберштейна (к 100-летию со дня рождения): Каталог выставки. (22 марта 2005 г. – 7 апреля 2005 г.). М., 2005. 139 с.

23. Севастопольский художественный музей имени М.П. Крошицкого. М., 2002. 80 с.

23а. Собрание общества «Родина» вернулось на Родину // Отечественные архивы. 2000. № 1.

23б. Черкашин Н. Под пальмами Бизерты // Родина. 1996. № 12.

24. Ширинская-Манштейн А.А. Бизерта. Последняя стоянка. СПб., 2006. 368 с.

24а. Шульгатый Д. Казачий музей в Нью-Джерси таковым и останется // Новая газета Кубани. 2011. 24 октября.

25. Юрьева И.Ю., Землякова О.К. Музейная коллекция и архив Русско-американского общества «Родина» // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2008. Т. 5. 591 с.

26. Якаев С.Н. Одиссея казачьих регалий. 2-е изд. Краснодар, 2004. 279 с.

References

Afanas'ev A.L. Polyn' v chuzhih poljah. Izd. 2. Moscow, 1987. 320 p.

Afanas'ev V.G. Russkoe zarubezh'e i blagotvoritel'nost' // Zarubezhnaja Rossija. 1917–1939 gg.: Sb. statej. Saint-Petersburg, 2000. 446 p.

Apostol P.N. A.F. Onegin (Zhrec Pushkinskogo kul'ta) // Central'nyj Pushkinskij Komitet v Parizhe (1935–1937). Moscow, 2000. T. 1. 608 p.

Baskakov V.N. Pushkinskij Dom. 2-e izd. Leningrad, 1988. 310 p.

Bespalova Je.K. Rubakin Nikolaj Aleksandrovich // Bibliotechnaja jenciklopedija. Moscow, 2007. 1300 p.

Bulgakov V.F. Kak prozhita zhizn'. Vospominanija poslednego sekretarja L.N. Tolstogo. Moscow, 2012. 864 p.

Cherkashin N. Pod pal'mami Bizerty // Rodina. 1996. N 12.

Dom Russkogo Zarubezh'ja im. Aleksandra Solzhenicyna. Moscow, 2009. 30 p.

Jakaev S.N. Odisseja kazach'ih regalij. 2-e izd. Krasnodar, 2004. 279 p.

Jur'eva I.Ju., Zemljakova O.K. Muzejnaja kollekcija i arhiv Russko-amerikanskogo obshhestva «Rodina» // Vestnik istorii, literatury, iskusstva. Moscow, 2008. T. 5. 591 p.

Kirillova N.G., Kruchinin A.S. Kollekcija istorika-jemigranta Ja.M. Lisovogo v fondah Gosudarstvennoj publichnoj istoricheskoj biblioteki // Kul'turnoe nasledie rossijskoj jemigracii, 1917–1940. Moscow, 1994. Kn. 2. 519 p.

Kirillova N.G., Kruchinin A.S. Kollekcija istorika-jemigranta Ja.M. Lisovogo v fondah Gosudarstvennoj publichnoj istoricheskoj biblioteki // Kul'turnoe nasledie rossijskoj jemigracii, 1917–1940. M., 1994. Kn. 2. 519 s.

Kononova M.M. Russkie diplomaticheskie predstavitel'stva v jemigracii (1917–1925 gg.). Moscow, 2004. 240 p.

Kononova M.M. Russkie diplomaticheskie predstavitel'stva v jemigracii (1917–1925 gg.). M., 2004. 240 s.

Korol'kova T.A. Knigi i rukopisi russkoj jemigracii v sobranii Biblioteki-fonda «Russkoe Zarubezh'e» // Zarubezhnaja Rossija. 1917–1939 gg. Saint-Petersburg, 2000. 446 p.

Kul'turnoe nasledie rossijskoj jemigracii: 1917–1940. V 2 kn. M., 1994. 1040 p.

Larionov M., Goncharova N. «Parizhskoe nasledie» v Tret'jakovskoj galeree / Avtory-sostaviteli E.A. Iljuhina, I.V. Shumanova. Moscow, 1999. 120 p.

Lazarev V.Ja. Hozhdenie ne za tri morja. Tula, 1969. 96 p.

Leonidov V.V. Sobiranie materialov po istorii kul'tury Russkogo Zarubezh'ja Rossijskim fondom kul'tury // Zarubezhnaja Rossija. 1917–1939 gg. Saint-Petersburg, 2000. 446 p.

Lobanov-Rostovskij N.D. Jepoha. Sud'ba. Kollekcija. Moscow, 2010. 584 p.

Okorokov A.V. Znaki russkoj jemigracii 1920–1990. Moscow, 2005. 176 p.

Pervyj Kongress sootechestvennikov 19–31 avgusta 1991 g. Nauchno-informacionnye materialy. Moscow, 1992. 175 p.

Pivovar E.I. Rossijskoe zarubezh'e: Social'no-istoricheskij fenomen, rol' i mesto v kul'turno-istoricheskom nasledii. Moscow, 2008. 550 p.

Poljakov Ju.A. Istorija rossijskogo zarubezh'ja – vazhnoe napravlenie nauki // Adaptacija rossijskih jemigrantov (konec XIX – XX v.). Istoricheskie ocherki. Moscow, 2006. 344 p.

Refleks celi: Sobiratel'skaja dejatel'nost' Il'i Samojlovicha Zil'bershtejna (k 100-letiju so dnja rozhdenija): Katalog vystavki. (22 marta 2005 g. – 7 aprelja 2005 g.). Moscow, 2005. 139 p.

Sevastopol'skij hudozhestvennyj muzej imeni M.P. Kroshickogo. Moscow, 2002. 80 p.

Shirinskaja-Manshtejn A.A. Bizerta. Poslednjaja stojanka. Saint-Petersburg, 2006. 368 p.

Shul'gatyj D. Kazachij muzej v N'ju-Dzhersi takovym i ostanetsja // Novaja gazeta Kubani. 2011. 24 oktjabrja.

Sobranie obshhestva «Rodina» vernulos' na Rodinu // Otechestvennye arhivy. 2000. N 1.

Vozvrashhennaja istorija. Dokumenty po istorii rossijskoj jemigracii. Vystavka novyh postuplenij 2012–2014. Moscow, 2015. 32 p.

Zakon RSFSR ot 26.04.1991 № 1107-1 «O reabilitacii repressirovannyh narodov» (v red. Zakona RF ot 01.07.93. N 5303-1).

Zhelvakova I.A. Ot Devich'ego polja do Elisejskih polej. Poiski i nahodki. Vstrechi i vpechatlenija. Moscow, 2005. 380 p.

А.В. Вараксин

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. *В сообщении описываются основные параметры, по которым принято характеризовать «демократическое государство» сегодняшнего дня. Доказывается, что среди показателей «демократичности» политических режимов не последнее место занимает свободный доступ к социальным сетям. Описываются основные социальные сети, популярные на территории Российской Федерации, анализируются функции этих сетей в современном обществе.*

Ключевые слова: *социальная сеть, Интернет, демократия, Фейсбук, Твиттер.*

Вараксин Александр Владимирович – аспирант Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва. E-mail: varaksinp@mail.ru

A.V. Varaksin. Social Network and the Democratization of Modern Russia

Abstract. *The article describes the main characteristics of the present-day «democratic state». It tries to prove that the free access to social networks occupies the proper place among the indicators of the «democratic» political regimes, describes the most popular social networks on the territory of the Russian Federation and analyzes their functions in modern society.*

Keywords: *social network, Internet, democracy, Facebook, Twitter.*

Varaksin Alexander Vladimirovich – postgradate student, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow. E-mail: varaksinp@mail.ru

На исходе XX в. сам феномен политического развития государства интерпретировался многими исследователями в парадигме «демократического транзита». Как известно, с утратой геополитической биполярности резко активизировались усилия, направленные на формирование нового – утверждаемого в качестве общеобязательного – мирового порядка. Нельзя не согла-

ситься с мнением В.С. Мирзеханова о том, что процесс демократической модернизации многих государств оказался под сильнейшим воздействием Запада и сводится к освоению институтов и норм западной либеральной демократии. В итоге главным критерием оценки развития стали темпы внедрения институтов и норм пресловутой либеральной демократии.

Но как отмечает тот же исследователь, процесс модернизации нельзя оценивать однозначно: ни одно трансформирующееся общество не в состоянии отторгнуть свое прошлое, отрешиться от него одномоментно, отринуть собственные традиции, включая и политические [7, с. 195]. Тем не менее демократия – в ее либеральном изводе – не только пропагандируется, но и буквально навязывается как универсальный критерий, неоспоримая ценность в любых политических условиях. Смена политических режимов многих государств была инициирована внешними факторами. Однако следует учитывать, что радикальная смена режимов крайне редко обусловливается исключительно внешними факторами. Как правило, они лишь дополняют, структурируют и усиливают влияние совокупности уже возникших и развивающихся внутриполитических противоречий.

В ходе анализа подобного рода случаев уместно использовать модель резонанса. Имеется в виду именно физическое понимание термина: резкое увеличение амплитуды колебаний системы, обусловленное совпадением амплитуд периодических внешних колебаний, и собственных, свойственных данной системе.

«Резонансная» модель удобна уже тем, что позволяет, во-первых, уяснить специфику внезапного совпадения воздействий различных конфликтов – этнических, конфессиональных, политических и т.д. Во-вторых, прогнозировать вероятные последствия, локализовать прогнозы хронологически, используя уже имеющийся опыт.

С этого начинается анализ. Но он вряд ли перспективен без описания ключевых понятий, используемых в исследовании. Главное из них – «демократия».

Толкования этого термина различны. Но считаются обязательными критерии «права человека», «свобода слова», «свобода печати», «разумное правление». Достаточно часто фигурирует и «демократический образ жизни». Уместность такого подхода обусловлена принятием важнейшего принципа, которым подразумевается не только «единый мир» как идеал, но и существование «другого мира», живущего по своим законам, хотя бы они и казались «недемократическими» или даже «антидемократическими».

Стоит подчеркнуть, что при оценке политических режимов весьма часто используется и понятие «демократический образ жизни». Он размыт, но в принципе сводим к вышеперечисленным. Подразумевается непременно

публичное утверждение в традициях, нравах, обычаях и менталитете пресловутых демократических установок [6, с. 79].

Однако представления об универсальности «демократического образа жизни» формировались вне современной реальности. Далеко не во всех даже европейских странах удалось реализовать казавшиеся идеальными установки. Чаемая устойчивость – в области исключений, а не правила. Это наглядно проявляется в контексте современных глобальных процессов [14, с. 88].

Напор и активность, с которыми пресловутые демократические ценности зачастую внедряются в неприспособленные для этого культуры, нередко вызывают недовольство. Это закономерно, ведь унификация подразумевает «стирание» этнического и культурного своеобразия. Что и акцентирует С. Халилов: «В условиях глобализации, которая в большинстве случаев проявляется как вестернизация, этнические группы, малые народы, каждый из которых обладает собственной неповторимостью, как будто цементируются в единой безликой конструкции. Утрачивается индивидуальность…» [12, с. 126].

Государства, пытавшиеся перейти от опыта тоталитарного и авторитарного развития к демократическому устройству, по мнению Г.Ю. Канарша, столкнулись со значительными трудностями. В частности – с низким уровнем демократической политической культуры, совершенной неразвитостью политических и правовых отношений и институтов, тяжелым грузом патриархальных традиций [4, с. 65].

В современном Российском государстве несложно проследить влияние описанных выше факторов. Но весьма важен еще один. Тот, что многими политологами именуется «электронной демократией».

Подразумевается обычно влияние социальных сетей. Их существование, как известно, стало возможным с появлением Всемирной сети – Интернета.

Бесспорно, Интернет обеспечивает максимально оперативный доступ к информации. Более того, предоставляет возможности ее анализировать, что оказывает колоссальное влияние на процесс формирования общественного мнения [5].

Интернет делает практически безграничными возможности коммуникации. По сути, это инструмент формирования виртуального общества. И тут важнейшую роль играют социальные сети. В Россию они пришли из Америки.

Одной из первых, как известно, была сеть Classmates.com [15]. Появилась она в середине 1990-х годов. В 1999 г. была создана платформа для ведения онлайн-дневников – Живой Журнал (ЖЖ) [2].

В середине 2000-х годов появилось множество новых сетей. Одна из наиболее распространенных – Фейсбук [11]. Популярен и Твиттер [9]. Появился даже соответствующий термин – «твиттерное мышление». Термин этот связан с коммуникационной спецификой этой сети. Твиттер позволяет опера-

тивно распространять среди пользователей сети сообщения, объем которых не превышает 140 печатных знаков.

В 2006 г. появилась и российская социальная сеть. Это Одноклассники [8]. Позиционировалась она как платформа общения бывших соучеников в средней школе. Не менее популярна и другая сеть с несколько иными адресатами – ВКонтакте [1]. Она изначально была задумана как платформа общения студентов и выпускников высших учебных заведений.

Среди новых, однако быстро завоевавших популярность, следует упомянуть появившуюся в 2010 г. фотосеть Инстаграм [3]. Она предназначена для обмена фотографиями. Вышеперечисленные сети, разумеется, функционируют на базе Интернета. Специфична же возникшая в 2013 г. Телеграм [10]. Она соотнесена с номерами мобильных телефонов пользователей.

Уместно подчеркнуть: это наиболее популярные сети на территории Российской Федерации. Аналогов у них много.

Примечательно, что ЖЖ, фиксирующий повседневность автора, изначально вели многие популярные российские литераторы и политики. Численность их аудиторий превышала десятки тысяч. Но в 2010-е годы эту сеть постепенно вытесняет Фейсбук. Твиттер и Фейсбук ныне доминируют в российском пространстве. Не только индивиды, но едва ли не каждое сколько-нибудь значимое учреждение имеет в этих сетях аккаунты. Активным пользователем Твиттера является, как известно, Председатель Правительства Российской Федерации, в прошлом – Президент России Д.А. Медведев.

Благодаря социальным сетям отношения между индивидом и социумом приобретают большую эластичность. Общественные связи становятся менее жесткими и открываются большие возможности проявления индивидуальности. Значение этого фактора трудно переоценить. Воздействие на социум глобальных изменений приводит к атомизации, когда само общество в определенном смысле собирается заново, но приобретает новую модель структуры – сплав «по интересам», которые формируются вокруг темы или же личности.

Такая модель может показать децентрализованной. Но и она имеет свои «точки сбора», еще в недостаточной степени изученные [13, с. 3]. Механизмом запуска процессов, оказывающих влияние на общественное бытие, в данной ситуации является присущий современности культ публичности. Если традиционная массовая культура в центр внимания ставила некую знаменитость, то ныне такой статус может обрести практически любой индивид – благодаря социальным сетям. В социальных сетях значимость события определяется распространенностью сведений о нем. Соответственно, успех владельца аккаунта оценивается по количеству «друзей». Это, в частности, оценка влиятельности, обусловленной не официальным статусом, а качествами индивида, общественным интересом к нему.

Основным участником социальной сети становится микрогруппа – индивид и его «единомышленники». При этом в каждой микрогруппе устанавливается своя «шкала ценностей», зачастую существенно отличающаяся от общепринятой. Общепринятая система ценностей часто дает сбой, в сетевом сообществе возникает раскол, конфликты часто переходят в реальную плоскость.

По критерию свободного доступа к социальным сетям многие исследователи ныне оценивают степень демократизации общества. Такой подход не лишен оснований. Хотя бы потому, что граждане стран, признаваемых заведомо «недемократическими», лишены возможности пользоваться Интернетом и, соответственно, социальными сетями. Запрет этот, в частности, установлен правительством КНДР. Пример характерный.

Однако и подход «недемократических» правительств тоже не лишен оснований. Это результат осмысления специфических функций социальных сетей.

Бесспорно, что социальные сети расширяют коммуникативные возможности индивида. Они позволяют формировать круг общения вне среды, заданной биографически – знакомствами, появившимися в ходе обучения, профессиональной деятельности, обусловленными соседством и т.п. Социальные сети, по сути, уничтожают подобного рода границы. Круг общения формируется по критерию общности интересов, привлекательности собеседника, актуальности какой-либо темы и т.д.

Но в аспекте интересов правительства важнее другое: контроль за социальными сетями неэффективен.

Сети обеспечивают, прежде всего, свободный обмен информацией. При этом настоящие имена пользователей отнюдь не всегда известны. Выявление их требует весьма значительных затрат, но эффект достижим редко. Общение в социальных сетях предоставляет индивиду возможность противостоять официальной пропаганде. Более того, вести с ней полемику в рамках сетевого сообщества. Кроме того, социальные сети могут стать и становятся инструментами организации сообществ, практически не контролируемых правительством. А это уже подразумевает опасность упомянутого выше резонанса, создающего условия для государственного переворота.

Традиционные «демократические» режимы, вне зависимости от мнения правительств, не могут ограничить доступ к социальным сетям. Это ведь и есть посягательство на фундаментальный принцип организации общества – пресловутую демократию. Правительствам, что уже признаны «недемократическими», заботиться о такого рода последствиях нужды нет. В таких государствах действует запретительный принцип: запрещено все, что не разрешено официально. Несколько иная ситуация в странах, правительства которых претендуют на статус «демократических». Запреты признаются нецелесооб-

разными, однако характерны попытки на уровне законодательства ограничить или контролировать деятельность социальных сетей.

Применительно к современной отечественной ситуации можно констатировать, что в РФ доступ к социальным сетям за редким исключением не ограничен. Более того, попытки законодателей ограничить его, в частности устранить анонимность пользователей, контролировать пространство общения тотально – блокируются именно правительством.

Библиография

1. ВКонтакте: Социальная сеть // URL: https://vk.com. (Дата обращения: 19.01.2017.)
2. Живой Журнал: Платформа для ведения онлайн-дневников // URL: http://www.livejournal.com (Дата обращения: 19.01.2017.)
3. Инстаграм: Социальная сеть // URL: https://www.instagram.com (Дата обращения: 19.01.2017.)
4. Канарш Г.Ю. Демократия и особенности российского национального характера // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3. С. 64–77.
5. Марков Б.В. Демократия и Интернет // Технологии информационного общества. Интернет и современное общество: Материалы Всероссийской объединенной конференции. Санкт-Петербург, 20–24 ноября 2000 г. СПб., 2000. С. 43–47.
6. Махаматов Т.М. Демократия как образ жизни народа. Дисс… на д-р филос. наук. М.: МГУ, 2005. 317 с.
7. Мирзеханов В.С. Власть, демократия и «разумное правление» в переходных обществах // Логос. 2003. № 4–5. С. 195–205.
8. Одноклассники: Социальная сеть // URL: https://ok.ru (Дата обращения: 19.01.2017.)
9. Твиттер: Социальная сеть // URL: https://twitter.com (Дата обращения: 19.01.2017.)
10. Телеграм: Социальная сеть // URL: https://telegram.org (Дата обращения: 19.01.2017.)
11. Фейсбук: Социальная сеть // URL: https://www.facebook.com (Дата обращения: 19.01.2017.)
12. Халилов С. Восток и Запад как модели общества // Глобалистика: Международный, междисциплинарный, энциклопедический словарь. М. – СПб.: Элима, Питер, 2006. 1160 с.
13. Чумаков А.Н. Глобальный мир: Проблема управления // Век глобализации. 2010. № 2. С. 3–16.
14. Чумаков А.Н. Современный мир в культурно-цивилизационном измерении // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2012. № 3. С. 86–90.
15. Classmates.com: Social network // URL: http://www.classmates.com (Дата обращения: 19.01.2017.)

References

Chumakov A.N. Global'nyj mir: problema upravlenija // Vek globalizacii. 2010. N 2. P. 3–16.
Chumakov A.N. Sovremennyj mir v kul'turno-civilizacionnom izmerenii // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2012. N 3. P. 86–90.
Classmates.com: Social network // URL: http://www.classmates.com (Data obrashhenija: 19.01.2017.)
Facebook: Social'naja set' // URL: https://www.facebook.com (Data obrashhenija: 19.01.2017.)

Halilov S. Vostok i Zapad kak modeli obshhestva // Globalistika: Mezhdunarodnyj, mezhdisciplinarnyj, jenciklopedicheskij slovar'. Moscow – Saint-Petersburg: Jelima, Piter, 2006. 1160 p.

Instagram: Social'naja set' // URL: https://www.instagram.com (Data obrashhenija: 19.01.2017.)

Kanarsh G.Ju. Demokratija i osobennosti rossijskogo nacional'nogo haraktera // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2009. N 3. P. 64–77.

LiveJournal: Platforma dlja vedenija onlajn-dnevnikov // URL: http://www.livejournal.com (Data obrashhenija: 19.01.2017.)

Mahamatov T.M. Demokratija kak obraz zhizni naroda. Diss… na d. filos. n. Moscow: MGU, 2005. 317 p.

Markov B.V. Demokratija i Internet // Tehnologii informacionnogo obshhestva. Internet i sovremennoe obshhestvo: Materialy Vserossijskoj ob#edinennoj konferencii. Saint-Petersburg, 20–24 nojabrja 2000 g. Saint-Petersburg, 2000. P. 43–47.

Mirzekhanov V.S. Vlast', demokratija i «razumnoe pravlenie» v perehodnyh obshhestvah // Logos. 2003. N 4–5. P. 195–205.

Odnoklassniki: Social'naja set' // URL: https://ok.ru (Data obrashhenija: 19.01.2017.)

Telegram: Social'naja set' // URL: https://telegram.org (Data obrashhenija: 19.01.2017.)

Twitter: Social'naja set' // URL: https://twitter.com (Data obrashhenija: 19.01.2017.)

VKontakte: Social'naja set' // URL: https://vk.com (Data obrashhenija: 19.01.2017.)

И.В. Лукьянов

ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена будущему государства и власти в быстро меняющемся, высокотехнологичном мире, взаимодействию государства и общества, необходимости реформы государственных институтов. Рассматривается процесс ослабления власти в современном мире и роль четвертой промышленной революции в этом процессе.*

Ключевые слова: *государство, власть, общество, четвертая промышленная революция, глобальные вызовы, новый мировой порядок.*

Лукьянов Иван Валерьевич – аспирант кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем Факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: mrroro@mail.ru

I.V. Lukjanov. The State During the Fourth Industrial Revolution

Abstract. *The article touches upon the future of the government and state power in the rapidly changing high-tech world. Much attention is paid to the cooperation between the state and society and the necessity to reform the state institutes. The article studies the process of declining power in contemporary world and the role of the fourth Industrial Revolution in it.*

Keywords: *government, the state power, society, the fourth Industrial Revolution, global challenges, the new world order.*

Lukyanov Ivan Valerievich – postgraduate student of the UNESCO Department on Global problems of the Faculty of Global studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: mrroro@mail.ru

Человечество привыкло к роли государства и власти в обществе. Теократические и конституционные монархии, парламентские и президентские республики, тирания и тоталитаризм… Все эти режимы, формы правления, государственного устройства, как и многие другие, подвержены изменениям,

порой медленным, порой стремительным. В последние десятилетия взаимоотношения общества и государства все чаще принимают форму противостояния. Один из ярких примеров – ситуация, сложившаяся после выборов президента США в 2016 г. Общество, уставшее от нереализованных обещаний, экспорта демократии и войн, от собственных проблем, сделало свой выбор. Время покажет, был ли он верным. Но перемены оказались не всем по душе. Протесты и общественные акции, «женские марши», выступление мэра Нью-Йорка Билла де Блазио, критика президента со стороны множества известных людей... Скандальность – лучшее слово для характеристики всего происходящего, не только вокруг самих выборов, но и вокруг первых шагов президента на политическом поле. Это не первый крупный скандал в США, непосредственно связанный с политикой и государством. Политический скандал, вошедший в историю под названием *Уотергейт*, история взаимоотношений президента Билла Клинтона и Моники Левински (кстати, незадолго до начала этого скандала закончилось расследование, касающееся компании Whitewater, в котором Клинтон подозревался в финансовом мошенничестве).

Подобные резонансные дела происходят не только в США. Президенту Бразилии Дилме Руссеф объявили импичмент; на это раз причиной скандала стали обвинения в коррупции и нарушении налогового законодательства. Схемы противозаконной деятельности, вскрытые в ходе расследования, касались и ее предшественника президента Луиса Да Силвы. Но если в данном случае абсолютно ясна мотивация главных героев скандала, то произошедшее с президентом Южной Кореи Пак Кын Хе выглядит абсолютно сюрреалистично и заставляет вспомнить историю Григория Распутина. Особо приближенная к президенту персона, Чхве Сун Силь, имела доступ к государственной информации, обвинялась во вмешательстве в управление государством, а также в том, что она принуждала крупные корейские компании жертвовать финансовые средства в ее фонд. В этом же скандале оказался замешан вице-президент крупнейшей корейской компании *Samsung Electronics* – Ли Чжэ Ен.

Архив документов Панамской юридической фирмы *Mossack Fonseca*, рассекреченный и переданный в средства массовой информации, высветил то, что Фридрих Ницше метко назвал «невинной коррупцией». В ней оказались замешаны известные политические фигуры. Эдвард Сноуден поведал миру о тотальной слежке за гражданами многих стран, программах, разработанных для тайного сбора информации, о тысячах страниц других засекреченных документов. Тем самым он нанес непоправимый ущерб государственной машине США, олицетворяющей власть мирового масштаба.

Может показаться, что сильные мира сего, стремящиеся к могуществу и богатству любыми путями, обладают сейчас наибольшей властью, а позиции их прочны как никогда.

Между тем упадок государства и власти приобретает угрожающий размах. Анамнез заболевания восходит к 1990-м годам. Рухнул биполярный мир, однако международное сотрудничество не приносит желаемых результатов. Безусловно, принималось немало важных решений, например подписание Декларации тысячелетия ООН – масштабная программа из восьми целей и 21 задачи, от обеспечения всем детям начального образования до борьбы с ВИЧ (СПИДом). Предполагалось решить эти проблемы уже к 2015 г. Согласно индексу человеческого развития за 2015 г., ежегодно рассчитываемого экспертами ПРООН (Программы развития ООН) и группой независимых международных экспертов, в таких государствах, как Бурунди, Чад, Эритрея, Центрально-Африканская Республика и Нигер, умеют писать и читать не более 30% населения [6]. Согласно докладу ЮНЭЙДС (программы ООН по борьбе с ВИЧ) за 2015 г., в мире из 36,9 млн людей, живущих с ВИЧ, 17,1 млн не знают о том, что у них вирус, и их необходимо протестировать на ВИЧ. А около 22 млн, в том числе 1,8 млн детей, не имеют доступа к лечению от ВИЧ [1]. К этому добавляется проблема международного терроризма, который теперь представляет собой не просто разбросанные по миру группировки и спящие ячейки, но становится неким подобием «государства». Не затихает миграционный поток, повлекший за собой серьезный кризис в ЕС. Весь этот далеко не полный комплекс проблем вызывает у людей недоверие к государству и власти.

Порой это недоверие выливается в протесты и погромы, накапливается в обществе, порождая революционные течения. Ряд авторитетных исследований последнего времени выявляют опасную тенденцию: в странах с развитой демократией – в Европе, США и Японии – социальное доверие к институтам власти постоянно падает. Президент фонда Карнеги «За международный мир» Джессики Мэтьюз отмечает: группа американских социологов, исследовавших раз в два года настроения избирателей, «…с 1958 г. задавала один и тот же вопрос: правильные ли решения, всегда или в большинстве случаев принимает федеральное правительство? До середины 1960-х годов 75% американцев отвечали утвердительно, в последующие 15 лет уверенность начала постепенно снижаться. Так, в 1980 г. утвердительно ответили лишь 25% американцев». Безусловно, причинами были война во Вьетнаме, политические убийства, Уотергейт. Но главное – доверие так и не вернулось. «Последние три десятилетия одобрение действий правительства остается на отметке 20–35%. И за последние десятилетия ни одна из перемен в руководстве, за которые голосовали американцы, не смогла изменить устоявшуюся тенденцию» [8].

Профессор сравнительной политологии Пиппа Норрис совместно с группой экспертов из разных стран в исследовании «Гражданская критика» приходят к выводу, что неудовлетворенность политической системой и главными

политическими институтами – мировая тенденция [9, с. 73]. Эти исследования, безусловно, не могут быть исчерпывающим источником информации, но они убедительно демонстрируют изменения во взаимоотношениях между обществом и государством.

Возникает обоснованный вопрос: не пришло ли время перемен? К XVIII столетию были созданы большинство основных политических институтов. Политические партии, независимая судебная система, представительное правление, судебный надзор, парламент, верховенство гражданской власти над военной, свобода слова и свобода совести – список может быть продолжен. Однако необходимость преобразований, способных изменить мир подобно тому, как его меняли научно-технические революции прошлого, становится все яснее. Эти перемены не смогут быть запущены конгрессами, переговорами, встречами за закрытыми дверями или инициативами «сверху», прилежно передаваемыми по всем «вертикалям бюрократии». Изменения, которые несет с собой четвертая промышленная революция, вероятнее всего, вынудят государства адаптироваться к новым условиям путем перестройки взаимоотношений со своими гражданами.

Эта революция находится пока в самом начале, однако уже сейчас можно рассмотреть силуэт надвигающихся изменений. Вот лишь некоторые из них: искусственный интеллект, роботизация, беспилотные автомобили, квантовые вычисления, био- и нанотехнологии, сверхмощная компьютерная система IBM Watson, способная за несколько минут рассчитать индивидуальную программу лечения раковых заболеваний, концепция послойного создания органа или кости с помощью 3D модели [4; 10]. Давно обсуждается возможность еще одного новшества четвертой промышленной революции – «блокчейна», или цепочки блоков транзакций. Нельзя не упомянуть концепцию «Умный город»: благодаря развитию датчиков, подключенных к сети Интернет, возможна оптимизация управления потоками энергии, логистикой, дорожным движением, уборкой мусора, парковкой автомобилей и даже освещением. Повсеместно используются смартфоны и планшеты, обладающие небывалой вычислительной мощью.

В этой новой ситуации государство призвано играть новую роль. В условиях усиливающейся поляризации взглядов и роста возможностей граждан, эффективное руководство невозможно осуществлять устаревшими методами. Как отмечает исследователь М. Наим: «В XXI веке власть проще получить, но труднее использовать и легче потерять» [3, с. 16].

Для перехода к новым технологическим, экономическим и социальным структурам государству очень важно установить «партнерство» с обществом. Необходимостью становится повсеместное внедрение и использование государством интернет-технологий, которые помогут государственным органам

качественно модернизировать свои структуры, добиться большей прозрачности, а следовательно – и ответственности.

В условиях новой промышленной революции власть нередко переходит от жестко регламентированных государственных структур к более гибким, негосударственным субъектам. Жесткая организация уступает место более свободному типу устройства. Главная черта этих изменений – создание социальных групп «микровласти» (выражение М. Наима). Повстанцы, киберпреступники, активисты с неясной политической мотивацией и целью, альтернативные СМИ, инновационные стартапы и пр. – к ним переходит часть власти, когда-то безраздельно принадлежавшей государству. Государственную власть становится проще подорвать и крайне сложно укрепить и удержать. Барьеры, долгое время защищавшие государственные структуры, ослабевают. Снижается эффективность действий правительств, так как управляемый объект, население, осведомлен обо всех событиях, мобилен и требователен. Сегодня граждане не спрашивают себя, что они могут сделать для государства, они спрашивают, что государство может сделать для них. В новых условиях государству надлежит обеспечивать координацию и коммуникацию всех социальных сообществ, от небольших религиозных общин до крупных корпораций. Политическим элитам в этих условиях неизбежно придется отказываться от «лифтового мышления», от стремления изменить соотношение сил на мировой арене, разделив мир на сильных и слабых.

Известный теоретик международных отношений профессор Чарльз Купчан замечает: «Никакая единая модель или сила не придет на смену западному порядку. XXI век не будет принадлежать Америке, Китаю России или кому бы то ни было. Мир будет ничьим. Впервые в истории он станет системой взаимных зависимостей – но без общего центра тяготения и без мирового жандарма» [7, с. 17]. Пока же, судя по последним событиям в мире, – выходу Великобритании из ЕС, взаимным обвинениям в кибератаках, развитию института экономических санкций – государства скорее сражаются между собой за возвращение прошлого. Прошлого, в котором одна страна будет определять мировой порядок, а остальным придется смириться с предписанной ролью.

Важнейшим делом государства сегодня становится возвращение доверия к органам власти и управления, а также к политическим деятелям. Политическим партиям необходимы перемены в структуре, в оценке, выдвижении и отзыве своих лидеров. Политики нуждаются в том, чтобы вернуть доверие себе, ибо иначе бóльшим доверием общества начинают пользоваться «микровласти».

Три существенных фактора делают новую промышленную революцию самостоятельной движущей силой преобразований во всех областях жизнедеятельности.

1. *Скорость развития.* Четвертая промышленная революция происходит очень быстро благодаря тому, что новые технологии порождают еще более эффективные и инновационные технологии. К примеру, 3D-печать создает не только персонализированные потребительские товары, но и создает возможности для биопротезирования, что позволит преодолеть проблему дефицита донорских органов.

2. *Системность воздействия.* Результатом являются многогранные изменения как внешних, так и внутренних систем в государстве, компании, обществе, отдельной отрасли. Венчурный фонд *Knowledge Ventures*, преимущественно инвестирующий в исследования, связанные с лечением рака, дегенеративных изменений мозга и развития регенеративной медицины, включил алгоритм искусственного интеллекта в свой совет директоров. Алгоритм VITAL [2] уже одобрил несколько инвестиционных решений.

3. *Глубина изменений.* Меняются устоявшиеся парадигмы в экономике, социуме, бизнес-среде, государстве, а главное – в личности человека. Человеку придется научиться общаться по-новому, работать по-новому, свыкнуться с необходимостью постоянного обучения, с непрерывными изменениями и потоками инноваций. Человеку надо адаптироваться, следовательно, меняться.

Как уже отмечалось, появление «микровласти» в лице влиятельных негосударственных организаций снижает способность государства справляться с внутренними проблемами, а также оперативно реагировать на международные проблемы. Расширяется спектр противоправных негосударственных организаций – криминальных группировок и террористических организаций. Возрастает политический экстремизм, сепаратизм, религиозно-политический фундаментализм, ксенофобия. Развитие информационных технологий не позволяет отследить все финансовые операции, счета и персональные данные участников «Талибана» или японского криминального клана Ямагути-гумми в Глобальной сети, цифровой след растворяется в какофонии Интернета. Новые бизнес-модели и средства коммуникации стали доступны не только бизнесу и обывателям, ими активно пользуются криминальные элементы и террористы. Для этих сил отныне не существует границ. Четвертая промышленная революция оказывает влияние на многие страны, в том числе США, КНР, Россию.

Пожалуй, важнейшая проблема власти сегодня – отсутствие государственной поддержки развитию инноваций, прежде всего – внедрению инновационной продукции. России, например, необходимо не только создать адекватную венчурную систему, разработать юридические нормы и усилить защиту прав собственности, необходимы изменения и в системе государственного управления. Наиболее успешно используют плоды четвертой промышленной революции Соединенные Штаты. Жизнеспособность современного американского капитализма основана на связи инноваций, «созида-

тельного разрушения» и «контролируемого хаоса». Благодаря этому монополии, пользуясь поддержкой правительства, под напором таких инноваций, как импорт моделей венчурного инвестирования, безболезненно интегрируются в новые рыночные условия. Разрушение заменяется диверсификацией, а новые силы, выходящие на рынок, не успевают попасть в хаотичное движение.

Новая промышленная революция создает опасные условия для существования старых политических устоев. В ситуации, когда государству все труднее удерживать и применять власть, растет социальное недоверие граждан, активизируются негосударственные компании. Нарастает поток инноваций с неизвестным будущим эффектом, меняется мировой рынок труда, не утихают военные конфликты и отсутствуют способы адекватного решения мировых проблем. В этих условиях могут сложиться формы соперничества, губительные для общества, культуры, экономики как в отдельно взятой стране, так и во всем мире. Ситуация может развиваться по двум сценариям: либо максимальная концентрация власти – тирания, либо полное распыление власти между множеством акторов, что приведет к анархии.

Четвертая промышленная революция чревата подобными вызовами глобального масштаба. К тому же существует огромная диспропорция в распространении технологий. Около 1,3 млрд человек, проживающих на планете, не имеют постоянного доступа к электричеству – двигателю второй промышленной революции. Примерно 4 млрд человек еще только ожидают наступления третьей промышленной революции [5, с. 17]. Данная диспропорция сохранится и в будущем.

С учетом вышесказанного государству и органам власти придется создавать новые модели управления, образования, здравоохранения, обновлять рынок труда, привлекая людей к формированию новой, прозрачной системы управления, более гибкой и универсальной.

Библиография

1. Всемирный день борьбы со СПИДом. СПИД в цифрах // Юнэйдс. URL: http://www.unaids.org/sites/default/files/media_asset/AIDS_by_the_numbers_2015_ru.pdf (Дата обращения: 25.02.2017.)

2. Дэйв Л. Алгоритм назначения в совет директоров // BBC News. 2014. 16 мая. URL: http://www.bbc.com/news/technology-27426942 (Дата обращения: 25.02.2017.)

3. Мойзес Н. Конец власти. М.: АСТ, 2016. 512 с.

4. Ча Юджунг А. Каков следующий подвиг суперкомпьютера Watson? Сражение с раком // The Washington Post. 2015. 27 Jun. URL: http://www.washingtonpost.com/sf/national/2015/06/27/watsons-next-feat-taking-on-cancer (Дата обращения: 25.02.2017.)

5. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: ЭКСМО, 2016. 208 с.

6. Human Development Report 2015: Work for Human Development // Human Development Report: United Nations Development Programme. URL: http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2015-work-human-development (Дата обращения: 25.02.2017.)

7. Kupchan Ch.A. No One's World. The West, the Rising Rest and the Coming Global Turn. New York: Oxford University Press, 2012. 272 p.

8. Mathews J.T. Saving America. Thomas Jefferson Foundation Medal Lecture In Citizen Leadership Given by Jessica Tuchman Mathews // UVAToday. 2012. 13 apr. URL: https://news.virginia.edu/content/2012-thomas-jefferson-foundation-medals-be-awarded-rafael-moneo-george-mitchell-and-jessica (Дата обращения: 25.02.2017.)

9. Norris P. Critical Citizens: Global Support for Democratic Government. New York: Oxford University Press, 1999. 320 p.

10. 3D Printing Startup Ecosystem. 2014. 31 Jul. URL: https://de.slideshare.net/SpontaneousOrder/3d-printing-startup-ecosystem?qid=b9657bf4-d5f5-431b-aca4-6ef67b4080bd&v=&b=&from_search=1 (Дата обращения: 25.02.2017.)

References

Cha Judzhung A. Kakov sledujushhij podvig superkomp'jutera Watson? Srazhenie s rakom // The Washington Post. 2015. 27 Jun. URL: http://www.washingtonpost.com/sf/national/2015/06/27/watsons-next-feat-taking-on-cancer (Data obrashhenija: 25.02.2017.)

Djejv L. Algoritm naznachenija v sovet direktorov // BBC News. 2014. 16 maja. URL: http://www.bbc.com/news/technology-27426942 (Data obrashhenija: 25.02.2017.)

Human Development Report 2015: Work for Human Development // Human Development Report: United Nations Development Programme. URL: http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2015-work-human-development (Data obrashhenija: 25.02.2017.)

Kupchan Ch.A. No One's World. The West, the Rising Rest and the Coming Global Turn. New York: Oxford University Press, 2012. 272 p.

Mathews J.T. Saving America. Thomas Jefferson Foundation Medal Lecture In Citizen Leadership Given by Jessica Tuchman Mathews // UVAToday. 2012. 13 apr. URL: https://news.virginia.edu/content/2012-thomas-jefferson-foundation-medals-be-awarded-rafael-moneo-george-mitchell-and-jessica (Data obrashhenija: 25.02.2017.)

Mojzes N. Konec vlasti. Moscow: AST, 2016. 512 p.

Norris P. Critical Citizens: Global Support for Democratic Government. New York: Oxford University Press, 1999. 320 p.

Shvab K. Chetvertaja promyshlennaja revoljucija. Moscow: EKSMO, 2016. 208 p.

Vsemirnyj den' bor'by so SPIDom. SPID v cifrah // Junjejds. URL: http://www.unaids.org/sites/default/files/media_asset/AIDS_by_the_numbers_2015_ru.pdf (Data obrashhenija: 25.02.2017.)

3D Printing Startup Ecosystem. 2014. 31 Jul. URL: https://de.slideshare.net/SpontaneousOrder/3d-printing-startup-ecosystem?qid=b9657bf4-d5f5-431b-aca4-6ef67b4080bd&v=&b=&from_search=1 (Data obrashhenija: 25.02.2017.)

А.Ю. Лесь

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ СОЮЗНИКИ РОССИИ НА ГЛОБАЛЬНОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. *Статья посвящена взаимоотношениям России с ее стратегическими союзниками на мировом информационном пространстве. В статье приведены примеры взаимодействия стран БРИКС в преодолении информационных угроз и обеспечении глобальной медиабезопасности.*

Ключевые слова: *стратегические союзники, информационная конфронтация, информационно-коммуникативные технологии (ИКТ), глобальное медиапространство.*

Лесь Анастасия Юрьевна – аспирантка кафедры глобалистики факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
E-mail: les_nastya@mail.ru

A.Yu. Les. Strategic Allies of Russia on the Global Mediaspace

Abstract. *This article is devoted to Russia's key strategic allies on the Global Mediaspace. The article also illustrates examples of the BRICS factor on the Global Mediaspace.*

Keywords*: strategic allies, informational confrontation, information and communication technologies (ICT), Global Mediaspace.*

Les Anastasia Yuryevna – postgradate student,
Department of globalistics, faculty of Global studies,
Lomonosov Moscow State University.
E-mail: les_nastya@mail.ru

Перефразируя Александра III, заявлявшего, что у России только два союзника – ее армия и флот, можно сказать, что на глобальном медиапространстве у России также два союзника – русский язык и информационные технологии. На их основе возможно осуществление успешной информационной политики на международном уровне.

Если говорить об институте стратегического союзничества в более традиционном ключе, то основными партнерами России по освоению глобального медиапространства являются страны СНГ, БРИКС и ШОС. В рамках БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика) [6, с. 115] и Содружества Независимых Государств (Россия, Белоруссия, Азербайджан, Армения, Узбекистан, Молдова, Казахстан, Таджикистан, Киргизия, а также Украина [5, с. 6], в парламенте которой в настоящее время рассматривается вопрос о выходе из Содружества) осуществляются многочисленные совместные программы, направленные на защиту и продвижение интересов входящих в эти объединения стран. Организацией стратегических союзников также является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в которую входят Россия, Китай, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия.

В последние годы на международной арене неуклонно возрастает уровень информационных угроз, а проблема информационной безопасности становится одной из важнейших детерминант национальных стратегий. Растет значимость международного сотрудничества в этой сфере. Страны-союзницы разрабатывают совместные программы противодействия глобальным информационным вызовам и достижению общих целей развития.

Вопросы информационной политики постоянно рассматриваются странами – участницами СНГ, БРИКС и ШОС в рамках международных конференций и саммитов в течение последних пяти лет. В документах этих форумов отмечается необходимость совершенствования технологий обнаружения возникающих информационных угроз и углубления сотрудничества в области противодействия международному терроризму и экономической киберпреступности на мировом медиапространстве.

Особенно глубоким является сотрудничество России со странами СНГ, оно осуществляется по всем направлениям, в том числе и в сфере информационного развития. Даже смена внешнеполитического курса Украины и обострение в последние годы российско-украинских отношений (в том числе информационная конфронтация) не смогли прервать глубинных связей между нашими странами. Информационный сектор стран Содружества исторически связан с русскоязычным вещанием и технологическим базисом средств массовых коммуникаций. На ежегодных саммитах СНГ, которые проводятся с 1991 г., обсуждаются актуальные вопросы сотрудничества, выдвигаются решения по возникающим угрозам, в том числе и информационным.

Новые перспективы сотрудничества в сфере информационной политики открывает для России взаимодействие в рамках ШОС и особенно БРИКС.

С нарастанием информационных угроз проблема медиабезопасности стала занимать все большее место в документах саммитов БРИКС.

На VII саммите стран БРИКС, состоявшемся в Уфе 8–9 июля 2015 г., обсуждались перспективы сотрудничества стран-участниц на ближайшее пятилетие. Вопросы информационной политики нашли отражение в ряде итоговых документов. В соглашении о сотрудничестве государств БРИКС до 2020 г. были отмечены меры внешнеполитического, социально-экономического, а также информационного плана. На саммите была подписана Уфимская декларация, в которой среди других важных вопросов (таких, как возможность перехода к торговым обменам в национальной валюте, распространение международного терроризма, кризис в Греции, события на Украине и т.п.) не затерялись и проблемы информационного характера, в частности проблема негативного влияния информационного противоборства на развитие международных отношений [2].

Особое внимание к проблемам информационного сотрудничества было уделено на саммите БРИКС на Гоа 16 октября 2016 г. Более десяти пунктов итоговой декларации саммита посвящены проблемам использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на глобальном медиапространстве, что иллюстрирует остроту данного вопроса. Так, в пункте 64 страны-участницы подчеркнули значимость информационного сектора в сохранении вектора устойчивого развития и призвали международное сообщество к разработке всеобъемлющего подхода к определению принципов и стандартов использования ИКТ на международной арене. «Мы вновь подтверждаем, – говорится в Декларации, – что развитие ИКТ является ключевым фактором обеспечения устойчивого развития, международного мира и безопасности, соблюдения прав человека. Мы соглашаемся наращивать совместные усилия в целях повышения безопасности в сфере использования ИКТ, борьбы с применением ИКТ в преступных и террористических целях, а также совершенствования сотрудничества между нашими профильными структурами, занимающимися вопросами технического характера, правоприменения, НИОКР[1] и инноваций в области ИКТ, наращивания информационного потенциала. Мы заявляем о нашей приверженности сокращению цифрового технологического разрыва между развитыми и развивающимися странами. Мы признаем, что наш подход должен быть многовекторным и инклюзивным, а также содержать углубляющееся понимание проблемы доступа к цифровым технологиям» [3]. Пункт 65 Декларации акцентирует внимание на фундаментальной роли современных информационных технологий в сохранении принципов прав и свобод человека [3].

Странами БРИКС была достигнута договоренность о кооперации в сфере обеспечения безопасности информационно-коммуникационных технологий,

1. Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.

а также о совместном противодействии использованию ИКТ в преступных целях. Важная роль отводится обмену опытом в использовании информационно-коммуникационных технологий и совместному мониторингу и контролю мирового рынка программного обеспечения [3].

Страны БРИКС исторически и цивилизационно далеки друг от друга, что затрудняет, но не нивелирует возможность сохранять их стратегическое партнерство. Рассматривая вектор дальнейшего взаимодействия стран БРИКС, специалисты отмечают необходимость развития диалогового формата в решении ключевых вопросов. Именно диалог позволит странам БРИКС сохранить «способность согласовывать интересы и действия на международной арене» [1, с. 52]. В полной мере это относится и к сотрудничеству в сфере информационной политики. Современные информационно-коммуникативные технологии позволяют эффективно осуществлять совместные проекты практически независимо от географии и цивилизационных истоков участников международного взаимодействия.

В современном мире в основе стратегического союзничества лежит не столько географическая и историческая близость, сколько совпадение интересов стран – участниц объединений и партнерств. У стран БРИКС эти интересы совпадают во многих аспектах, в том числе в вопросах противодействия информационному терроризму, обеспечения информационной безопасности, а также в купировании процесса дезинформации населения через средства массовой коммуникации, получившего в конце 2016 г. характер глобальной эпидемии [10, с. 67].

Таким образом, для достижения эффективного результата международного сотрудничества следует учитывать особенности каждой страны – участницы группы и придерживаться совместно разработанных принципов информационной политики.

Нарастание информационных угроз сопровождается углублением информационной конфронтации на международной арене. Особенно острым характером отличается медийное противостояние между Россией и Западом, наметившееся во время украинского кризиса 2014 г. и принявшее радикальные формы после введения российских войск в Сирию осенью 2015 г. В конце 2016 – начале 2017 г., в связи с президентскими выборами в США, российский вопрос стал центральным в западных СМИ.

Следует также обратить внимание на ужесточение санкций в отношении российских медиа на Западе. Показательным является инцидент с телеканалом «Russia Today» в октябре 2016 г., когда все счета телеканала были заблокированы в Великобритании. Давлению подверглось также информационное агентство «Спутник».

Стратегической целью этих и других подобных акций являлась изоляция России на глобальном медиапространстве, создание негативного образа нашего государства на мировом информационном поле.

Эта задача оказалась невыполнима в том числе и благодаря стратегическим союзникам России, не включившим свои голоса в хор идеологических противников нашего государства.

Россия внимательно относится к проблеме стратегического союзничества в информационной сфере; усиление внимания к этой теме можно проследить в развитии концепции национальной безопасности РФ. Сравнивая стратегии национальной безопасности РФ № 537 от 12 мая 2009 г. [8] и № 683 от 31 декабря 2015 г. [9] на предмет включения в эти документы вопросов информационной политики, можно с уверенностью отметить, что Россия намерена наращивать свой медийный потенциал, привлекая значительные интеллектуальные, финансовые и технологические ресурсы к развитию национального информационного сектора. Если в стратегии 2009 г. вопросы информационной безопасности оставались на втором плане, то в концепции 2015 г. они занимают одно из ключевых мест.

В концепции национальной безопасности 2015 г. особо отмечается стратегическая необходимость развития высокотехнологичных инструментов информационного сектора и подчеркивается важность предотвращения угроз, которые могут повлечь за собой сбой в функционировании информационных и телекоммуникационных систем критически важных объектов социально-экономической инфраструктуры [9]. Внимание уделяется не только техническим, но и содержательным аспектам информационной борьбы. В документе отмечается, что страны Запада применяют – при помощи информационно-коммуникационных технологий – методы манипулирования общественным сознанием и фальсификации исторических фактов для достижения своих стратегических целей. Выявляются информационные угрозы, которые могут привести к дестабилизации ситуации в будущем.

Детальное рассмотрение вопросов информационной политики помогает укрепить уровень защищенности общества от дестабилизирующего информационного воздействия со стороны иностранных специализированных структур и, в том числе, террористических организаций. В этой связи приоритетным направлением обеспечения национальной безопасности Российской Федерации является увеличение уровня информационно-технологической безопасности, а также повышение роли России на мировой арене.

При этом Россия предполагает действовать сугубо в рамках принципов международной безопасности, сверяя свою политику с политикой ООН в сфере информатизации и развития телекоммуникаций. Для реализации поставленных задач Российская Федерация планирует осуществлять свою

информационную политику в тесном взаимодействии с Советом Безопасности ООН и специализированными группами по ИТ.

В официальном докладе Группы экспертов ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности (№ A/65/201) рассматриваются многие технологические проблемы. Специалистами из разных стран мира планируются разработка и внедрение солидарных технологий информационной безопасности, а также механизмов управления глобальными информационными сетями и системами передачи данных [4]. Участие в подобных проектах является стратегически значимым для России.

Таким образом, мы видим, что в последние годы российские медиасистемы претерпевают существенные изменения [7]. Растет влияние российских СМИ на мировом мидиапространстве. Среди основных угроз для Российской Федерации можно выделить применение информационно-коммуникационных технологий международными террористическими организациями и международной экономической преступностью. Кроме того, сохраняется возможность использования информационно-коммуникационных технологий геополитическими противниками России в качестве инструмента для пропаганды антироссийских идей. Медийные технологии могут нанести существенный вред и внутренней стабильности общества. В этой связи Российская Федерация в кооперации со своими стратегическими союзниками стремится обеспечить коллективную информационную безопасность и усилить свою роль на международной арене.

Библиография

1. Виноградов А.В. Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира // Сравнительная политика. 2014. № 1 (14). С. 47–52.

2. Декларация VII саммита стран БРИКС в Уфе // http://brics2015.ru/documents/ (Дата обращения: 30.09.2016.)

3. Декларация стран БРИКС на Гоа // http://thailand.mid.ru/key-issues/1792-deklaratsiya-goa (Дата обращения: 17.10.2016.)

4. Доклад Группы правительственных экспертов ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности № A/65/201 // https://unoda-web.s3-accelerate.amazonaws.com/wp-content/uploads/assets/HomePage/ODAPublications/DisarmamentStudySeries/PDF/DSS_33_Russian.pdf (Дата обращения: 17.01.2017.)

5. Ефременко Д.В. Смена вех: Россия и украинский кризис // Россия и современный мир. 2014. № 4 (В). С. 6–28.

6. Ильин И.В., Леонова О.Г., Алексеенко О.А. БРИКС как общий знаменатель стратегических приоритетов // Международная жизнь. 2016. № 8. С. 115–130.

7. Медиасистема России. М.: Аспект Пресс, 2015. 384 с.

8. Стратегия национальной безопасности РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // https://rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html (Дата обращения: 20.09.2016.)

9. Стратегия национальной безопасности РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html (Дата обращения: 20.09.2016.)

10. Шестова Т.Л. Global Media и современный политический процесс // Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2016. № 3. С. 64–70.

References

Deklaracija stran BRIKS na Goa // http://thailand.mid.ru/key-issues/1792-deklaratsiya-goa (Data obrashhenija: 17.10.2016.)

Deklaracija VII sammita stran BRIKS v Ufe // http://brics2015.ru/documents/ (Data obrashhenija: 30.09.2016.)

Doklad Gruppy pravitel'stvennyh jekspertov OON po dostizhenijam v sfere informatizacii i telekommunikacij v kontekste mezhdunarodnoj bezopasnosti № A/65/201 // https://unoda-web.s3-accelerate.amazonaws.com/wp-content/uploads/assets/HomePage/ODAPubli-cations/Disarmament StudySeries/PDF/DSS_33_Russian.pdf (Data obrashhenija: 17.01.2017.)

Efremenko D.V. Smena veh: Rossija i ukrainskij krizis // Rossija i sovremennyj mir. 2014. N 4 (V). P. 6–28.

Il'in I.V., Leonova O.G., Alekseenko O.A. BRIKS kak obshhij znamenatel' strategicheskih prioritetov // Mezhdunarodnaja zhizn'. 2016. N 8. P. 115–130.

Mediasistema Rossii. Moscow: Aspekt Press, 2015. 384 p.

Shestova T.L. Global Media i sovremennyj politicheskij process // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 27. Globalistika i geopolitika. 2016. N 3. P. 64–70.

Strategija nacional'noj bezopasnosti RF ot 12 maja 2009 g. N 537 // https://rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html (Data obrashhenija: 20.09.2016.)

Strategija nacional'noj bezopasnosti RF ot 31 dekabrja 2015 g. N 683 // https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html (Data obrashhenija: 20.09.2016.)

Vinogradov A.V. Dialogovyj format BRIKS i ego rol' v stanovlenii mnogopoljarnogo mira // Sravnitel'naja politika. 2014. N 1 (14). P. 47–52.

А.И. Андреев

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ ЗНАНИЙ

Аннотация. *В работе рассматриваются понятия «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» в науке, проводится сравнительный анализ уровня воспроизводства «знаниевой» элиты в России. Делается вывод о недостаточном уровне этого воспроизводства для эффективного развития России.*

Ключевые слова: *Россия, ОЭСР, человеческий капитал в науке, результаты PISA, принцип Парето.*

Андреев Алексей Игоревич – кандидат биологических наук,
доцент факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: andreev@fgp.msu.ru

A.I. Andreev. Russia in the Global World of Knowledge

Abstract. *This article is about the concepts of «human capital» and «human potential» in science, examines the level of reproduction of «knowledge» of the elite in Russia. The conclusion about the low level of reproduction in contemporary Russia.*

Keywords*: Russia, the OECD, human capital in science, PISA results, Pareto distribution.*

Andreev Alexey Igorevich – candidate of Biological sciences,
associate professor Faculty of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University. E-mail: andreev@fgp.msu.ru

Развитие национальной науки, образования, инноваций и экономики – взаимосвязанные процессы. В основе всех этих процессов лежит стремление к повышению человеческого капитала нации. Однако естественно, что население неоднородно по уровню своего развития. При этом исследователи (ученые) несомненно должны относиться к группе самого высокого человеческого капитала. Суммарный капитал этой группы должен быть взаимосвязан с аналогичными показателями других групп. В настоящей работе будет сделана попытка ответить на вопрос, какова эта взаимосвязь. Также предстоит

определить, хватает ли человеческого капитала и уровня его воспроизводства в российской науке для поддержки капитала остальных групп.

Полезно отделить понятие «человеческий потенциал» от понятия «человеческий капитал»; такие попытки предпринимались уже неоднократно [5]. И. Фишер предложил считать капиталом все, что может накапливаться (следовательно, сохраняться) и генерировать доход в течение длительного периода времени [19].

Термин «человеческий капитал» (humancapital) получил распространение после работ Г.С. Беккера [17] и Т.У. Шульца [28], исследовавших роль инвестиций в этот капитал. Под такого рода инвестициями подразумеваются не только расходы на образование, но и другие вложения в социальную сферу, способные принести определенный доход в будущем. Различие же между человеческим капиталом и человеческим потенциалом состоит в том, что первый вовлечен в процесс производства, а второй *может быть* вовлечен. Для первого определена норма отдачи в конкретных сложившихся производственных условиях, для второго можно определить ожидаемую норму отдачи при определенных условиях ведения производственной деятельности.

Человеческий потенциал понимается как «накопленный населением запас физического и нравственного здоровья, общекультурной и профессиональной компетентности, творческой, предпринимательской и гражданской активности, реализуемый в разнообразных областях деятельности и в сфере потребления» [13]. Один из наиболее распространенных способов измерения человеческого потенциала – индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) – предложен А. Сеном [30]. Он является базовым для межстрановых сравнений [32].

При вычислении человеческого капитала в науке логично утверждать, что чем больше в стране ученых, тем лучше для ее развития и благосостояния. Количество ученых зачастую не только отражает величину человеческого капитала нации, но и, например, определяет скорость распространения инноваций. Исследование роли человеческого капитала в электронном развитии регионов России, проведенное С.Б. Шапошником в 2006 г., выявило важное обстоятельство: из множества факторов, влияющих на готовность регионов к электронному развитию, самым устойчивым и значимым оказался фактор существования научного сообщества в регионе. Именно эта группа населения выступает «в роли лидера в освоении и проводника в социальной среде широкого круга социально-технологических инноваций» [16].

Тем не менее многие исследователи считают, что российские традиции находятся в непростых отношениях с интеллектуальным и инновационным развитием. Существует распространенное мнение, что «российская культура во всех ее структурных составляющих (социальный опыт, социальная память,

формы трансляции социального опыта) консервативна и содержит неприятие инновационности» [11].

Однако государство может себе позволить содержать только ограниченное число научных работников. Научные работники могут находить источники финансирования для своей деятельности и помимо государства: из средств компаний, частных фондов и даже личных средств граждан, а также из зарубежных и международных источников. «Частных» научных работников может быть и больше, чем тех, кого «содержит» государство. Государство, как правило, заинтересовано в том, чтобы, с одной стороны, численность научных работников в государстве была максимальной. А с другой стороны, чтобы траты на науку были минимизированы.

Государственное управление кадровым потенциалом науки сталкивается с необходимостью учета еще одного немаловажного фактора. Ученые (исследователи и преподаватели высшей школы)[1] образуют научное сообщество – особую социальную группу, социальный институт или даже совокупность социальных институтов, для которой свойственны особая этика, своя иерархия, своя система средств обмена научной информацией и другие характеристики, включая профессиональный юмор, специальный язык (терминологию) и даже мифологию. «Жесткое» административное управление наукой, вторгающееся во внутреннюю культуру научного сообщества, негативно влияет на его состояние, делает невозможным нормальное функционирование научной сферы государства. Поэтому управление наукой в целом должно быть «мягким» и иметь в основном характер «государственного регулирования». С другой стороны, единство и система коммуникаций научного сообщества снимает барьеры между «государственной» и «негосударственной» наукой и облегчает реализацию направленных на развитие страны проектов.

Наука практически не признает государственных границ: научное сообщество не только международно, но и глобально по своей сути. С одной стороны, это значительно упрощает реализацию международных и глобальных наукоемких проектов (например, проектов, направленных на предотвращение глобальных вызовов и угроз, решение глобальных проблем), позволяет осуществлять научную интеграцию. С другой стороны, данный факт может препятствовать решению задач государства: создаваемые в другой стране лучшие условия жизни обостряют проблему «утечки мозгов».

1. Исследователи – это профессионалы, занятые в разработке и создании новых знаний, продуктов, процессов, методов и систем, а также в управлении соответствующими проектами. Учеными же называются все научные и научно-педагогические работники, которые принимают участие в научно-технологической деятельности [26].

Страны глобально-геополитического «второго мира», традиционно страдавшие в прошлом веке от «утечки мозгов», благодаря высоким темпам развития, настигают «первый мир» по показателям развития науки. Численность ученых в мире стремительно растет. По данным Института статистики ЮНЕСКО (UNESCO Institute for Statistics [29]), в конце 2004 г. в мире насчитывалось 5 521 400 исследователей. К 2009 г. их численность составила уже 7,1 млн, а в 2012 – 8,3 млн человек. Рост происходит в основном за счет развивающихся стран, что соответствует теории наступления эпохи «глобальной конвергенции» [4].

Однако пока «плотность» исследователей в мире весьма неравномерна. Наибольшее число исследователей живет в Китае – более 1,4 млн человек. Половина исследователей мира сосредоточена всего в четырех странах – Китае, Соединенных Штатах Америки, Японии и Германии. На десять стран мира с наибольшим количеством ученых приходится более 70% мирового исследовательского потенциала. Национальная кадровая политика в науке, таким образом, становится фактором глобальной конкуренции стран, в том числе и в военной сфере.

Следует упомянуть и об еще одном важнейшем обстоятельстве. Развитие науки в мире неизбежно приводит к тому, что и отдельные ученые, и научное сообщество в целом хотят принимать участие в управлении государством. При этом неизбежно возникает конфликт между учеными и существующими властными элитами. Политические и экономические рекомендации научного сообщества конфликтуют с такого же рода взглядами элит, принимающих государственные решения. В определенной части политического истеблишмента формируется мнение, что большое количество ученых в стране не только отягощает бюджет, но и представляет опасность для государства.

Все эти факторы, связанные с современным развитием науки, весьма актуальны и для Российской Федерации.

* * *

Сегодня в мире уделяют особое внимание изучению эффективности научных кадров и созданию условий для ее максимизации. Наиболее многочисленны в связи с этим публикации китайских и южнокорейских исследователей, чья наука в последние десятилетия стремительно развивается [18].

Доля ученых в экономически активном населении страны – один из основных показателей успешности научной политики. Однако исследователи зачастую оценивают состояние науки в России эмоционально.

Так, фундаментальное издание «Философия науки. Наука как инновационная деятельность» [15] претендует на звание первого в России «пособия по функционированию науки как инновационной деятельности». Издание

содержит главу «Динамика научных кадров» с большой подборкой фактов о трудностях ее развития в новой России по сравнению с СССР. Однако к численно обусловленным выводам авторы книги так и не приходят.

Из диссертационных работ, посвященных управлению наукой, можно упомянуть работу А.В. Вострикова «Управление наукой в Российской Федерации в условиях рынка: административно-правовой аспект» [2]. Работа наполнена верными пожеланиями, однако практически не анализирует в скольнибудь полном объеме не только последствия, но и политико-экономические механизмы реализации этих пожеланий.

Переполнены численными данными своды показателей научного отдела Росстата, подразделений НИУ ВШЭ, ИПРНРАН, РИНКЦЭ и других экспертно-статистических органов. Однако собираемые ими массивы данных оказываются недостаточными для подготовки точных оценок и прогнозов.

Прежде чем проводить глобальные исследования по состоянию отечественной науки, следует определиться с оценкой численности ученых в России с точки зрения ее оптимальности.

Вопрос о «необходимой и достаточной» численности ученых в стране – несомненно, важный вопрос государственного управления. Сколько стране нужно ученых, каков должен быть их заработок, какую часть бюджета государство должно тратить на ученых – ответы на эти вопросы способны повлиять на состояние и будущность государства.

В России уже проводились исследования, показывающие связь между численностью ученых и развитием экономики. Так, в результате исследований группы академика А.А. Акаева возникла картина сильной взаимосвязи развития экономики с количеством ученых [1]. Важной оказалась работа М.Н. Михалевой, в которой сделана попытка оценки численности исследователей в России [7]. Михалева анализировала гипотезу о том, что доля ученых в населении развитой страны должна составлять 0,8%. По ее мнению, этот показатель в России ниже. Исследовательница формулировала свои выводы на основании принципа Парето.

Принцип Парето, или принцип 20/80 – эмпирическое правило, названное в честь экономиста и социолога Вильфредо Парето [23]. В общем виде этот принцип формулируется как «20% усилий дают 80% результата, а остальные 80% усилий – лишь 20% результата». Он широко применяется в менеджменте. Имеются многочисленные исследования, демонстрирующие применимость принципа Парето к различным наукометрическим показателям, таким как публикационная активность, цитируемость, индекс Хирша и др. [20].

Существуют и другие эмпирические правила, близкие или непосредственно связанные с принципом Парето и имеющие отношение к научной деятельности и ее результативности. Так, закон Лотки описывает частоту публикаций авторами в данной области и утверждает, что число авторов,

делающих n публикаций (например, в год), составляет около 1 / n² от числа авторов, делающих одну публикацию. При этом доля тех, кто делает только одну публикацию, составляет около 60% от всех авторов [21]. Существует также «Закон квадратного корня Прайса». Согласно этому закону, половина научных текстов по определенной теме пишется числом исследователей, равным квадратному корню от общего числа ученых, работающих с этой темой [25].

Существует модель С. Кортума, основанная на применении правила Парето. Эта модель описывает динамику численности исследователей, изобретательской активности и производительности труда. Модель проверена на данных по США периода второй половины XX в., она показывает, что социальную «отдачу» следует ожидать примерно от 20% исследований [27].

Можно построить некую Парето-пирамиду общества, приняв ее за оптимальную. На 100% занятых в экономике приходится 20% «образованных людей», 4 – «инноваторов» и 0,8% – ученых. Интересно, что именно восемь исследователей на 1 тыс. занятых в экономике – таков усредненный уровень в настоящее время развитых стран – членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В России этот показатель – формально – 6,2, хотя система подсчета не учитывает преподавателей вузов. С их учетом российский показатель близок к показателю ОЭСР.

Интересно проанализировать не только «исследовательскую прослойку», но и «нижележащий» слой «инноваторов». Россия в соответствии со своим населением и статусом глобального игрока мировой политики должна «в идеале» иметь 3 млн, а то и больше таких «инноваторов» – успешных предпринимателей, отличных инженеров, врачей, учителей, профессионалов государственной службы – настоящих «двигателей прогресса».

Значения, близкие к 20%, можно встретить и в оценках доли хорошо образованных людей в других странах. Так, по мнению видного американского ученого, председателя комиссии по образованию фонда Карнеги Э. Бойера, лишь 25% выпускников американской средней школы получают полноценное общее образование [8]. При этом подавляющее большинство учащихся 10–12 классов (75%) американской школы в конце 80-х выбирали лишь три обязательных предмета – родной язык, общественные дисциплины (чаще всего история США и граждановедение) и физкультуру – не интересуясь никакими дополнительными курсами [3].

Анализ результатов PISA[2] показывает, что большая часть американских школьников пишет PISA плохо. Однако около 20% демонстрируют очень высокие результаты [10].

2. PISA (Programme for International Student Assessment) – реализующаяся под эгидой ОЭСР международная программа оценки учебных достижений школьников.

Как показывает отчет PISA [24], в среднем по странам ОЭСР 16,2% студентов имеют высокий уровень подготовки по меньшей мере в одной из трех предметных областей (математика, чтение, естественные науки); но только 4,4% из 15-летних учащихся имеют высокие результаты во всех трех сферах. При этом около 1,5% учащихся демонстрируют высокие результаты только в математике и чтении, но не в науке, 2,3% являются «умниками» в математике и естественных науках, но не в чтении, и меньше, чем 1% учащихся (0,6%) имеют высокие результаты в чтении и науке, но не в математике. Таким образом, своеобразная «элита» обучающихся состоит из пересекающихся множеств – 11,6% «математиков», 8,4 – «чтецов», 8,4% – «ученых».

Демонстрируют особые успехи только в естественных науках – 1,1%, только в чтении – 1,9 и только в математике – 4,4%. В ОЭСР не проявляют особенных способностей ни в одной сфере знаний 83,8% старших школьников (2012).

А как дела обстоят в России? Оказывается, мы можем быть «наравне» с развитыми странами в среднем, однако проигрывать в доле лучших. Так, в 2015 г., по результатам PISA, российские школьники получили средний балл по математике больший, чем средний по ОЭСР [31].

Согласно данным 2012 г., в России пересекающиеся множества молодых талантов выглядят следующим образом: 8,5% – математика, 4,2 – естествознание и 4,7% – чтение. Таланты в математике и естествознании одновременно – это 1,1% выборки (в ОЭСР – 2,3%), в чтении и математике одновременно – 1% (в ОЭСР – 1,5%). 89,8% тестированных не проявляли ни в одной сфере видных способностей. Доля хорошо понимающих тексты и разбирающихся в естествознании меньше 8%. Доля же тех, кто демонстрирует одновременно способности во всех трех сферах, в России всего 2% в отличие от 4,4% в ОЭСР.

Эти показатели несколько улучшились в 2015 г. Однако в любом случае Россия здесь проигрывает ОЭСР. Притом, что для нашей страны эти показатели должны быть больше, чем для стран ОЭСР – просто в силу размеров территории и численности населения. России для успешного развития, по самым скромным подсчетам, нужно не 3–4, а 8% «инноваторов» в обществе [14, 9, 6, 12].

Таким образом, хотя формально «человеческий потенциал» нашей науки отвечает потребностям государства, но капитал ее – явно ниже. Далеко не все ученые эффективно задействованы в развитии страны, к тому же у нас явные проблемы с воспроизводством «знаниевой» элиты. Эти проблемы можно решить повышением качества образования, развитием системы образования для взрослых и другими описанными в науке методами.

Библиография

1. Акаев А.А., Ануфриев И.Е., Кузнецов Д.И. О стратегии инновационно-модернизационного развития российской экономики // Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. С. 178–209.

2. Востриков А.В. Управление наукой в Российской Федерации в условиях рынка: Административно-правовой аспект. Дисс. на... канд. юрид. наук. Тольятти, 2009. 182 с.

3. Гато Дж.Т. Как уродуют мозг в школах США // Белорусская система образования. URL: http://bel-educ.narod.ru/BED004.htm (Дата обращения: 20.02.2017.)

4. Комплексный системный анализ, математическое моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС. Предварительные результаты. М.: Красанд, 2014. 391 с.

5. Котырло Е.С. Человеческий потенциал и человеческий капитал как научные категории // Аудит и финансовый анализ. 2011. № 6. URL: http://www.auditfin.com/fin/2011/6/2011_VI_10_08.pdf (Дата обращения: 20.02.2017.)

6. Литовкин Д. Снова желанная. Отношение общества к Российской армии резко меняется // Взгляд: Деловая газета. 2014. 29 октября. URL: http://vz.ru/society/2014/10/29/712977.html (Дата обращения: 20.02.2017.)

7. Михалева М.Н. Оценка уровня численности исследователей и оптимизации структуры высшей школы России // Социология образования. 2014. № 12. С. 52–66.

8. Поликарпов В.С. Закат Америки. Таганрог: Издательство ТРТУ, 1999. URL: http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000004/st36.shtml (Дата обращения: 20.02.2017.)

9. Росстат посчитал, сколько в России врачей разных специальностей // Доктор Питер. URL: http://doctorpiter.ru/articles/8736/ (Дата обращения: 20.02.2017.)

10. Рылько Е.Д. Результаты PISA связаны не только с качеством системы образования // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Официальный сайт. URL: https://www.hse.ru/news/edu/134672133.html (Дата обращения: 20.02.2017.)

11. Семенов Е.В. Человеческий капитал в сфере науки // Вестник международных организаций. 2007. № 4 (12). С. 24–38.

12. Сколько в России силовиков // Толкователь. 2011. 9 июля. URL: http://ttolk.ru/2011/07/09/сколько-в-россии-силовиков/ (Дата обращения: 20.02.2017.)

13. Соболева И.В. Человеческий потенциал и условия на рынках труда // Мы и они. Россия в сравнительной перспективе / Под ред. В.А. Мау, А.А. Мордашова, Е.В. Турунцева. М.: Изд-во Ин-та экономики переходного периода, 2005. 238 с.

14. Соколов А., Терентьев И. Сколько в России чиновников и много ли они зарабатывают // РБК. 2014. 15 октября. URL: http://www.rbc.ru/economics/15/10/2014/543cfe56cbb20f8c4e0b98f2 (Дата обращения: 20.02.2017.)

15. Философия науки. Наука как инновационная деятельность. Уфа, 2009. 490 с.

16. Шапошник С.Б. Роль человеческого капитала в электронном развитии регионов России // Наука. Инновации. Образование. М.: Парад. 2006. С. 368–377.

17. Becker G.S. Human capital: A theoretical and empirical analysis, with special reference to education. Chicago: University of Chicago Press, 1993. 420 p.

18. Chou Y.C., Hsu Y.Y., Yen H.Y. Evaluating capacity utilization of human resources in science and technology // African journal of business management. 2011. Vol. 5. Issue 11. P. 4254–4262.

19. Fisher I. The nature of capital and income. New York: Kelley, 1965. 427 p.

20. Liming L., Lihua L. Scientific publication activities of 32 countries // Zipf-Pareto distribution. Scientometrics. 1993. Vol. 26. Issue 2. P. 263–273.

21. Lotka Al.J. The frequency distribution of scientific productivity // Journal of the Washington Academy of Sciences. 1926. N 16 (12). P. 317–324.

22. Martin Zyl. J. The generalized Pareto distribution fitted to research outputs of countries // Scientometrics. 2013. Vol. 94. N 1. P. 1099–1109.

23. Pareto V. Cours d'Économie Politique: Nouvelle édition par G.-H. Bousquet et G. Busino. Geneva: Librairie Droz, 1964. 426 p.

24. PISA 2012 Results: What Students Know and Can Do: Student performance in mathematics, reading and science. Reading and Science. Vol. I // OECD. Official website. URL: http://www.oecd.org/pisa/keyfindings/pisa-2012-results-volume-i.htm (Дата обращения: 20.02.2017.)

25. Price DDS. A general theory of bibliometric and other cumulative advantage processes // Journal of the American Society for Information Science. 1976. N 27. P. 292–306.

26. Proposed Standard Practice for Surveys of Research and Experimental Development: Frascati Manual OESD. Paris, 2002. 256 p.

27. Samuel S. Kortum. Research, Patenting, and Technological Change // Econometrica. 1997. Vol. 65. N 6. P. 1389–1419.

28. Schultz T. Investment in human capital. The American economic review. 1961. Vol. 51. N 1. P. 1–17.

29. Science, technology and innovation. UNESCO Institute for Statistics Data Centre // URL: http://data.uis.unesco.org/Index.aspx?DataSetCode=INNOV_DS (Дата обращения: 20.02.2017.)

30. Sen A. Development as capabilities expansionю // Journal of development planning. 1989. Vol. 19. P. 41–58.

31. The Programme for International Student Assessment (PISA) // OECD. Official website. URL: http://www.oecd.org/pisa/ (Дата обращения: 20.02.2017.)

32. United Nations development programme. Human development report. New York: Oxford University Press, 1990. 262 p.

References

Akaev A.A., Anufriev I.E., Kuznecov D.I. O strategii innovacionno-modernizacionnogo razvitija rossijskoj jekonomiki // Modelirovanie i prognozirovanie global'nogo, regional'nogo i nacional'nogo razvitija. Moscow: LIBROKOM, 2011. P. 178–209.

Becker G.S. Human capital: A theoretical and empirical analysis, with special reference to education. Chicago: University of Chicago Press, 1993. 420 p.

Chou Y.C., Hsu Y.Y., Yen H.Y. Evaluating capacity utilization of human resources in science and technology // African journal of business management. 2011. Vol. 5. Issue 11. P. 4254–4262.

Filosofija nauki. Nauka kak innovacionnaja dejatel'nost'. Ufa, 2009. 490 p.

Fisher I. The nature of capital and income. New York: Kelley, 1965. 427 p.

Gatto Dzh.T. Kak urodujut mozg v shkolah SShA // Belorusskaja sistema obrazovanija. URL: http://bel-educ.narod.ru/BED004.htm (Data obrashhenija: 20.02.2017.)

Kompleksnyj sistemnyj analiz, matematicheskoe modelirovanie i prognozirovanie razvitija stran BRIKS. Predvaritel'nye rezul'taty. Moscow: Krasand, 2014. 391 p.

Kotyrlo E.S. Chelovecheskij potencial i chelovecheskij kapital kak nauchnye kategorii // Audit i finansovyj analiz. 2011. N 6. URL: http://www.auditfin.com/fin/2011/6/2011_VI_10_08.pdf (Data obrashhenija: 20.02.2017.)

Liming L., Lihua L. Scientific publication activities of 32 countries // Zipf-Pareto distribution. Scientometrics. 1993. Vol. 26. Issue 2. P. 263–273.

Litovkin D. Snova zhelannaja. Otnoshenie obshhestva k rossijskoj armii rezko menjaetsja // Vzgljad: Delovaja gazeta. 2014. 29 oktjabrja. URL: http://vz.ru/society/2014/10/29/712977.html (Data obrashhenija: 20.02.2017.)

Lotka Al.J. The frequency distribution of scientific productivity // Journal of the Washington Academy of Sciences. 1926. N 16 (12). P. 317–324.

Martin Zyl. J. The generalized Pareto distribution fitted to research outputs of countries // Scientometrics. 2013. Vol. 94. N 1. P. 1099–1109.

Mihaleva M.N. Ocenka urovnja chislennosti issledovatelej i optimizacii struktury vysshej shkoly Rossii // Sociologija obrazovanija. 2014. N 12. P. 52–66.

Pareto V. Cours d'Économie Politique: Nouvelle édition par G.-H. Bousquet et G. Busino. Geneva: Librairie Droz, 1964. 426 p.

PISA 2012 Results: What Students Know and Can Do: Student performance in mathematics, reading and science. Reading and Science. Vol. I // OECD. Official website. URL: http://www.oecd.org/pisa/keyfindings/pisa-2012-results-volume-i.htm (Data obrashhenija: 20.02.2017.)

Polikarpov V.S. Zakat Ameriki. Taganrog.: Izdatel'stvo TRTU, 1999. URL: http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000004/st36.shtml (Data obrashhenija: 20.02.2017.)

Price DDS. A general theory of bibliometric and other cumulative advantage processes // Journal of the American Society for Information Science. 1976. N 27. P. 292–306.

Proposed Standard Practice for Surveys of Research and Experimental Development: Frascati Manual OESD. Paris, 2002. 256 p.

Rosstat poschital, skol'ko v Rossii vrachej raznyh special'nostej // Doktor Piter. URL: http://doctorpiter.ru/articles/8736/ (Data obrashhenija: 20.02.2017.)

Ryl'ko E.D. Rezul'taty PISA svjazany ne tol'ko s kachestvom sistemy obrazovanija // Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «vysshaja shkola jekonomiki». Oficial'nyj sajt. URL: https://www.hse.ru/news/edu/134672133.html (Data obrashhenija: 20.02.2017.)

Samuel S. Kortum. Research, Patenting, and Technological Change // Econometrica. 1997. Vol. 65. N 6. P. 1389–1419.

Schultz T. Investment in human capital. The American economic review. 1961. Vol. 51. N 1. P. 1–17.

Science, technology and innovation. UNESCO Institute for Statistics Data Centre // URL: http://data.uis.unesco.org/Index.aspx?DataSetCode=INNOV_DS (Data obrashhenija: 20.02.2017.)

Semenov E.V. Chelovecheskij kapital v sfere nauki // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij. 2007. N 4 (12). P. 24–38.

Sen A. Development as capabilities expansionю // Journal of development planning. 1989. Vol. 19. P. 41–58.

Shaposhnik S.B. Rol' chelovecheskogo kapitala v jelektronnom razvitii regionov Rossii // Nauka. Innovacii. Obrazovanie. Moscow: Parad. 2006. P. 368–377.

Skol'ko v Rossii silovikov // Tolkovatel'. 2011. 9 ijulja. URL: http://ttolk.ru/2011/07/09/skol'ko-v-rossii-silovikov/ (Data obrashhenija: 20.02.2017.)

Soboleva I.V. Chelovecheskij potencial i uslovija na rynkah truda // My i oni. Rossija v sravnitel'noj perspektive / Pod red. V.A. Mau, A.A. Mordashova, E.V. Turunceva. Moscow: Izd-vo In-ta jekonomiki perehodnogo perioda, 2005. 238 p.

Sokolov A., Terent'ev I. Skol'ko v Rossii chinovnikov i mnogo li oni zarabatyvajut // RBK. 2014. 15 oktjabrja. URL: http://www.rbc.ru/economics/15/10/2014/543cfe56cbb20f8c4e0b98f2 (Data obrashhenija: 20.02.2017.)

The Programme for International Student Assessment (PISA) // OECD. Official website. URL: http://www.oecd.org/pisa/ (Data obrashhenija: 20.02.2017.)

United Nations development programme. Human development report. New York: Oxford University Press, 1990. 262 p.

Vostrikov A.V. Upravlenie naukoj v Rossijskoj Federacii v uslovijah rynka: Administrativno-pravovoj aspekt. Diss. na... kand. jur. nauk. Tolyatti, 2009. 182 p.

О.А. Алексеенко

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ В ПОЛИЦЕНТРИЧНОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. *В статье рассматриваются основные характеристики и тенденции развития полицентричной системы международных отношений. Особое внимание автор уделил роли Российской Федерации в процессах формирования новой архитектуры глобального политического пространства.*

Ключевые слова: *глобализация, полицентричный мир, международные отношения, Россия, центр силы.*

Алексеенко Олег Александрович – кандидат политологических наук, старший преподаватель факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: alekseenko@fgp.msu.ru

O.A. Alekseenko. Perspectives of Russia in Polycentric System of International Relations

Abstract. *This article is about the main characteristics and tendencies of development of polycentric system of international relations. The author analyzes the role of the Russian Federation in the formation of a global political space.*

Keywords: *globalization, polycentric world, international relations, Russia, center of forces.*

Alekseenko Oleg Aleksandrovich – candidate of Political sciences, senior teacher of the Faculty of Global processes, Lomonosov Moscow State University.
E-mail: alekseenko@fgp.msu.ru

Окончание холодной войны и распад СССР привели к окончанию эпохи биполярного мира. Соединенные Штаты Америки по совокупности своих политических, технологических, финансовых параметров и военной мощи оказались в положении единственного центра силы глобального масштаба [4, с. 42]. Это обстоятельство нашло свое отражение в реализации сценария

«Pax Americana» в 1991–2008 гг. – в период президентских сроков Дж. Буша-старшего, Б. Клинтона и Дж. Буша-младшего. Соединенные Штаты в процессе реализации сценария американоцентричного мирового порядка использовали различные методы воздействия на других участников международной жизни, нередко применяя военную силу в отношении несогласных. Все это повлекло за собой многочисленные нарушения норм международного права, а в дальнейшем проявилось в кризисе Организации Объединенных Наций и ее специализированных институтов.

Внешняя политика США периода администрации Б. Обамы 2009–2017 гг. продемонстрировала кризис внешнеполитической идеологии «Pax Americana». Урегулировать кризис не помогли даже заверения демократов о курсе на стабилизацию ситуации в мире, повышении коллективности в урегулировании конфликтов и отказе от гегемонии в глобальном лидерстве [7, с. 55]. Избрание президентом США республиканца Д. Трампа, пришедшего под лозунгом «Америка прежде всего», стало полной неожиданностью для политического истеблишмента Соединенных Штатов. Итоги выборов стали индикатором глубокого раскола в американском обществе. Эксперты Международного дискуссионного клуба «Валдай» полагают, что «администрация Д. Трампа будет жестче, чем это делала администрация Б. Обамы, отстаивать жизненно важные и важные интересы Америки, но с большей легкостью пренебрегать тем, что к ним не относится. Сохранение влияния в странах и регионах, где у США нет важных интересов в узком понимании, и их вовлечение в орбиту американского порядка перестанет быть самоцелью» [5].

Таким образом, трансформация системы международных отношений в наши дни стала более динамичной и наглядной.

С начала 1990-х годов происходил достаточно динамичный подъем развивающихся стран «периферии»: Китая, Бразилии, Индии, Индонезии, Турции и т.д. Россия, в свою очередь, постепенно начала возвращать былое влияние на международной арене и активно участвовать в процессах глобального управления.

Возвышение новых глобальных и региональных центров силы в совокупности с кризисными явлениями американского варианта глобализации наглядно продемонстрировало переход мира к полицентричной системе международных отношений. Такой переход предполагает, что глобальный гегемон (США) постепенно переходит в категорию центров силы и одновременно с этим принимает появление других центров силы, функционирующих на глобальном и региональном уровнях.

Конечно, можно предположить, что современный мир может вернуться к традиционной структуре международных отношений, основанной на взаимодействии национальных государств. Нельзя исключить и его трансформацию в биполярный мир во главе с американско-китайским кондоминиумом. Однако

набирающие с начала 2000-х годов силу процессы регионализации получают все большее распространение в различных регионах мира. Уместным будет упомянуть о китайской концепции «多極化» (duōjíhuà), сформулированной Цзян Цземинем в конце 1990-х годов. Согласно этой концепции, главная роль в международных делах будет принадлежать крупным государствам, но эти государства не будут стремиться к гегемонии, что станет основой для баланса сил в международных отношениях [2, с. 21]. В настоящее время к числу центров силы относятся США, КНР, ЕС, Япония, Россия, Бразилия, Индия, Иран, ЮАР и Турция [3, с. 39].

Таким образом, современная полицентричность основана на разделении мира на сферы влияния между глобальными и региональными центрами силы, в основе которых лежат механизмы экономической интеграции. В такой конфигурации авторитет и притягательность центров силы будут определяться масштабами и интенсивностью финансового и экономического взаимодействия. Кроме того, важным аспектом выступает способность глобального лидера защитить своих партнеров от вызовов и угроз современного мира, в том числе посредством военной силы.

Схожесть интересов и поставленных задач способствуют налаживанию действенных механизмов взаимодействия между государствами (группами государств), располагающимися на разных континентах. Ярким примером такого взаимодействия выступает объединение БРИКС, включающее представителей пяти различных цивилизаций и четырех континентов. Процесс оформления БРИКС в центр силы инициирует взаимодействие экономических зон и организаций, находящихся в орбите влияния каждого из государств – участников объединения.

Российская Федерация активно участвует в этом процессе, рассматривая БРИКС как действенный инструмент в противодействии политике США в тех регионах, которые Россия рассматривает в качестве традиционных зон влияния, способных помочь укреплению национальной безопасности, защитить суверенитет и предотвратить военную агрессию [1, с. 61]. Кроме того, Россия солидарна с партнерами по БРИКС в глобальных вопросах, оценках событий на международной арене и выражает готовность к консолидации ресурсов со странами БРИКС в достижении общих целей.

Реализация различных внешнеполитических концепций в процессе политического конструирования нового типа международных отношений под воздействием глобальной среды неизбежно образует новые параметры внешней политики государств на макро-, мезо- и микроуровнях. Ставится вопрос о балансе сил и выстраивании системы международной безопасности.

В условиях полицентричного мира центры силы выступают в качестве функциональных точек роста. Подтверждением этого является неуклонный рост значимости крупных развивающихся государств и объединений

в вопросах глобального управления. Примером такого явления может выступать G20, саммиты которой стали важнейшей площадкой для встреч мировых лидеров, на полях которой происходит согласование важнейших политических и экономических проблем современного мира.

В торгово-экономическом отношении указанные процессы подтверждаются показателями взаимной торговли между развивающимися странами, которые на сегодняшний день составляют более 50% [6]. Кроме того, на их долю приходится примерно 75% официальных валютных резервов [8]. Все это делает развивающиеся государства привлекательными для притока прямых иностранных инвестиций. Более того, некоторые из развивающихся стран, например Китай, сами превратились в крупнейших мировых инвесторов. В мировой экономике усиливается роль национальных валют, государства постепенно отказываются от доллара США во взаимных расчетах. Появляются – в качестве альтернативы существующим традиционным финансовым институтам – новые международные финансовые организации.

Все это дает возможность полагать, что за диалоговыми форматами (G7, G20, БРИКС и др.), а также интеграционными объединениями (ЕС, МЕРКОСУР, АСЕАН, ЕАЭС) – будущее полицентричного мира.

Россия сегодня активно включена в процессы формирования новой архитектуры глобального политического пространства в качестве одного из ведущих центров силы. В этом смысле особое значение приобретает необходимость новых формулировок своих национальных интересов и приоритетов национальной безопасности. Главной задачей, возникающей перед политическим истеблишментом России, является активная защита своих интересов в регионах традиционного влияния с постепенным наступлением по приоритетным направлениям. Успешная реализация совместных с партнерами по различным объединениям и интеграционным группам экономических проектов, консенсусные инициативы по ключевым международным вопросам позволят России восстановить утраченные позиции в международных делах.

Библиография

1. Алексеенко О.А. БРИКС: Место России в группе // Научно-аналитический журнал Обозреватель–Observer. 2015. № 5 (304). С. 58–68.

2. Жданов В.Л. Концепция «трех миров» Мао Цзэдуна в контексте традиционных политических доктрин Китая. Автореф. на… канд. полит. наук. Екатеринбург, 2005. 23 с.

3. Ильин И.В., Алексеенко О.А. БРИКС – новая форма полицентричности мирового порядка // Научно-аналитический журнал Обозреватель–Observer. 2014. № 12. С. 35–43.

4. Ильин И.В., Леонова О.Г., Розанов А.С. Теория и практика политической глобалистики. М: Изд-во МГУ, 2013. 296 с.

5. Контуры внешней политики администрации Трампа: Общие принципы и функциональные приоритеты // «Валдай»: Международный дискуссионный клуб. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kontury-vneshney-politiki-administratsii-trampa/ (Дата обращения: 10.02.2017.)

6. Материалы к выступлению заместителя министра экономического развития Российской Федерации А.Е. Лихачева, 9 сентября 2013 г. // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: economy.gov.ru/wps/wcm/connect/Выступление+(9+09).rtf (Дата обращения: 11.02.2017.)

7. Шаклеина Т.А. Проблемы обеспечения международной безопасности и формирующийся мировой порядок. Политика США // Россия в современной архитектуре международной безопасности: вызовы и перспективы: Материалы научной конференции (Нижний Новгород, 28–30 сентября 2015 г.). М.: Издательство Московского университета, 2016. С. 53–62.

8. Global Development Horizons. Multipolarity: The New Global Economy // Washington, 2012. 160 p.

References

Alekseenko O.A. BRIKS: mesto Rossii v gruppe // Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel'–Observer. 2015. N 5 (304). P. 58–68.

Global Development Horizons. Multipolarity: The New Global Economy // Washington, 2012. 160 p.

Il'in I.V., Alekseenko O.A. BRIKS – novaja forma policentrichnosti mirovogo porjadka // Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel'–Observer. 2014. N 12. P. 35–43.

Il'in I.V., Leonova O.G., Rozanov A.S. Teorija i praktika politicheskoj globalistiki. Moscow: Izd-vo MGU, 2013. 296 p.

Kontury vneshnej politiki administracii Trampa: Obshhie principy i funkcional'nye prioritety // «Valdaj»: Mezhdunarodnyj diskussionnyj klub. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kontury-vneshney-politiki-administratsii-trampa/ (Data obrashhenija: 10.02.2017.)

Materialy k vystupleniju zamestitelja Ministra jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii A.E. Lihacheva, 9 sentjabrja 2013 g. // Ministerstvo jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii. URL: economy.gov.ru/wps/wcm/connect/Vystuplenie+(9+09).rtf (Data obrashhenija: 11.02.2017.)

Shakleina T.A. Problemy obespechenija mezhdunarodnoj bezopasnosti i formirujushhijsja mirovoj porjadok. Politika SShA // Rossija v sovremennoj arhitekture mezhdunarodnoj bezopasnosti: Vyzovy i perspektivy: Materialy nauchnoj konferencii (Nizhnij Novgorod, 28–30 sentjabrja 2015 g.). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2016. P. 53–62.

Zhdanov V.L. Koncepcija «treh mirov» Mao Czjeduna v kontekste tradicionnyh politicheskih doktrin Kitaja. Avtoref. na… kand. polit. nauk. Ekaterinburg, 2005. 23 p.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПОСТУПАЮЩИМ В ЖУРНАЛ «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР»

I

Ежеквартальный мультидисциплинарный научный журнал «Россия и современный мир» публикует статьи по социально-экономическим, историко-культурным и политическим проблемам России, а также статьи, анализирующие роль и место России в современной системе международных отношений.

Журнал не перепечатывает материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях или в сети Интернет. Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Перепечатка публикаций журнала в других изданиях возможна лишь с указанием автора, названия журнала, номера и года публикации.

При публикации материала редакция заключает с автором лицензионный договор, согласно которому автор предоставляет редакции неисключительные права на свою статью; это означает, что редакция получает право распространять печатные экземпляры журнала с этой статьей вплоть до полной реализации, размещать на ресурсах журнала в сети Интернет. Автор также имеет право републиковать текст в другом печатном или сетевом издании, включить в книгу, выложить в сети Интернет.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

II

Объем присылаемых рукописей не должен превышать 1 п.л.

В имени файла необходимо указать фамилию и инициалы автора статьи на русском языке, например Иванов П.С. Рукописи принимаются по электронной почте на официальный адрес редакции: rossovmir@gmail.com.

Редакция организует экспертизу материалов. Если статья требует доработки, автору посылается письмо с соответствующими рекомендациями по доработке текста на основании рецензии. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ с использованием материалов рецензии.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Главные требования к публикациям: наличие научной проблематики, соответствующей профилю журнала, новизна, хороший литературный язык. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать материалы рукописи, не меняя смысла представленной информации. Автор несет ответственность за содержание своей работы, за точность цитат, за корректность цитирования и отсутствие в тексте плагиата. Мнение автора может не совпадать с позицией редакции и членов редколлегии.

III

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. После этого приводится краткая аннотация и ключевые слова, употребляемые в тексте. Далее указываются фамилия, имя и отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, город, e-mail.

Далее инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова (не более 10) и сведения об авторе (авторах) даются в переводе на английский язык.

Цитируемые источники и литература оформляются однотипно. Список цитированных источников и литературы располагается после текста статьи, предваряется словом «Библиография» и располагается в алфавитном порядке под номерами. Сначала указываются русскоязычные издания, а затем иноязычные; нумерация сплошная. Для источников и литературы из электронных изданий указывается URL и дата обращения.

Список источников и литературы должен быть транслитерирован латинскими буквами; на английский язык переводятся только названия городов в библиографическом описании и буква р. – обозначение страницы. Транслитерированной список помещается в списке под названием «References». Этот список также располагается по алфавиту, но без нумерации. Для транслитерации допускается использование специализированных сайтов в сети Интернет, например: http://translit.net/.

Опубликованные источники и литература описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место публикации, издательство (для изданий книжного типа), год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: 1) Иванов И.И. Проблемы науки. М.: Наука, 2010. 250 с.; 2) Петров П.П. К вопросу о… // Россия и современный мир. М., 2011. № 4. С. 5–25.

В транслитерированном виде описание выглядит так: 1) Ivanov I.I. Problemy nauki. Moscow: Nauka, 2010. 250 p.; 2) Petrov P.P. K voprosu o… // Rossiya i sovremenny mir. Moscow, 2011. N 4. P. 5–25.

Архивные источники описываются так: фамилия автора, инициалы, название рукописи, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле (или те страницы, на которых помещен цитируемый документ). Или: название дела, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле. Например: 1) Багрицкая Л.Г. Письмо В.П. Катаеву от 7.10.1947 г. // РГАЛИ. Ф. 1399. Оп. 2. Д. 81. Л. 1–4 об.; 2) Жаворонков Б.И. Слово о Московском государственном историко-архивном институте // ГАРФ. Ф. Р8370. Оп 2. Д. 3. 3 л.; 3) Следственное дело А.Н. Гарри, 1930 г. // ЦА ФСБ. Д. Р-3346. 119 л.

В транслитерированном виде это описание будет выглядеть следующим образом: 1) Bagritskaya L.G. Pismo V.P. Kataevy, 7.10.1947 г. // RGALI. F. 1399. Op. 2. D. 81. P. 1–4 ob.; 2) Javoronkov B.I. Slovo o Moscovskom Gosudarstvennom istorico-arhivnom institute // GARF. F. R8370. Op. 2. D. 3. 3 p.; 3) Ugolovnoe delo A.N. Harry // CA FSB. D. P-3346. 119 p.

Источники и литература в электронном виде описываются по следующему образцу: 1) Всеобщая декларация прав человека. 1948. 10 декабря. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (Дата обращения: 25.12.2015.); 2) Vseobshhaya deklaratsiya prav cheloveka. 1948. URL: http://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/index.html (Data obrasheniya: 25.12.2015.)

Фамилии зарубежных авторов даются в оригинальном написании.

В тексте статьи ссылки на каждую позицию списка приводятся в скобках, где указывается номер ссылки и через запятую те страницы, к которым отсылается читатель. Например [5, с. 38]. Отсылки к нескольким позициям приводятся в одних скобках через точку с запятой. Примеры: [1, с. 23–33; 2, с. 15]. Ссылки на тексты, размещенные в сети Интернет, даются без указания страниц. Например: [8].

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны только в тексте статьи.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru

Россия и современный мир № 2 – 2017 (95)

Верстка Н.М. Власова

Корректор
О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.
Подписано к печати 06.06.2017 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Цена свободная
Усл. печ. л. 19,0 Уч.-изд. л. 14,5
Тираж 870 экз. Заказ № 78

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9